

Annotation

По легенде, этот затерянный на пустынном острове хутор построен из бревен, оставшихся после кораблекрушения. Поэтому рядом с живыми здесь всегда присутствуют мертвые.

Катрин и Йоаким приезжают сюда из Стокгольма. Они хотят прожить здесь долгую, счастливую жизнь и вместе вырастить своих детей. Но этим мечтам не суждено сбыться. Однажды при странных и трагических обстоятельствах Катрин погибает.

Йоаким не готов смириться со смертью жены. Он ждет ее прихода, он верит, что в ночь перед Рождеством Катрин вернется к своей семье, чтобы отметить этот праздник вместе с близкими. Но Йоаким не знает, что не только призрак умершей Катрин навестит его этой праздничной ночью, он даже не думает о том, что бояться нужно не мертвых. Бояться нужно живых...

- [Юхан Теорин](#)
 - [Зима 1846 года](#)
 - [Начни новую жизнь в деревне!](#)
 - [Октябрь](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Зима 1868 года](#)
 -
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Ноябрь](#)
 - [6](#)
 - [Зима 1884 года](#)
 -
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Зима 1900 года](#)
 -

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [Зима 1916 года](#)
 -
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
- [Зима 1943 года](#)
- [Декабрь](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
- [Зима 1959 года](#)
 -
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
- [Зима 1960 года](#)
 -
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
- [Зима 1961 года](#)
 -
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
- [Зима 1962 года](#)
 -
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
- [Зима 1962 года](#)
 -
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [Зима 1962 года](#)
 -
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [Комментарий к «Книге штормов», сделанный Катрин Вестин](#)
 - [Выражение признательности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Юхан Теорин

Ночной шторм

Каждый год на Рождество мертвые собираются в церкви. Но однажды им помешали. У одной старушки остановились часы, и она пришла в церковь в ночь накануне Рождества, а не утром, как следовало. В церкви было многолюдно и шумно, как во время заутрени. Но внезапно старушка увидела впереди своего ухажера времен далекой молодости, который утонул много лет назад. Он сидел на церковной скамье вместе с остальными...

Шведская народная сказка (XVIII век)

Зима 1846 года

Здесь начинается моя книга, Катрин, — с года, когда был построен хутор Олудден. Для меня этот хутор был не просто местом, где мы жили с матерью: здесь я выросла и узнала, что значит быть взрослой.

Промышлявший ловлей угря Рагнар Давидсон однажды сказал мне, что хутор наполовину выстроен из бревен, подобранных после крушения немецкого корабля, перевозившего древесину. Я склонна ему верить. На стене в глубине сеновала, устроенного над коровником, на доске вырезаны слова: «Памяти Кристиана Людвига».

Я слышала, как мертвые шепчутся в стенах. Им столько нужно мне рассказать.

Вальтер Броммесон, сложив руки, молится Богу в своем крохотном каменном домике в Олуддене. Он молится, чтобы море пощадило его маяк.

Никогда еще он не видел такого мощного шторма, чтобы снег, принесенный ветром с севера, стоял белой стеной, сковывая все живое и превращая в лед.

Башни, Господи, позволь нам достроить башни...

Вальтер Броммесон построил в своей жизни немало маяков, но впервые ему пришлось работать на острове Эланд в Балтийском море. Вальтер приехал сюда в марте год назад и сразу принялся за работу: нашел людей, заказал глину и камень и сильных лошадей.

Свежая весна, жаркое лето, солнечная осень на побережье пролетели как один день. Работа спорилась, и два маяка медленно поднимались вверх навстречу небу. Но потом солнце исчезло, температура понизилась, и люди заговорили о приходе зимы с ее суровыми штормами. Его ждали, и наконец он пришел... ветер с севера... Однажды вечером он подобно дикому зверю набросился на мирное побережье.

Только под утро ветер начинает стихать.

Внезапно с берега доносится крик. Он врывается в темноту, укрывающую дом плотным колпаком, — пронзительный, душераздирающий вопль о помощи на чужом языке.

От крика Броммесон просыпается. И тут же будит измотанных

работников.

— Кораблекрушение, — говорит он, — мы должны идти.

Сонные работники неохотно подчиняются приказу, но Броммесону удается вытолкать их всех на мороз.

Согнувшись, строители идут навстречу ледяному ветру. Броммесон поворачивается и с облегчением отмечает, что недостроенный маяк по-прежнему на месте. Смотрит в другую сторону — там ничего. До горизонта теперь простирается снежная пустыня.

Работники понуро смотрят на море. Но ничего не видно ни среди гранитных вол, ни на прибрежном песке, только сквозь шум моря доносятся слабые крики и треск деревянных балок.

Огромный корабль налетел на скалы, и через пробоины в трюм поступает ледяная волна. Но строители ничем не могут помочь. Им остается только стоять и слушать крики о помощи. Три раза они пытались спустить на воду лодку, но безуспешно. Видимость нулевая, волны накрывают с головой, и повсюду в воде — тяжелые бревна.

Потерпевший крушение корабль перевозил на палубе древесину. Налетев на скалы, он растерял свой ценный груз. Бревна оказались в воде. Прибитые волнами к берегу, они бьются и трутся друг о друга.

С появлением солнца среди сизых туч работники видят первое тело. Это молодой мужчина в десяти метрах от берега; руки его широко раскинуты, словно он до последнего пытался ухватиться за бревно.

Двое работников заходят в ледяную воду, берутся за намокшую рубаху и вытаскивают утопленника на песок.

Руки их немеют от ледяной воды. Мертвец крупный и тяжелый, и его приходится долго тащить на берег. Вода льется из одежды на песок.

Строители окружают утопленника. Никто ничего не говорит. Все боятся коснуться мертвеца.

В конце концов Броммесону приходится перевернуть труп.

Утопленник — моряк с густыми черными волосами; широкий рот его полуоткрыт, словно он последний раз пытается глотнуть воздуха. Неподвижные глаза смотрят в серое небо.

На вид ему не больше тридцати. Может, холостой, а может, отец семейства — кто знает. Но он погиб в чужом краю, даже не зная названия острова, у берегов которого корабль потерпел крушение.

— Нужно будет вызвать пастора, — сказал Броммесон и закрыл мертвецу глаза, не в силах вынести этот невидящий взгляд.

Спустя три часа на берег вынесло еще пять мертвых тел и обломок доски с названием судна: «Кристиан Людвиг — Гамбург».

И бревна. Сотни бревен...

Весь груз теперь принадлежит шведскому государству, тому, что строит маяки на Олуддене. В руках строителей внезапно оказалась прекрасная сосновая древесина стоимостью сотни шведских талеров.

— Мы должны вытащить все бревна и спрятать подальше от любопытных глаз, — объявил Броммесон.

Сказав это, он обвел глазами заснеженную равнину. На острове почти нет леса, но теперь вместо небольшого каменного дома смотрителя маяка, как это планировалось, они смогут построить большой деревянный хутор.

Перед глазами Броммесона тут же возник большой хутор с просторным хозяйским домом со множеством комнат и залом. Теплое и удобное жилище для тех, кто будет присматривать за его маяками здесь, на краю мира.

Но этот хутор будет построен из дерева, выброшенного на берег после кораблекрушения, а это может повлечь за собой несчастье. Чтобы предотвратить беду, нужно как-то задобрить духов. Может, построить им часовню. Часовню в память обо всех умерших у этого берега, в память обо всех бедных душах, покоящихся в неосвященной земле.

Мысли о доме не оставляют Броммесона. В тот же день он начинает отмерять землю. Но когда шторм стихает и строители принимаются вытаскивать из воды бревна и складывать их в штабеля, в ушах у них по-прежнему звучат крики тонущих.

У меня нет никаких сомнений: те строители так и не смогли забыть крики умирающих моряков. И я знаю, что они с трудом приняли решение Броммесона построить из вынесенных на берег бревен хутор.

Хутор, построенный из бревен, за которые цеплялись умирающие в свой последний час... Нам с матерью стоило хорошо подумать, прежде чем поселиться там в конце пятидесятых. Да и тебе не стоило этого делать тридцатью годами позже, Катрин...

Мирья Рамбе

Начни новую жизнь в деревне!

На продажу выставлен хутор Олудден в северозападной части острова Эланд.

Описание. Большой хутор смотрителя маяка, построенный в середине девятнадцатого века, расположен в уединенной части острова с великолепным видом на море. Всего триста метров до пляжа и никаких соседей поблизости.

Большой сад с лужайкой идеально подойдет для детей. Неподалеку — птичий заповедник и роща, вокруг хутора — луга и поля.

Строения. Красивый двухэтажный деревянный хозяйский дом (без подвала) площадью двести восемьдесят квадратных метров. Нуждается в небольшом ремонте. Построен из прочных деревянных бревен. Черепичная крыша. Застекленная веранда. Пять печей для обогрева. Сосновый пол. Горячая и холодная вода, но частная канализация.

Дом для прислуги площадью восемьдесят квадратных метров. Электричество и вода подведены. После небольшого ремонта строение можно сдавать в аренду.

Сарай площадью четыреста пятьдесят квадратных метров в относительно плохом состоянии.

Статус. ПРОДАНО.

Октябрь

Звонкий детский голос пронзает тишину темных комнат:

— Мама!

Он вздрагивает, вырываясь из пещеры сна, где было так темно, тепло и уютно. Просыпаться — болезненно. Глаза открыты, но сознание еще спит... Не понимаешь, кто ты, где ты. В голове — обрывки воспоминаний... *Этель? Нет, не Этель... Катрин, Катрин...* Он отчаянно моргает, пытаясь различить что-нибудь в кромешной тьме.

Еще пара секунд, и ему вспоминается собственное имя. Йоаким Вестин. Его зовут Йоаким Вестин, и лежит он в двуспальной кровати на хуторе Олудден на севере Эланда.

Он дома. Уже вторые сутки. Его жена Катрин с детьми живут здесь уже два месяца, а он приехал только вчера.

01.23. Цифры на часах — единственный источник света в комнате без окон.

Звука, разбудившего Йоакима, больше нет, но он знает, что ему не померещилось. Даже во сне он слышал стоны, доносившиеся из другой части дома.

Рядом с ним в кровати Катрин. Она крепко спит, повернувшись спиной к нему и натянув на себя одеяло. В темноте он различает контуры тела жены и чувствует исходящее от нее тепло. Она спала здесь одна почти два месяца, сам же Йоаким жил в Стокгольме и приезжал только на выходные. От этого плохо было всем.

Он протянул руку к Катрин, и в этот момент снова раздался голос:

— Мама!

Йоаким узнал голос Ливии и, откинув одеяло, встал с кровати.

От печки в углу спальни все еще шло тепло, но деревянный пол под ногами был просто ледяным. Его придется перестелить, как они это сделали в детской и на кухне. Но это придется отложить на следующий год. А пока они купят пару ковров и запасутся дровами. Нужно найти дрова подешевле, потому что дом большой и его нужно хорошо протапливать.

Много чего еще нужно купить до наступления холодов. Лучше составить список.

Йоаким затаил дыхание и прислушался. В доме было тихо.

Он взял висевший на стуле халат, тихо надел его поверх пижамы, осторожно пробрался между коробками с вещами, оставшимися от

переезда, и вышел из спальни.

В темноте легко можно было заблудиться. В доме в Стокгольме он всегда машинально поворачивал направо: именно там располагалась детская, — но здесь, на хуторе, она была слева.

Спальня Катрин и Йоакима была затеряна в лабиринтах дома, построенного в прошлом веке. Весь коридор, ведущий к ней, занимали коробки с вещами. На другом конце коридора был зал с окнами, выходящими во двор, по обе стороны которого, как флигеля, располагались подсобные помещения.

Олудден был обращен передом на море и выходил задом вглубь суши. Подойдя к окну, Йоаким посмотрел на море, освещенное красным светом маяка. Южный маяк освещал несколько сотен метров морского простора, но северный был слеп. Катрин рассказала, что ни разу не видела, чтобы он горел.

Йоаким слышал, как ветер бьется в стены, и видел, как тревожные тени собираются вокруг маяков. Волны. Почему-то они всегда напоминали ему об Этель, хотя убили ее не они, а холод.

Это случилось всего десять месяцев назад.

Снова раздались звуки в темноте. Но это уже был не стон. Ливия словно разговаривала сама с собой во сне. Йоаким вернулся в коридор. Он осторожно перешагнул через порог и оказался в спальне Ливии с одним маленьким окном. В комнате было темно. Лишь занавеску с рисунком в виде танцующих поросят подсвечивал проникавший в окно слабый свет.

— Прочь, — произнес детский голос. — Прочь...

Йоаким наткнулся на мягкую игрушку на полу и поднял ее.

— Мама?

— Нет. Это папа.

Девочка зашевелилась под цветастым одеялом. Йоаким склонился над кроватью.

— Ты спишь?

Ливия приподняла голову с подушки.

— Что?

Йоаким положил игрушку в постель рядом с дочкой.

— Форман упал на пол.

— Он сильно ударился?

— Нет, даже не проснулся.

Ливия обхватила рукой свою любимую мягкую игрушку с овечьей головой, но на двух ногах, купленную на острове Готланд прошлым летом. Наполовину человек, наполовину овца. Йоаким называл игрушку Форман,

именем боксера, который в сорок пять лет стал самым возрастным чемпионом мира в тяжелом весе.

Он протянул руку и легко погладил Ливию по голове. Кожа была прохладной. Ливия опустила на подушку и посмотрела на него.

— Ты давно здесь, папа?

— Нет.

— Здесь кто-то был, — сказала она.

— Тебе это приснилось.

Ливия кивнула и закрыла глаза, снова погружаясь в свои сны.

Йоаким выпрямился, повернул голову и увидел в окне слабый свет южного маяка. Подошел к окну и приподнял занавеску. Окно выходило на запад, из него не видно было маяка, но красный свет освещал поле за домом.

Дыхание Ливии было ровным. Утром она даже не вспомнит, что он был тут ночью. Йоаким заглянул в соседнюю спальню. Эту комнату Катрин оклеила обоями и обставила мебелью сама, пока он занимался в Стокгольме переездом.

В детской было тихо. Двухлетний Габриэль спокойно спал в своей кроватке. Последний год он ложился спать в восемь и спал почти десять часов подряд. Большинство родителей об этом только мечтают.

Йоаким развернулся и пошел обратно в спальню. Пол скрипел под ногами, и весь дом наполняли тихие, едва слышные звуки.

Катрин спала, когда он лег в кровать.

На следующий день им нанес визит приятный мужчина немногим старше пятидесяти лет. Он вежливо постучал в кухонное окно. Йоаким поспешил открыть, решив, что зашли поздороваться соседи.

— Добрый день, — сказал мужчина. — Я Бенгт Ньюберг из «Эланд-постен».

Он стоял на крыльце, на шее его висела камера, в руке он держал блокнот. Поколебавшись, Йоаким пожал руку журналисту.

— Я слышал, что кто-то сюда переехал, и зашел, надеясь застать вас дома.

— Я только что приехал, но моя семья живет здесь уже пару месяцев.

— Отчего так?

— Я учитель, — объяснил Йоаким. — Мне нужно было работать.

Репортер кивнул.

— Мы должны об этом написать, понимаете, — сказал он. — Весной мы давали объявление, что хутор продан, и всем теперь любопытно узнать, кто новые владельцы.

— Мы обычная семья, — поспешил ответить Йоаким. — Вот и все, что можно написать.

— А откуда вы приехали?

— Из Стокгольма.

— Как королевская семья, — заметил Нюберг и пристально посмотрел на Йоакима. — Вы тоже, как король, будете жить здесь только летом, когда тепло и хорошо?

— Нет, мы переехали сюда насовсем.

Катрин вышла в прихожую и присоединилась к ним. Бенгт бросил на нее взгляд, Катрин кивнула и пригласила его войти. Журналист неспешно перешагнул через порог.

Они устроились в кухне — комнате, которая была отремонтирована лучше всего. Во время ремонта Катрин и местный мастер обнаружили интересную находку — подпольный тайник, выложенный плиткой. Внутри были серебряная ложка и полусгнившая детская туфелька. Столяр рассказал, что это жертвоприношение, призванное умиловить домашних духов, чтобы они дали дому много детей и еды, которой их можно было прокормить.

Йоаким сварил кофе, и все трое уселись за длинным дубовым столом. После того как пришедшие дети устроились у родителей на коленях, Нюберг раскрыл блокнот.

— Как вы решили купить этот дом?

— Ну... Нам нравятся деревянные дома, — ответил Йоаким.

— Мы их просто обожаем, — прибавила Катрин.

— Но это серьезный шаг — купить Олудден и переехать сюда из Стокгольма...

— Ничего особенного, — сказала она. — Мы жили в доме под Стокгольмом, но решили сменить его на дом на Эланде.

— Почему именно Эланд?

Теперь Йоаким решил ответить.

— Семья Катрин жила здесь, — сказал он.

Катрин взглянула на него, и он тут же понял, что жена недовольна. Если кто-то и должен рассказывать о ее происхождении, то только она сама. А она этого не хочет.

— Где именно?

— В разных местах, — ответила Катрин, не глядя на репортера. — Они часто переезжали.

Йоаким мог сказать, что его жена — дочь Мирьи Рамбе и внучка Торун Рамбе, и Нюбергу было бы что написать, — но не стал этого делать, потому

что Катрин почти не разговаривала с матерью.

— Сам я городской человек, — вместо этого сообщил он. — Вырос в восьмиэтажной бетонной коробке в Якобсберге среди машин и асфальта. Вот почему я так мечтал переехать за город.

Ливии надоело сидеть тихо на коленях у отца, и она побежала в детскую. Габриэль в свою очередь съерзнул с маминых колен и последовал за сестрой.

Йоаким послушал энергичный стук сандалий по полу и повторил то, что он уже тысячу раз говорил друзьям и соседям в Стокгольме:

— Этот остров прекрасное место для детей. Луга и леса, чистый воздух, чистая вода. Никаких простуд. Никаких машин. Никаких пробок. Здесь просто рай на земле.

Нюберг записал все эти банальности в блокнот, и они провели журналиста по первому этажу, показывая отремонтированные комнаты и те, где еще только предстояло поклеить обои и обновить пол.

— Печи в прекрасном состоянии, — заметил Йоаким. — И деревянный пол очень хорошо сохранился... его надо только отшлифовать.

Видимо, его энтузиазм был заразительным, потому что через некоторое время Нюберг перестал задавать вопросы и начал с любопытством оглядываться по сторонам. Он пожелал увидеть остальные помещения тоже, хотя Йоаким не хотел лишний раз вспоминать, сколько еще надо сделать.

— Больше смотреть не на что, — сказал он. — Одни пустые комнаты.

— Только одним глазком, — настаивал Нюберг.

Йоаким кивнул и открыл дверь на второй этаж.

Катрин и репортер поднялись за ним по шаткой деревянной лестнице в полутемный коридор. Окна выходили на море, но они были заколочены досками и пропускали только тонкие полоски света.

Ветер хозяйничал в темных комнатах.

— Здесь сквозняки гуляют, — сказала Катрин, сделав гримасу. — Правда, это спасает от влажности.

— Вот оно как, — произнес Нюберг, оглядывая оборванные обои и паутину под потолком. — Тут вам много работы предстоит.

— Мы знаем.

— Не терпится взяться, — прибавил Йоаким.

— Кстати, что вы знаете об этом доме? — сказал Нюберг после паузы.

— Вы имеете в виду историю хутора? — спросил Йоаким. — Немного. Агент по продаже недвижимости кое-что рассказал. Хутор построили в середине девятнадцатого века, но несколько раз перестраивали. Веранда

явно построена недавно.

Он посмотрел на Катрин, словно спрашивая, не хочет ли она что-то добавить, например о том времени, когда здесь жили ее мама и бабушка, но она не заметила его взгляда.

— Нам известно, что смотритель маяка жил в доме с семьей и слугами, — сказал он, — и что здесь было довольно людно.

Нюберг кивнул и огляделся.

— Мне кажется, последние двадцать лет здесь почти никто не жил, — сказал он. — Четыре года назад здесь останавливалась семья беженцев с Балкан, но они быстро уехали. Немного жаль, что такой добротный дом пустовал.

Они спустились вниз по лестнице. По сравнению со вторым этажом, даже пустые комнаты на первом казались теплыми и уютными.

— У этого дома есть прозвище? — спросила у журналиста Катрин.

— Какое прозвище?

— Он как-нибудь называется, этот хутор? Все говорят Олудден, но ведь это название этой местности.

— Да, Олудден, потому что здесь в прибрежных водах летом собирается угорь,^[1] — произнес Нюберг деловым тоном. — Но мне кажется, у дома нет никакого названия.

— Странно, обычно у хуторов всегда есть названия, — вставил Йоаким. — Наш дом под Стокгольмом, например, назывался Яблочной виллой.

— У этого нет никакого названия. Я, во всяком случае, о нем не слышал, — сказал Нюберг и добавил: — Но с ним связано много суеверий.

— Суеверий?

— Я слышал несколько... Например, что если кто-то чихнет на хуторе, то поднимется ветер.

Катрин и Йоаким рассмеялись.

— Придется чаще протирать пыль, — с улыбкой произнесла Катрин.

— И есть еще истории о привидениях, — продолжил Нюберг.

Последовала пауза.

— Истории о привидениях? — переспросил Йоаким. — Агент ничего такого не говорил.

Он хотел было покачать головой, но Катрин сказала:

— Я слышала пару, когда пила кофе у наших соседей, Карлсонов. Но они сказали, что в них не верят.

— Да у нас нет времени на привидения, — прибавил Йоаким.

Нюберг кивнул и пошел в сторону прихожей.

— Когда дома долго пустуют, люди начинают выдумывать всякое. Давайте сделаем пару фото во дворе, пока не стемнело.

Ньюберг закончил визит быстрым осмотром подсобных помещений.

— Их вы тоже собираетесь ремонтировать? — спросил он, заглядывая в пыльное окно.

— Конечно, — ответил Йоаким. — Постепенно все сделаем.

— И будете сдавать в аренду?

— Может быть. Мы подумываем открыть отель через пару лет.

— Многим на острове приходила в голову это идея, — заметил Ньюберг.

Под конец он сделал десяток фотографий семьи на фоне дома. Катрин с Йоакимом стояли рядом, жмурясь от холодного ветра. Йоаким выпрямил спину и подумал, что соседний с их жилищем дом в Стокгольме удостоился трех разворотов в журнале «Красивые виллы», тогда как здесь об его семье расскажет только статья в «Эланд-постен».

Габриэль, одетый в зеленую куртку, сидел на плечах у Йоакима. Ливия в вязаной шапочке стояла между родителями и с подозрением смотрела в объектив.

Позади них, подобно горе из дерева и камня, возвышался Олудден.

Когда репортер уехал, вся семья отправилась на пляж. Ветер усилился, и солнце висело низко над крышами. Воздух наполнился запахом морских водорослей.

Казалось, они спускаются к пляжу на краю мира... Вдали от всех людей. Йоакиму нравилось это ощущение. Северный Эланд представлял собой крошечную полоску земли под бескрайним небом. Здесь плоская равнина плавно переходила в море, превращаясь в его глинисто-песчаное дно. Ровную линию пляжа изредка нарушали заливы, отделенные от моря песчаными косами.

Впереди к темно-синему небу устремлялись маяки.

Маяки Олуддена. Холмы, на которых они стояли, казались Йоакиму рукотворными, словно кто-то сделал в море насыпи из камня и гравия, подпер их большими камнями и залил сверху бетоном. В пятидесяти метрах к северу шел волнорез из больших камней, призванный защитить маяки от зимних штормов.

Ливия, державшая в руках Формана, внезапно устремилась к узкой дамбе, ведущей к маякам.

— Я с тобой! Я с тобой! — крикнул Габриэль. Но Йоаким удержал его, сказав:

— Мы пойдем вместе.

Через тридцать метров дамба разделялась на две узкие дорожки, ведущие к маякам. Катрин громко сказала:

— Не беги так быстро, Ливия! Это опасно.

Девочка остановилась и, показав рукой на южный маяк, крикнула:

— Это моя башня.

— Нет моя, — крикнул Габриэль.

— Моя, и точка, — заявила Ливия, используя свое любимое выражение, выученное в детском саду.

Катрин поспешила к дочери и кивнула в сторону северного маяка со словами:

— Тогда это моя башня.

— Прекрасно. А я в таком случае беру себе дом, — сказал Йоаким.

Ливия засмеялась, но Йоакиму было не смешно при мысли о том, сколько работы его ждет предстоящей зимой. Ему и Катрин надо еще найти работу в школе, а по вечерам они будут заниматься ремонтом. Йоаким обернулся к дому.

«Уединенное место», — вспомнились ему слова из объявления.

Йоаким еще не привык к размерам нового дома, возвышавшегося над равниной. Две печные трубы, черные от сажи, поднимались над черепичной крышей. В окне кухни горел свет, но веранда и остальные комнаты были темными.

Столько семей жило в этом доме. Столько ног ступало через порог. Столько рук касалось обоев. Строители. Смотрители маяков. Прислуга. Все оставили свой след на хуторе.

«Когда вы приобретаете старый дом, он приобретает над вами власть», — вспомнил Йоаким слова из книги о ремонте деревянных домов. Для него с Катрин это было не совсем так. Они легко расстались с домом в Стокгольме, хотя знали семьи, для которых оставить свой дом было немыслимо.

— Пойдем к маякам? — предложила Катрин.

— Да! — вскричала Ливия. — Да, и точка!

— На камнях легко поскользнуться, — заметил Йоаким.

Ему не хотелось, чтобы Габриэль и Ливия утратили страх перед морем. Ливия плавала плохо, а Габриэль вообще не умел плавать.

Но Катрин с Ливией уже шли по узкой каменной дорожке посреди моря. Йоаким поднял Габриэля на руки и осторожно последовал за ними.

Камни были вовсе не скользкими, наоборот, неровными и шероховатыми. Местами вода размывала бетон, оставив голые камни. Ветер был слабым, но Йоакима это не успокаивало. Зима на Эланде славилась

сильными ветрами и большими волнами. Удивительно, как эти маяки вообще устояли.

— Какой они высоты? — спросила Катрин, глядя на башни.

— У меня нет с собой линейки. Ну, может метров двадцать... — предположил Йоаким.

Ливия вскинула голову и посмотрела на маяк.

— Почему он не светит?

— Он загорится, когда стемнеет, — ответила Катрин.

— А второй никогда не горит? — Йоаким кивнул в сторону северной башни.

— Не думаю, — сказала Катрин. — С тех пор как мы приехали, ни разу не видела, чтобы он горел.

На развилке Ливия выбрала западную дорожку, не ту, что вела к «маминому» маяку.

— Ливия, будь осторожна, — предупредил Йоаким, глядя в черную воду.

Глубина не превышала двух метров, но его пугали тени и холод там, внизу. Йоаким хорошо плавал, однако в холодной воде купался неохотно, даже в самые жаркие дни.

Катрин уже взошла на холм и разглядывала окрестности. На севере виднелись безлюдные пляжи и рощи. На юге — луга и вдали несколько рыбацких хижин.

— Нет людей, — заметила она. — Я думала, пара соседей, по крайней мере, у нас будет.

— Их не видно за холмами, — возразил Йоаким и показал рукой в сторону северного пляжа. — Смотрите. Вы это видели?

Там были останки корабля на скалах всего в километре от маяка. Все, что осталось от потерпевшего бедствие судна: несколько выбеленных на солнце досок. Давным-давно корабль разбился о скалы и так и остался там. Его останки напоминали скелет древнего животного с торчащими наружу ребрами.

— Обломки корабля, — констатировала Катрин.

— Неужели они не видели маяка? — удивился Йоаким.

— Иногда и они не помогают. Особенно в шторм, — сказала Катрин. — Я с Ливией была там пару недель назад. Мы искали доски, но ничего не осталось.

Вход в маяк представлял собой арочный проем, заканчивающийся крепкой стальной дверью, так сильно проржавевшей, что от покрывавшей ее белой краски осталась лишь пара пятен. Замочной скважины в двери не

было, ее запирали только ржавый навесной замок, но, когда Йоаким взялся за ручку, дверь не шелохнулась.

— Я видел связку с ключами в кухонном шкафу, — сказал он. — Надо ими попробовать открыть замок.

— Или позвонить в морскую службу, — сказала Катрин.

Йоаким кивнул и отошел от двери. На самом деле маяки не упоминались в контракте на покупку земли и дома.

— Маяки не наши, мама? — спросила Ливия, когда они снова были на берегу.

В голосе ее звучало разочарование.

— Нет, — ответила Катрин. — Но зато нам не надо о них заботиться, не так ли, Ким?

Она улыбнулась мужу, и тот кивнул:

— С нас и дома хватит.

Пока он был у Ливии, Катрин перевернулась в постели, и, когда он лег, жена невольно потянулась к нему руками. Вдохнув ее запах, Йоаким закрыл глаза.

Только этого ему достаточно для счастья.

Жизнь в большом городе закончилась. Стокгольм остался маленьким серым пятнышком на горизонте, и воспоминания об Этель поблекли.

Покой.

Снова раздались стоны из комнаты Ливии, и он затаил дыхание.

— Мама!

На этот раз это был не стон, а крик. Йоаким вздохнул.

Катрин приподняла голову и прислушалась.

— Что? — сонным голосом произнесла она.

— Мама! — снова закричала Ливия.

Катрин села. Она, в отличие от Йоакима, могла проснуться в одно мгновение.

— Я уже пытался ее успокоить, — тихо объяснил Йоаким, — думал, она заснула, но нет...

— Я пойду к ней.

Катрин без колебаний сунула ноги в тапочки и надела халат.

— Мама?

— Иду-иду, — пробормотала она.

Это плохо, подумал Йоаким. Плохо, что Ливия каждую ночь хочет спать с мамой. Но эту привычку она приобрела в прошлом году, когда у девочки начались проблемы со сном — вероятно, из-за Этель. Ливия могла

заснуть только в постели с мамой. И теперь не хотела от этого отвыкать.

— Скоро вернусь, — сказала Катрин и вышла из комнаты.

Родительский долг. Йоаким лежал в кровати и вслушивался в тишину. Из комнаты Ливии не доносилось ни звука. Катрин о ней позаботится. Он устало закрыл глаза и погрузился в сон.

На хуторе было тихо.

Началась его новая жизнь.

Кораблик внутри бутылки казался Хенрику настоящим произведением искусства: выпиленный из цельного куска дерева фрегат длиной пятнадцать сантиметров с тремя мачтами и парусами из белого полотна. Каждый парус был закреплен тросами из черных ниток, обернутых вокруг миниатюрных деревянных столбиков. Рукой опытного мастера корабль с помощью пинцетов и проволоки был помещен в старинную бутылку из-под рома и установлен на подставке синего цвета, имитирующей море. После чего были подняты мачты и натянуты паруса при помощи изогнутых вязальных спиц. Затем бутылку запечатали пробкой.

Много недель ушло на изготовление корабля в бутылке, который братья Серелиус уничтожили за пару секунд.

Томми Серелиус смахнул бутылку с полки, и, ударившись об пол, она разбилась на тысячу острых осколков. Модель пережила падение и отлетела на пару метров в сторону, где ее остановил сапог младшего брата, Фредди. Он с любопытством осветил фонариком кораблик, а потом поднял ногу и раздавил его.

— Командная работа! — похвалил брата Томми.

— Ненавижу эти поделки, — произнес со злостью Фредди, почесал щеку и отшвырнул остатки корабля в сторону.

Хенрик тем временем вышел из спальни, где он искал ценные вещи. Увидев растоптанный корабль, он покачал головой.

— Давайте, бейте еще, — пробормотал он.

Томми и Фредди обожали звук битого стекла и треск сломанного дерева, это Хенрик понял в первую же ночь работы, когда они проникли в шесть дачных домиков к югу от Букселькрока. Братья обожали крушить, ломать и убивать все, что попадалось им на пути. По дороге сюда Томми переехал черно-белую кошку, сверкавшую глазами на обочине. Хенрик только слышал, как колесом раздавило кошку и как секундой позже братья начали хохотать.

Хенрик никогда ничего не крушил. Он осторожно вскрывал окно и забирался внутрь. Братья же вели себя как вандалы. Переворачивали буфет и били тарелки и стаканы. Били зеркала и окна. Целыми они оставляли только вазы ручной работы из Смоланда, потому что их можно было сбыть.

По крайней мере, жертвами были не местные жители. Хенрик с самого начала решил грабить только дома, принадлежавшие дачникам с материка.

Хенрик помимо воли оказался связанным с братьями Серелиус. Они были как незваные гости, пришедшие однажды и отказавшиеся уходить.

Томми и Фредди не были ему ни друзьями, ни родственниками. На острове они оказались в качестве приятелей Моргана Берглунда.

Братья позвонили в дверь квартиры Хенрика в Боргхольме поздним сентябрьским вечером, когда он уже собирался ложиться спать. Открыв дверь, он увидел двух бритоголовых и широкоплечих мужчин своего возраста. Не дожидаясь приглашения, они вошли внутрь. От них пахло потом и бензином после поездки в автобусе.

— Хубба-бубба, Хенке, — сказал один из парней.

На нем были очки в большой старомодной оправе, которые выглядели бы комично на любом другом человеке, но только не на нем. Все лицо его было в красных ссадинах, словно кто-то его расцарапал.

— Как делишки? — спросил второй, повыше ростом.

— Все нормально, — медленно ответил Хенрик. — Но кто вы такие?

— Томми и Фредди Серелиус. Черт, ты же нас, наверно, не знаешь, Хенрик?

Томми поправил очки и почесал щеку. Теперь Хенрик понял, откуда взялись царапины: никто на парня не нападал, тот сам себя расцарапал.

Братья оглядели его скромную однокомнатную квартирку, и Фредди рухнул на диван перед телевизором.

— Чипсы? — сказал Фредди. — У тебя есть?

Он уселся, закинув ноги в грубых ботинках на стеклянный столик Хенрика. А когда Фредди расстегнул куртку, из нее вывалился пивной живот, обтянутый голубой футболкой с надписью «Soldier of fortune forever».^[2]

— Твой кореш Могге передает тебе привет, — сказал, снимая очки, старший из братьев, Томми. Он был худее Фредди и смотрел на Хенрика слегка улыбаясь. В руке его была черная кожаная сумка. — Это он послал нас сюда.

— В Сибирь, — прибавил Фредди, подвигая к себе миску с чипсами, наполненную Хенриком.

— Могге? Морган Берглунд?

— Он самый, — ответил Томми и плюхнулся на диван рядом с братом. — Вы ведь приятели?

— Были, — уточнил Хенрик. — Могге переехал.

— Мы знаем. В Данию. Он работает в казино в Копенгагене. Нелегально, разумеется.

— Проворачивает темные делишки, — прибавил Фредди.

— Мы были в Европе, — продолжил Томми. — Почти год. Швеция слишком маленькая страна, понимаешь ли.

— Деревня, — вставил Фредди.

— Сперва мы работали в Германии. Гамбург и Дюссельдорф — что может быть лучше? Потом в Копенгагене — там тоже ничего... — Томми огляделся по сторонам. — И вот мы здесь.

Он кивнул и сунул в рот сигарету.

— Не кури здесь, — остановил его Хенрик.

И подумал: интересно, почему братья Серелиус решили покинуть Европу и вернуться в шведскую деревню, если дела на континенте шли так хорошо? Видимо, что-то не поделили с опасными людьми.

— Вы не можете здесь жить, — продолжил Хенрик, обводя руками однокомнатную квартиру. — У меня нет места, как видите.

Томми сунул сигарету обратно в пачку и сделал вид, что не слышал.

— Мы сатанисты, — заявил он. — Мы не сказали?

— Сатанисты?

Томми и Фредди кивнули.

— Поклоняетесь дьяволу? — с улыбкой произнес Хенрик.

Томми не улыбался.

— Мы никому не поклоняемся, — сказал он. — Мы верим, что сатана наделяет людей силой.

— The force,^[3] — прибавил Фредди, жуя чипсы.

— Именно так, — сказал Томми. — Might makes right^[4] — вот наше кредо. Мы берем то, что хотим. Ты слышал об Алистере Кроули?

— Нет...

— Великий философ, — пояснил Томми. — Кроули считал, что жизнь — это постоянная борьба между сильными и слабыми, умными и глупыми. Сильные и умные всегда побеждают.

— Логично, — заметил Хенрик, который всегда был равнодушен к религии и не собирался менять свои взгляды.

— Когда она смылась? — спросил Томми.

— Кто?

— Твоя девушка. Та, что повесила шторы и поставила все эти цветы и безделушки. Это ведь не ты сделал, не так ли?

— Она выехала весной, — ответил Хенрик.

Против воли перед его мысленным взором возникла картина: Камилла лежит с книгой на диване, где сейчас сидят братья Серелиус. Хенрик отметил, что Томми был немного умнее, чем можно было судить по его

внешнему виду: он был внимателен к деталям.

— Как ее звали?

— Камилла.

— Ты по ней скучаешь?

— Как по собачьему дерьму, — отрезал он. — Но вы не можете здесь остаться...

— Не парься. Мы живем в Кальмаре, но работать думаем здесь, так что нам нужна твоя помощь.

— Какая помощь?

— Могге рассказал нам, чем вы вдвоем занимались каждую зиму... Взламывали дачи.

— Вот как...

— Он сказал, что ты не прочь начать снова.

Спасибо тебе, Морган, вот удружил, про себя проговорил Хенрик. Они много ссорились из-за дележа до того, как Морган уехал. Видимо, так он решил ему отомстить, наслав на него братьев Серелиус.

— Это было давно, — сказал он. — Четыре года прошло. И мы занимались этим только две зимы.

— И как? Могге сказал, это хороший бизнес.

— Неплохой, — согласился Хенрик.

Все шло гладко, соседи только пару раз их обнаружили, и им пришлось убежать через забор, как яблочным ворами. Но они всегда заранее прорабатывали пути отхода: один пеший и один с помощью автомобиля.

Он продолжил:

— Иногда там вообще нет ничего ценного, но однажды нам попался старый шкаф шестнадцатого века, за который мы выручили тридцать пять тысяч в Кальмаре.

У него был талант бесшумно взламывать двери на веранду и окна, не разбив ни одного стекла. Его дедушка был плотником в Марнэсе и передал внуку свой дар.

Но Хенрик хорошо помнил, каким стрессом было для него каждую ночь ездить по Эланду и как холодно было в пустых домах. Ледяной ветер, гулявший по безлюдным улицам, пробирал до костей.

— Старые дома — просто клад, — заявил Томми. — Так ты с нами? Нам нужен кто-то, кто знает здешние места.

Хенрик молчал. Он думал о том, что тот, кто живет скучной и предсказуемой жизнью, сам становится серым и занудным. Он не хотел таким быть.

— По рукам? — спросил Томми.

— Может быть, — ответил Хенрик.

— Это звучит как согласие.

— Может быть.

— Хубба-бубба, — с усмешкой произнес Томми.

Хенрик, поколебавшись, кивнул.

Ему хотелось жить интересной жизнью. Теперь, когда Камилла уехала, было так скучно проводить вечера и ночи в одиночестве. Но все равно что-то его тревожило. Не страх быть пойманным, из-за которого он бросил этот промысел в прошлый раз, — а что-то другое...

— Там темно, — проговорил он.

— Так это же хорошо, — заявил Томми.

— Там очень темно, — прибавил Хенрик. — Фонарей нет на улицах. Электричество в домах отключено. Не видно ни черта.

— Нет проблем, — сказал Томми. — Мы вчера сперли с заправки кучу фонариков.

Хенрик медленно кивнул. Карманные фонари ситуацию не спасали.

— У меня есть сарай, в котором можно прятать награбленное, — сказал он. — Пока не найдется покупатель.

— Отлично. Тогда нам нужно только выбрать дом. Могге сказал, ты в этом разбираешься.

— Немного, — кивнул Хенрик. — Это часть работы.

— Дай нам адреса, мы их проверим.

— Каким образом?

— Спросим Алистера.

— Что?!

— Мы с ним разговариваем, — ответил Томми и поставил сумку на стол. Открыв ее, он достал оттуда сложенную пополам планшетку из темного дерева, похожую на шахматную доску. — С помощью этого мы входим в контакт.

Хенрик молча смотрел, как Томми раскрывает планшетку. На ней были вырезаны буквы — весь алфавит — и цифры от нуля до десяти. Ниже цифр были начертаны слова «Да» и «Нет». Томми достал из сумки стакан.

— Я в это играл в детстве, — заметил Хенрик. — Дух в стакане.

— Это не игрушки, — фыркнул Томми, ставя стакан на планшетку. — А спиритическая планшетка для вызывания духов.

— Спиритическая планшетка?

— Она сделана из крышки старого гроба. Можешь приглушить свет?

Хенрик, пряча улыбку, пошел к выключателю.

Все трое уселись вокруг стола. Томми положил мизинец на стакан и

зажмурился.

В комнате наступила тишина. Томми почесал шею и прислушался к чему-то.

— Кто здесь? — спросил он. — Это Алистер?

Пару секунд ничего не происходило. Потом стакан начал двигаться под пальцем у Томми.

На следующий день Хенрик поехал в дедушкин рыбацкий сарай, чтобы навести там порядок. Выкрашенный темно-красной краской сарай стоял на лужайке в десяти метрах от пляжа рядом с двумя такими же постройками, принадлежавшими дачникам. Никто ими не пользовался с конца августа, и здесь можно было чувствовать себя в безопасности.

Сарай достался ему в наследство от дедушки Алгота. Пока тот был жив, они каждое лето ловили рыбу в море и ночевали в сарае, чтобы можно было подняться с рассветом.

Хенрик с тоской вспомнил детство. Как грустно ему было, когда дедушка умер. Алгот продолжал плотничать до самой смерти и был доволен своей жизнью на острове, который почти никогда не покидал.

Хенрик открыл замок и заглянул в темноту. Внутри все выглядело так же, как и шесть лет назад. Вдоль стены висели сети, в углу ржавел обогреватель. Камилла хотела здесь прибраться, но Хенрик решил, что в этом нет необходимости.

Он сдвинул в сторону канистры, убрал с пола ящики с инструментом и прочие вещи, а потом вышел на мостки и вдохнул аромат водорослей и соленой воды. На севере виднелись маяки Олуддена.

К мосткам была причалена его открытая моторная лодка, дно которой при ближайшем рассмотрении оказалось залитым водой. Хенрик спустился в лодку и начал вычерпывать воду.

Работая, он вспоминал то, что случилось прошлой ночью во время спиритического сеанса с братьями Серелиус в его кухне.

Стакан двигался на доске все время и, разумеется, давал ответы на все вопросы, потому что Томми его двигал. Он только делал вид, что закрыл глаза, а на самом деле все время подглядывал, чтобы стакан указал на правильный ответ.

Так или иначе, но дух Алистера полностью поддержал их разбойничьи планы. Когда Томми спросил о деревушке Стенвик, стакан двинулся к слову «Да»; положительным ответ был и тогда, когда он спросил, есть ли в дачных домах ценные вещи.

Наконец Томми спросил:

— Алистер, мы трое можем доверять друг другу?

Стакан несколько секунд стоял неподвижно. А потом начал медленно двигаться в сторону слова «Нет».

Томми хрипло рассмеялся.

— Все в порядке, — сказал он Хенрику. — Я даже родной матери не доверяю.

Четырьмя днями позже Хенрик и братья Серелиус совершили первую поездку на север — в дачный поселок, выбранный Хенриком и одобренный Алистером. Поселок весь состоял из пустых домов с темными окнами.

Хенрик и братья взломали окно и проникли в один из дачных домов. Они не тратили время на поиск мелких вещей, зная, что дачники никогда не оставляют деньги или украшения в доме на зиму. В основном они оставляли тяжелые предметы, такие как телевизоры, магнитофоны, бутылки со спиртным, блоки сигарет и клюшки для гольфа. А в сарае всегда можно было найти бензопилу, канистры с бензином и дрели.

После того как братья расколотили бутылку с кораблем, все трое разделились и занялись поиском ценностей. Хенрик прошел в одну из маленьких комнат, окна которой выходили на пролив. В панорамное окно виднелась пепельно-белая луна над волнами. Стенвик в прошлом был рыбацкой дереушкой на самом берегу западного побережья острова.

В комнатах было тихо, но все равно Хенрика не покидало ощущение, что стены дома за ним наблюдают. Поэтому он старался двигаться осторожно и бесшумно.

— Эй, Хенке!

Это был Томми.

— Где ты? — отозвался Хенрик.

— Здесь, рядом с кухней. Тут что-то похожее на кабинет.

Хенрик пошел на голос. Томми стоял перед дверью в комнату без окон и показывал внутрь рукой в перчатке.

— Что ты об этом думаешь?

Он не улыбался. Томми никогда не улыбался. Но он смотрел на стену с таким видом, словно нашел клад. На стене перед ними висели большие настенные часы из темного дерева с римскими цифрами за стеклом.

Хенрик кивнул:

— Может быть. Они старые?

— Думаю, да, — сказал Томми, открывая часы. — Если повезет, то даже антикварные. Германия или Франция.

— Они не идут.

— Надо их завести. — Томми захлопнул дверку и крикнул: — Фредди! Через пару секунд в комнату ввалился его младший брат.

— Что? — сказал он.

— Помоги! — ответил Томми.

У Фредди были самые длинные руки. Он снял часы с крючка и вместе с Хенриком вынес их из комнаты.

— Потащили! — сказал Томми, помогая им.

Фургон они припарковали рядом с домом.

На боку машины было написано: «Кальмар. Сварочные работы». Томми сам купил пластмассовый алфавит и наклеил буквы на борт. Фирмы с таким названием не существовало, но теперь машина не вызывала подозрений, разъезжая по острову по ночам.

— В Мэрнесе на следующей неделе собираются открыть полицейский участок, — сказал Хенрик, вытаскивая часы из окна.

На улице было холодно и безветренно.

— Откуда ты знаешь? — спросил Томми.

— Прочитал в газете.

В темноте раздался хриплый смех Фредди.

— Ха-ха, нам крышка, — сказал Томми. — Можешь позвонить и донести на нас: так тебе скостят срок.

Его нижняя губа опустилась, обнажая зубы: это должно было означать улыбку.

Хенрик тоже улыбнулся в темноте. На острове были тысячи дач: полиция просто не в состоянии патрулировать их все, тем более что по ночам копы не работают.

Он и братья погрузили часы в машину, где уже были сложены велотренажер, две каменные вазы, видеомаягнитофон, мотор для лодки, компьютер с принтером и телевизор с колонками.

— Сваливаем? — спросил Томми, закрывая дверь.

— Да, думаю, больше здесь ничего нет.

Хенрик все-таки вернулся к дому, чтобы закрыть окно и подобрать куски побелки с земли, которые он потом заснул в щели, чтобы не видно было, что окно взломано.

— Ну, пошли же, — поторопил его Томми.

Братья считали замечание следов потерей времени, но Хенрик знал, что может пройти много месяцев, прежде чем взлом будет обнаружен, и за это время снег и дождь могут испортить отделку.

Когда Хенрик забрался в грузовик, Томми уже завел машину. Он открыл незаметный ящик на дверце машины и вынул завернутые в

салфетку кубики метамфетамина.

— Тебе дать? — спросил он у Хенрика.

— Нет, — ответил тот.

Наркотик, называемый «лед», братья привезли с континента на продажу и для собственного потребления. Эти кристаллы будоражили, но, если Хенрик употреблял больше дозы за вечер, он начинал трястись как осина. Мысли в голове путались, и он не мог заснуть.

Он не считал себя наркоманом, хотя от дозы редко отказывался.

У Томми и Фредди явно таких проблем не было, или они не планировали сегодня спать. Братья закинули кристаллы в рот прямо вместе с салфеткой и запили водой из пластиковой бутылки. Томми надавил на газ. Машина обогнула дом и выехала на пустую дорогу.

Хенрик взглянул на часы: почти половина первого.

— К сараю? — спросил Томми.

Выезжая на проселочную дорогу, он послушно притормозил перед знаком, хотя дорога была пустая, и повернул на юг.

Через десять минут Хенрик сказал:

— Поверни здесь.

Не видно было ни машин, ни людей. Томми припарковал машину вплотную к сараю.

У моря было темно, как в пещере, только вдали моргали маяки Олуддена.

Хенрик открыл дверь и услышал шум моря. Звук шел от свинцово-черной воды; он напоминал ему о дедушке, который умер прямо на этом месте шесть лет назад. Алготу было восемьдесят пять лет и сердце у него было слабое, но он все равно заставил себя подняться с постели и на такси доехал сюда холодным зимним днем. Шофер высадил его на дороге, и там, видимо, и случился инфаркт, но Алготу все равно удалось добраться до сарая, у дверей которого его и нашли мертвым.

— У меня есть идея, — сказал Томми, когда они в свете карманных фонариков выгружали краденое. — Послушайте и скажите, что вы думаете.

— Ну? — произнес Фредди.

Томми потянулся и достал что-то из грузовика. Это напоминало вязаную шапку.

— Мы нашли это в Копенгагене, — сказал он.

Он посветил на ткань фонариком, и Хенрик понял, что это была специальная шапка грабителя с прорезями для глаз и рта.

— Предлагаю в следующий раз надеть их, — сказал Томми, — и попробовать взять не только дачи.

— Что ты имеешь в виду?

— Жилые дома.

В темноте воцарилась тишина.

— Супер, — наконец выдохнул Фредди.

Хенрик стоял, глядя на шапку и не в силах произнести ни слова.

— Я знаю, это рискованно, — продолжил Томми. — Но и прибыльнее тоже. На дачах никогда нет ни денег, ни украшений... В отличие от обычных домов. Конечно, сперва спросим Алистера. И разумеется, брать будем только дома без сигнализации.

— И никаких собак, — прибавил Фредди.

— Ясное дело. Чертовы собаки нам ни к чему. И никто не узнает нас в шапках, — сказал Томми и обратился к Хенрику: — Что думаешь?

— Не знаю.

Дело было не в деньгах: у Хенрика была хорошая работа столяра. Нет, ему нужен был адреналин.

— Мы с Фредди пойдем на дело вдвоем, — сказал Томми. — Так мы поймеем больше бабла.

Хенрик покачал головой. Он привык сам решать, когда начинать дело и когда заканчивать.

Вспомнив корабль в бутылке, разбитый об пол, он произнес:

— Я с вами. Только без жертв и лишнего шума.

— Каких жертв? — спросил Томми.

— Я о хозяевах дома.

— Они будут спать, а если проснутся, будем говорить по-английски. Так они решат, что мы не из этих мест.

Хенрика эти слова не убедили, но, кивнув, он накрыл краденое брезентом и запер сарай на замок.

Они сели в грузовик и поехали на юг в сторону Боргхольма.

Через двадцать минут они были в городе, освещенном фонарями. Осенние тротуары были так же безлюдны, как и проселочные дороги. Томми снизил скорость и припарковался рядом с домом, в котором жил Хенрик.

— О'кей, — сказал он. — Увидимся через неделю. Вторник подойдет?

— Хорошо, — кивнул Хенрик, — но я сначала съезжу проверить место.

— Тебе нравится ездить одному?

Хенрик кивнул.

— Ладно, — согласился Томми, — но не торгуй вещами, мы сами найдем покупателя в Кальмаре.

— Хорошо, — сказал Томми и захлопнул дверцу. Он подошел к подъезду и посмотрел на часы. Полвторого. У него было пять часов сна до начала рабочего дня.

Он подумал о домах, где люди спокойно спали. Жилые дома.

Если что-то случится, он просто сбежит. Если кто-то проснется, он просто сделает ноги. А братья с их духом в стакане пусть сами выкручиваются.

Тильда Давидсон сидела в коридоре дома престарелых в Марнэсе возле двери, ведущей в комнату своего пожилого родственника Герлофа. В руках она сжимала сумку с диктофоном. Тильда была не одна. На диване в другом конце коридора сидели две седые старушки, видимо в ожидании кофе.

Старушки болтали без перерыва, и Тильда невольно подслушивала их разговор. Они явно были чем-то обеспокоены, и разговор то и дело перемежался вздохами.

— Они все стараются уехать за границу, — жаловалась одна женщина другой. — Один за другим едут. Чем дальше, тем больше.

— Да, они много могут себе позволить, — говорила другая старушка.

— И покупают они самое дорогое, — продолжала первая. — Я на прошлой неделе позвонила дочери, и та сказала, что они снова покупают машину. «Но ведь у вас уже есть машина», — удивилась я. А дочь сказала: «Да, но все наши соседи в этом году сменили машины».

— Им нужно все покупать и покупать...

— И родителям они не звонят.

— Вот именно. Мой сын никогда не звонит. Даже в мой день рождения. Всегда я ему звоню первой, но у него нет времени со мной разговаривать. Он или собирается уходить, или смотрит телевизор.

— Телевизоры им тоже надо покупать постоянно... И обязательно большой дом...

— И холодильник...

— И плиту...

Дальше Тильда не слушала, потому что дверь комнаты Герлофа распахнулась.

Его спина была немного согнута, колени подрагивали, однако он улыбался. Это была улыбка пожилого, но счастливого человека, и Тильде показалось, что никогда еще взгляд Герлофа не был таким ясным.

Герлоф, родившийся в 1915 году, отметил свое восьмидесятилетие в Стенвике вместе с дочерьми. Старшая дочь, Лена, была с мужем и детьми, младшая, Юлия, — с новым мужем и его тремя детьми. В тот день из-за приступа ревматизма Герлоф вынужден был просидеть в кресле весь праздник, но сегодня он стоял в дверном проеме, одетый в жилет и темные габардиновые брюки, опираясь на трость.

— Прогноз погоды закончился, — сказал он.

— Вот и отлично.

Тильда поднялась. Ей пришлось ждать в коридоре, потому что Герлоф слушал прогноз погоды. Тильда не понимала, почему это так важно: не будет же он выходить на улицу в такую погоду. Видимо, Герлоф никак не мог расстаться с привычкой слушать прогноз погоды, приобретенной в те годы, когда он был капитаном.

— Входи, входи.

Он пожал ей руку: Герлоф был не из тех, кто обнимает людей. Тильда ни разу не видела, чтобы он кого-то хлопал по плечу. Рука его на ощупь была жесткой и шершавой. Герлоф нанялся в моряки подростком, и — несмотря на то, что он ушел на пенсию четверть века назад, — на руках его еще оставались мозоли от всех морских тросов, которые ему пришлось тянуть, и ящиков с товарами, которые ему пришлось грузить.

— Какая будет погода? — сказала она.

— И не спрашивай, — вздохнул Герлоф, опускаясь на стул перед журнальным столиком. — Они снова поменяли расписание передач на радио, и я пропустил местный прогноз. Но в Норланде похолодание, так что здесь, видимо, температура тоже понизится.

Он бросил подозрительный взгляд на барометр рядом с книжным шкафом, потом перевел взгляд на деревья за окном и добавил:

— Зима будет суровая. Это видно по тому, как ярко светят по ночам звезды, особенно в созвездии Большой Медведицы. И лето было дождливым...

— Лето?

— Все знают: если лето дождливое, то зима будет холодной и ветреной.

— Я не знала. Это важно?

— Конечно. Долгая и суровая зима затрудняет мореплавание. Из-за льда и сильного ветра суда движутся медленно и не успевают в срок прийти в пункт назначения.

Тильда огляделась по сторонам. Комната была полна воспоминаний о времени, проведенном Герлофом в море. На стенах висели черно-белые фотографии судов, на которых он ходил, именные таблички и документы в рамках. А также фотографии его покойных родителей и жены. «Время в этой комнате словно остановилось», — подумала Тильда.

Она села напротив Герлофа и положила на журнальный столик диктофон с подключенным микрофоном.

Герлоф посмотрел на диктофон с подозрением, как до этого взглянул

на барометр. Тильда заметила, что он переводит взгляд со звукозаписывающего устройства на нее и обратно.

— Надо просто говорить? — спросил он. — О моем брате?

— Помимо прочего, — ответила Тильда. — Это ведь не сложно?

— Но зачем?

— Чтобы сохранить воспоминания... Не дать им исчезнуть, — объяснила Тильда и добавила: — Конечно, ты проживешь еще долго, Герлоф. Я ничего такого не имела в виду. Просто хотела записать твою историю на всякий случай. Папа очень мало рассказал о дедушке до своей смерти.

Герлоф кивнул:

— Можно поговорить. Но когда разговор записывается, нужно внимательно подбирать слова.

— Ничего страшного, — заметила Тильда. — Всегда можно перезаписать кассету.

Когда она позвонила в августе и спросила насчет записи, Герлоф согласился не раздумывая. Наверно, он просто был рад, что она переехала жить в Марнэс. Однако сейчас было видно, что ему не по себе.

— Он уже включен? — спросил он тихо.

— Нет, пока нет, — ответила Тильда. — Я предупрежу перед тем, как включить.

Тильда нажала клавишу записи, и диктофон включился. Тильда кивнула Герлофу:

— Итак, мы начинаем.

Она выпрямила спину и низким от волнения голосом продолжила:

— Это Тильда Давидсон. Я в Марнэсе у Герлофа, брата моего дедушки, чтобы поговорить о нашей семье и жизни дедушки в Марнэсе...

Герлоф наклонился вперед к микрофону и уточнил:

— Мой брат Рагнар жил не в Марнэсе. Он жил на побережье в Рёрбю.

— Ах да. И каким он тебе вспоминается?

Последовала пауза.

— У меня много воспоминаний, — наконец сказал Герлоф. — Мы вместе выросли в Стенвике в двадцатые годы, но потом пошли разными путями... Рагнар купил домик и стал ловить рыбу и выращивать овощи, а я переехал в Боргхольм, где женился и купил мою первую лодку.

— Как часто вы встречались?

— Пару раз в году, когда я был дома. На Рождество и летом. Чаше Рагнар приезжал к нам в город.

— По праздникам?

— Да, Рождество мы отмечали в семейном кругу.

— И как это было?

— Многолюдно, но весело. Мы накрывали роскошный стол. Селедка, картошка, окорок, свиные ножки, картофельные клецки. Рагнар привозил много сушеной и копченой рыбы и всяких солений и маринадов.

По мере того как разговор продолжался, Герлоф становился все расслабленнее. Они говорили еще полчаса, но после долгой истории о пожаре на мельнице в Стенвике Герлоф поднял руку и слабо махнул. Тильда поняла, что он устал, и отключила диктофон.

— Замечательно, — сказала она. — Ты столько всего помнишь?

— Да, эти истории я слышал много раз. И много раз рассказывал... Это только укрепляет память.

Он посмотрел на диктофон:

— Думаешь, что-то записалось?

Тильда прокрутила пленку назад и нажала клавишу воспроизведения. Голос на пленке был хриплым, но четким.

— Хорошо. Мемуаристам будет что послушать, — заметил Герлоф.

— Эта запись главным образом для меня, — сказала Тильда. — Я еще не родилась, когда дедушка погиб, а папа неохотно рассказывал о прошлом. Естественно, мне любопытно.

— Это приходит с годами. С возрастом людей все больше интересует прошлое. Они хотят знать о своем происхождении. То же и с моими дочерьми. Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— И ты будешь работать на Эланде?

— Да. Учеба уже закончилась.

— И надолго ты здесь?

— Посмотрим. По меньшей мере до лета.

— Здорово. Хорошо, что молодежь находит тут работу. Ты живешь в Марнэсе?

— Мне дали однокомнатную квартиру рядом с площадью. Из окна видно даже дедушкин дом.

— Он теперь принадлежит другой семье, — сказал Герлоф. — Но мы можем поехать и посмотреть на него. И на мой дом в Стенвике заодно.

Тильда покинула дом престарелых около половины пятого. Она шла по дороге, застегивая на ходу куртку, когда мимо нее пронесся подросток на ревущем синем мопеде. Тильда покачала головой, демонстрируя тем самым, что она думает о мопедах, едущих на большой скорости, — но парень даже на нее не посмотрел. Через пару секунд его и след простыл.

Когда-то пятнадцатилетний парень на мопеде казался Тильде самым крутым в мире. Теперь юноши на мопедах были для нее как мухи — мелкие и раздражающие. Тильда пошла в сторону центра. Она собиралась заглянуть на работу, а потом пойти домой распаковать вещи. И еще надо позвонить Мартину.

За спиной снова раздался шум мотора. Парень развернулся у церкви и теперь направлялся в центр. На этот раз ему нужно было проехать рядом с Тильдой. Он снизил скорость немного, но потом прибавил газу и попытался объехать Тильду прямо по тротуару. Она быстро преградила машине путь и посмотрела парню прямо в глаза.

— В чем дело? — возмутился тот, перекрикивая шум мотора.

— Нельзя ездить на мопеде по тротуару, — крикнула Тильда. — Это правонарушение.

— Ну да, конечно, — кивнул он. — Я могу ехать и еще быстрее.

— А можешь и задавить кого-нибудь.

— И что? Ты позвонишь в полицию? — с вызовом спросил парень.

Тильда покачала головой, сказав:

— Нет, не позвоню, потому что...

— Потому что здесь нет никаких полицейских. Они закрыли участок два года назад. На всем северном Эланде — ни одного копа.

Тильде надоело перекрикивать мотор. Она нагнулась и быстро отсоединила провод. Мопед сразу затих.

— Теперь есть, — сказала она спокойно. — Я полицейский в этом районе.

— Ты?

— Да, я.

Парень, разинув рот, уставился на нее. Тильда достала из кармана кошелек и показала ему полицейское удостоверение. Он долго разглядывал его, потом снова посмотрел на нее, на этот раз с уважением.

Люди всегда смотрят на тебя по-другому, узнав, что ты из полиции. Тильда, надевая полицейскую форму, даже сама смотрела на себя по-другому.

— Как тебя зовут?

— Стефан.

— Стефан — а дальше?

— Стефан Экстрём.

Тильда записала имя в блокнот.

— На первый раз ты получаешь предупреждение, но в следующий раз будет штраф, — пригрозила она. — Твой мопед едет слишком быстро. Ты

форсировал двигатель?

Стефан кивнул.

— Тогда тебе придется толкать мопед до дома. А дома привести мотор в прежнее состояние.

Стефан покорно слез с мопеда. Он молча пошел рядом с Тильдой, направляясь к площади.

— Скажи своим приятелям, что в Марнэсе снова есть полицейский участок и что мы будем следить за превышением скорости и отбирать мопеды у нарушителей.

Стефан снова кивнул. Видимо, он воспринимал все это как приключение.

— У тебя есть оружие? — поинтересовался он.

— Да, — сказала Тильда. — В сейфе.

— Какая модель?

— «Зиг-Зауэр».

— А ты стреляла из него в людей?

— Нет, — ответила Тильда, — и начинать не собираюсь.

— Вот как.

Стефан выглядел разочарованным.

Тильда обещала позвонить Мартину в районе шести, когда он закончит работу. Так что у нее было время посетить свое новое рабочее место.

Новый полицейский участок располагался в переулке в двух кварталах от главной площади. Вывеска над дверью все еще была заклеена белым целлофаном.

Тильда достала из кармана ключи, но, подойдя к двери, увидела, что та не заперта. Изнутри доносились голоса.

Участок представлял собой одну большую комнату, еще без зоны ресепшн. Тильда помнила, что, когда она была маленькой, здесь располагался магазинчик сладостей. Теперь ее встретили голые стены, окна без занавесок и пыльный пол.

Внутри стояли двое мужчин средних лет. Один был в куртке, надетой поверх темно-синей полицейской формы, другой — в гражданской одежде. Увидев Тильду, мужчины замолчали, словно она застала их в неподходящий момент.

Одного из них Тильда уже видела раньше: это был Йоте Хольмблад, комиссар полиции и ее начальник. У него были коротко подстриженные седые волосы и приятная улыбка. Комиссар сразу ее узнал.

— Привет! — сказал он. — Добро пожаловать в твой новый участок!

— Спасибо, — Тильда пожалала руку своему шефу и повернулась к

другому мужчине, с кустистыми бровями и реденеющими черными волосами:
— Тильда Давидсон.

— Ханс Майнер.

Рукопожатие было коротким и сухим.

— Мы с вами будем работать здесь вдвоем.

«И не похоже, что ты этому рад», — подумала Тильда. Она открыла рот, намереваясь сказать что-нибудь любезное, но Майнер ее опередил, сообщив:

— Я здесь почти не бываю. Большую часть времени провожу в Боргхольме, но тут у меня тоже будет рабочий стол.

Он улыбнулся комиссару и сел на стул.

— Вот как, — сказала Тильда, только сейчас осознавшая, как одиноко ей будет работать на новом участке. — Какое-то особое дело?

— Можно и так сказать, — ответил Майнер, выглядывая в окно. — Наркотики, разумеется. На острове они тоже есть, как и везде.

— Это твой стол, Тильда, — Хольмблад показал на стол у окна. — У вас будут компьютеры, факс, рация и телефон.

— О'кей.

— Вам не придется много сидеть в участке, — продолжал Хольмблад. — Скорее наоборот. Не забывайте о полицейской реформе. Вас должны видеть в деле. Нарушения правил дорожного движения, драки, мелкие кражи и крупные кражи со взломом. И разумеется, подростковая преступность.

— Я уже остановила один форсированный мопед по дороге сюда, — сообщила Тильда.

— Молодец, — одобрительно кивнул начальник полиции, — ты им показала, что полиции нужно бояться. На следующей неделе мы официально откроем участок. Пресса приглашена. Газеты, местное радио... Придешь?

— Конечно.

— Ну и чудесно. И еще... Я знаю, что прежде ты работала в Вэкшо, но тут тебе придется работать самостоятельно. В этом есть и плюсы, и минусы. Ты сама можешь планировать свой рабочий день, но это означает и большую ответственность. Отсюда до Боргхольма полчаса езды, так что, если что-то случится, не стоит рассчитывать на то, что подкрепление прибудет сразу же.

Тильда кивнула:

— В полицейской школе мы прорабатывали такие ситуации. Учителя...

Майнер хмыкнул.

— Учителя понятия не имеют о реальной работе, — сказал он.

— А мне они показались достаточно компетентными, — отрезала Тильда.

Она ненавидела такое обращение, это было все равно что сидеть на заднем сиденье в полицейском автобусе и молча слушать старших, как полагается молодым полицейским.

Хольмблад внимательно посмотрел на нее и произнес:

— Важно, чтобы ты не забывала о больших расстояниях на острове, отправляясь одна на задание.

Она снова кивнула, сказав:

— Надеюсь, я справлюсь.

Начальник полиции намеревался продолжить инструктаж, но тут на стене зазвонил телефон.

— Я возьму, — сказал он и в два шага пересек комнату. — Наверняка это из Кальмара.

Он снял трубку и сказал:

— Полицейский участок Марнэса, Хольмблад.

Прослушав сообщение, комиссар спросил:

— Где?

Получив ответ, он произнес:

— Вот как... Мы приедем.

И повесил трубку. Потом сказал:

— Звонили из Боргхольма. К ним поступил сигнал о смертельном случае на севере Эланда.

Майнер вскочил со стула.

— Где?

— У маяков Олудден. Кто-нибудь знает, где это?

— На юге, — ответил Майнер. — Семь или восемь километров.

— Тогда возьмем машину. «Скорая» уже в пути. Похоже, речь шла об утопленнице.

Зима 1868 года

С постройкой маяков в Олуддене все — и жители окрестных деревень, и моряки — стали чувствовать себя безопаснее. По крайней мере, так считали те мужчины, что строили эти маяки: они думали, что они заботятся о безопасности. Женщины знали, что это не так.

Смерть была еще ближе, чем раньше. Она пришла к ним в дома.

На стене сеновала под самым потолком кто-то вырезал на дереве надпись «Любимая Каролина 1868». Каролина была мертва уже больше ста лет, но она прошептала мне из стен о том, как было на Олуддене в старые добрые времена...

Мирья Рамбе

Дом просто огромный. Чештин идет из комнаты в комнату в поисках Каролины, но в доме слишком много мест, чтобы спрятаться. Слишком много комнат, слишком много шкафов.

Скоро налетит ветер: воздух насыщен влагой, и Чештин знает, что ей нужно спешить. Прочному дому не страшны сильные ветры. Но маленькие люди беспомощны перед его силой. Вот почему каждый раз они прячутся дома у камина и ждут, пока ветер стихнет.

За холодным неурожайным летом последовала суровая зима. Была первая неделя февраля, и ни у кого не было желания выходить на мороз. Но смотрители маяка должны работать в любую погоду, и сегодня все здоровые мужчины, кроме смотрителя Карлсона, готовят маяки к зимнему шторму.

Женщины остались на хуторе, только Каролины нигде не было видно. Чештин искала ее во всех комнатах и даже на чердаке. Она не могла спросить ни других служанок, ни жен смотрителей маяков, потому что те ничего не знают о состоянии Каролины. Может, подозревают, но не знают наверняка.

Каролине восемнадцать лет — она на два года моложе Чештин. Обе они прислуживают в доме смотрителя маяка Свена Карлсона. Каролина общительная и доверчивая, она напоминает Фину, старшую сестру Чештин,

уехавшую жить в Америку. Но из-за своей доверчивости Каролина часто попадает в неприятности. В последнее время она чувствовала себя неважно, и только Чештин было об этом известно.

Каролина не могла покинуть хутор и уйти в лес, потому что знала о приближении шторма. Но что, если она все равно решилась? Чештин вышла на улицу. В заснеженном дворе бушует ветер, предвестник шторма.

Внезапно до нее доносится крик.

Это не ветер.

Это женский крик.

Ветер ударяет Чештин в грудь, заставляя девушку согнуться; она бежит к коровнику и входит внутрь.

Коровы нервно перетаптываются на месте, пока Чештин осматривает стойла. Никого. Она поднимается по крутой лестнице на сеновал. Холод пробирает до костей.

Что-то шевелится у стены в тени стога с сеном.

Это Каролина. Она лежит на полу под грязным покрывалом и едва дышит. С губ ее слетают еле слышные стоны. В глазах отражается стыд.

— Чештин... Мне кажется, это случилось, — говорит она. — Я думаю, оно вышло.

Чештин опускается на колени.

— Там есть что-то? — шепчет Каролина. — Или только кровь?

Покрывало на ее ногах пропиталось кровью. Чештин приподнимает край и кивает.

— Да, — говорит она, — ты родила.

— Он живой?

— Нет, он... не сформировался... он уродец...

Чештин склоняется над бледной подругой, спрашивает:

— Как ты?

Каролина прячет глаза.

— Он умер некрещеным, — бормочет она. — Надо похоронить его в освященной земле... чтобы он не вернулся. Его обязательно надо похоронить...

— Мы не можем, — возражает Чештин. — Шторм начинается. Мы умрем, если выйдем в такую погоду.

— Мы должны его спрятать, — шепчет Каролина, ловя ртом воздух. — Они решат, что я шлюха... Что я хотела убить его...

— Не важно, что они подумают, — говорит Чештин. Накрывая ладонью горячий лоб Каролины, она тихо добавляет: — Я получила письмо от сестры. Она хочет, чтобы я приехала к ней в Америку. В Чикаго.

Каролина не слышит. Дыхание ее становится учащенным, но Чештин все равно продолжает:

— Я через Атлантику поеду в Нью-Йорк и оттуда дальше. Она пришлет мне деньги на билет. — Чештин склоняется ниже: — И ты можешь поехать со мной, Каролина. Хочешь?

Каролина не отвечает. Она больше не пытается дышать. Вместе с воздухом ее покидает жизнь. Теперь Каролина лежит неподвижно с открытыми глазами. На сеновале тихо, как на кладбище.

— Я скоро вернусь, — со слезами на глазах шепчет Чештин.

Она заворачивает то, что лежит на полу, в покрывало и поднимается, сжимая сверток в руках.

Выходит во двор, где свирепствует ветер, и идет к дому для слуг. Заходит в свою комнатку, увязывает в тюк свои вещи и вещи Каролины и надевает на себя все, что можно, чтобы спастись от ветра.

Затем Чештин идет в обеденный зал, освещенный свечами. Там тепло от печки. В кресле за столом сидит смотритель маяка Свен Карлсон. Живот его распирает черную униформу и свешивается через ремень.

Государственный служащий, Свен Карлсон относится к самым привилегированным членам общества. У него своя скамья в церкви в Рёрбю. Рядом с ним восседает жена Анна на стуле с мягкой обивкой. Служанки стоят у стены, а в углу сидит Старая Сара, из бедных крестьян в Рёрбю, за заботу о которой смотритель маяка заплатил самую низкую цену на аукционе.

— Где это мы были? — спрашивает хозяйка при виде Чештин. У нее от природы высокий и резкий голос, но сейчас она еще и кричит, чтобы ветер, бушующий на улице, не заглушил ее слова.

Чештин проходит в центр комнаты и останавливается. Она думает о своей сестре в Америке.

Потом нагибается и кладет сверток на стол перед Свеном Карлсоном.

— Добрый вечер, смотритель, — громко и отчетливо говорит Чештин, разворачивая грязное покрывало. — Мне кажется, вы кое-что потеряли...

Йоаким провел на хуторе три дня, не ведая тогда, что это были последние счастливые дни в его жизни. Если бы он знал, то наслаждался бы каждой секундой, проведенной с семьей. Но он этого не знал. Не знал, какой счастливой была его жизнь до этого дня.

Преыдущей ночью он и Катрин легли поздно. После того как дети заснули, они прошлись по ожидавшим ремонта комнатам и обсудили покраску. Они решили окрасить стены и потолок в белый цвет, а двери и плинтусы — в разные цвета.

Они легли в полночь. В доме было тихо, но спустя пару часов Ливия начала кричать. Катрин вздохнула, и, не говоря ни слова, вышла из спальни и направилась к дочери.

Они встали в шесть, когда за окном еще было темно. Скоро темно будет почти весь день, подумал Йоаким. До Рождества оставалось всего два месяца.

В половине седьмого вся семья собралась в кухне завтракать. Йоаким должен был ехать в Стокгольм, поэтому выпил чай еще до того, как Катрин с детьми уселись за стол. Ставя чашку в посудомоечную машину, он заметил тонкую оранжевую полоску солнца на горизонте. Само солнце еще скрывалось за морем, но небо уже начало окрашиваться в персиковые тона. По небу косяком летели птицы.

Гуси или журавли? Слишком темно, чтобы разглядеть. Да он и не разбирался в птицах.

— Видите птиц? — спросил Йоаким через плечо. — Они поступают так же, как и мы. Летят на юг.

Никто не ответил. Катрин и Ливия жевали бутерброды, Габриэль пил молочную смесь из бутылочки.

Маяки поднимались из моря к небу, как две сказочные башни. Южный маяк моргал красным глазом, из окон северного маяка сочился слабый белый свет. Это было странно. Йоаким ни разу еще не видел, чтобы в северной башне горел свет. Йоаким наклонился ближе к окну. Может, это свет солнца отражается в стекле? Нет, ощущение такое, словно свет идет изнутри башни.

— Там много птиц, папа? — спросила Ливия позади него.

— Нет.

Йоаким отвел взгляд и вернулся за стол.

Перелетным птицам предстояла долгая дорога, как и Йоакиму. Он должен был проехать сорок пять миль в тот день, чтобы забрать оставшиеся вещи в Стокгольме. Ночевать он собирался дома у своей матери Ингрид в Якобсберге, чтобы на следующий день вернуться на хутор. Это должна была быть его последняя поездка в столицу. По крайней мере, в этом году.

Габриэль казался довольным, но Ливия выглядела сонной и усталой. Она вяло жевала бутерброд, разглядывая стакан с молоком.

— Доедай, Ливия.

— М-м-м...

Ливия не была жаворонком и по утрам часто бывала в плохом настроении. Но стоило ей прийти в детский сад, и усталость и сон как рукой снимало. Она недавно перешла в старшую группу — подготовительную — и очень этим гордилась.

— Что вы будете делать в садике сегодня?

— Это не садик, папа, — с кислым выражением лица возразила Ливия. — Это Габриэль ходит в садик, а я хожу в школу.

— Скорее, в дошкольную группу — разве нет?

— Школу, — упрямо произнесла Ливия.

— Хорошо, и что вы сегодня будете делать в школе?

— Не знаю, — ответила Ливия, глядя на стол.

— Играть с друзьями?

— Не знаю.

— Хорошо, но допей молоко. Нам скоро ехать в Марнэс... в школу.

— М-м-м...

В двадцать минут восьмого солнце уже показалось над горизонтом. Оно робко выглядывало из воды, опираясь на волны слабыми желтыми лучами. Зимнее солнце светило, но не грело: день обещал быть холодным. Термометр на стене показывал три градуса выше нуля.

Йоаким очистил окна «вольво» от инея и открыл заднюю дверцу детям.

Ливия сама уселась в детское кресло, пристроив на коленях Формана. Йоаким усадил в соседнее кресло Габриэля и крепко застегнул ремни безопасности. Потом сел за руль.

— Мама с нами не попрощается? — спросил он.

— Она пошла в туалет, — сказала Ливия. — По-большому. Так что она не скоро вернется.

Ливия уже окончательно проснулась и стала разговорчивее. А в саду она вообще превратится в ураган.

Йоаким откинулся на спинку кресла и заметил, что детские велосипеды во дворе — красный двухколесный Ливии и трехколесный Габриэля — не заперты замком. Это не столица, здесь можно было не бояться воров.

Через пару минут вышла Катрин в красной зимней куртке с капюшоном и синих тренировочных штанах. В Стокгольме Катрин всегда одевалась в черное, но здесь, на острове, начала покупать свободную и комфортную одежду ярких расцветок.

Она помахала им на прощание и улыбнулась. Под глазами у жены были темные круги от недосыпания. Встретившись взглядом с Йоакимом, она погладила дверной косяк.

Их новый дом. Йоаким тоже улыбнулся и помахал в ответ.

— Поехали, — сказала Ливия.

— Поехали! Поехали! — закричал Габриэль, энергично махая маме на прощание.

Йоаким завел мотор. Фары зажглись и осветили дом и тонкий слой инея на земле. Пора поставить зимнюю резину, подумал Йоаким.

Ливия надела наушники: дочери недавно подарили первый в ее жизни плеер, и она уже научилась им пользоваться. Ливия слушала сказку о медвежонке Бамсе; когда играли песенки, она давала и Габриэлю их послушать.

С проселочной дорогой хутор соединяла узкая, посыпанная гравием дорога, идущая через лес. Дорога была извилистой, и Йоаким вел машину осторожно, стараясь не съехать в канаву, тянущуюся вдоль разрушенной каменной изгороди.

На выезде на дорогу висел их новый почтовый ящик. Йоаким притормозил, проверяя, нет ли на главной дороге автомобилей, но в обоих направлениях было темно и тихо. По другую сторону дороги простиралась поросшая коричневым мхом равнина.

По пути им не встретилось ни одной машины. Проехав деревню Рёрбю, они въехали в Марнэс. Мимо проехала цистерна с рыбой, двое детей с рюкзаками на спине бежали к школе. Йоаким свернул на главную улицу и поехал по безлюдной улице к площади. В двухстах метрах от нее находилась школа, а рядом с ней располагался окруженный садом с качелями и песочницами детский сад Ливии и Габриэля. Это было невысокое деревянное строение с большими окнами, окрашенное желтой краской.

Родители прощались с детьми на тротуаре. Йоаким остановил машину у обочины, но не стал выключать мотор. Другие родители кивнули ему в

знак приветствия. После вчерашней статьи с фотографиями в «Эланд-постен» все теперь знали, кто он такой.

— Остерегайтесь машин, — сказал Йоаким. — Не сходите с тротуара.

— Пока! — крикнула Ливия, сама открыла дверцу и выскочила из машины. Она уже привыкла к садику и не боялась оставаться там одна. Габриэль молчал, когда Йоаким помогал ему выбраться из кресла, — но стоило ему оказаться на тротуаре, как он мигом понесся вслед за Ливией.

— Пока! — крикнул Йоаким. — Увидимся завтра.

Когда он сел в машину, Ливия была уже почти у входа в сад. Габриэль бежал за ней. Йоаким включил первую передачу, развернул машину и поехал обратно на хутор.

Йоаким припарковал свою «вольво» рядом с машиной Катрин во дворе и вышел, чтобы взять сумку и попрощаться с женой.

— Эй! — крикнул он, заходя в прихожую. — Катрин?

В доме было тихо.

Он зашел в спальню, взял сумку и снова вышел во двор.

— Катрин?

Снова тишина, потом до него донесся глухой звук откуда-то сбоку. Йоаким повернул голову и увидел, как открылась дверь коровника и из темноты вынырнула Катрин.

— Привет! — произнесла она с улыбкой.

— Что ты там делала? — спросил он.

— Ничего особенного. Ты уже уезжаешь?

Йоаким кивнул.

— Веди машину осторожно.

Катрин быстро поцеловала его; губы ее были теплыми. Йоаким ощутил аромат кожи и волос жены.

— Передавай привет Стокгольму, — сказала она. — А когда ты вернешься, я расскажу тебе про сеновал.

— Сеновал? А что там особенного?

— Я покажу тебе завтра, — пообещала она.

Йоаким с любопытством посмотрел на жену.

— Хорошо, я позвоню от мамы вечером. — Он открыл дверь машины и добавил: — Не забудь забрать детей из садика.

В двадцать минут восьмого он заехал на бензоколонку, чтобы забрать крытый прицеп, арендованный по Интернету. Платеж Йоаким уже сделал, так что ему надо было только состыковать прицеп с машиной.

После Боргхольма движение стало более интенсивным, и Йоаким оказался в длинной очереди из автомобилей, большинство из которых

принадлежали жителям острова, работавшим на материке. Тем не менее машину каждый из них продолжал вести с привычной для сельских жителей неторопливостью.

Дорога повернула на запад, и он оказался на мосту, связывавшем остров с материком. Йоакиму нравилось ехать по мосту высоко над проливом, любуясь морем, которое переливалось в лучах утреннего солнца.

Проехав мост, он включил радио и надавил на педаль газа. Машина понеслась вперед мимо небольших прибрежных деревень. Дорога была извилистой и проходила через леса и рощи, пересекала многочисленные реки и ручейки, впадавшие в море.

Постепенно она отклонялась на запад, и скоро моря уже не было видно. Перед Норчепингом Йоаким остановился, чтобы перекусить в безлюдном кафе. Там можно было выбрать из семи разных видов минеральной воды — шведской, норвежской, итальянской, французской и других, что было явным признаком цивилизации, — но Йоаким предпочел воду из-под крана.

Поев, он поехал дальше в сторону Сёдертэлье, и дальше — в Стокгольм. В половине второго его «вольво» с прицепом влилась в поток машин, направлявшийся к центру города. Мимо тянулись складские помещения, высотки и железнодорожные станции.

Стокгольм был красивым городом, построенным на больших и маленьких островах, но Йоаким не чувствовал радости от возвращения в родной город. Все, о чем он думал, были пробки на дороге. Здесь всем постоянно чего-то не хватало. Не хватало квартир, не хватало мест для парковки, мест в детском саду, даже могил для всех умерших не хватало. Столичных жителей призывали кремировать почивших родственников, чтобы те не занимали много места. Об этом Йоаким читал в газете.

Он уже начал скучать по Олуддену. Шоссе было целым лабиринтом из развязок, поворотов, мостов и перекрестков. Йоаким свернул на нужную ему улицу и оказался перед светофором, зажатый между автобусом и мусоровозом. Перед ним по переходу шла женщина, везя ребенка в прогулочной коляске. Ребенок что-то спрашивал, но женщина смотрела только прямо перед собой с унылым выражением на лице.

У Йоакима были дела в городе. Сначала нужно было посетить галерею в районе Эстермальм, чтобы забрать пейзаж, унаследованный от покойных родственников. Владельца галереи не было, но его престарелая мать узнала Йоакима и вынесла ему картину Рамбе в тонкой деревянной коробке.

— Мы вчера осмотрели ее, перед тем как упаковать, — сказала она. — Очень хорошая работа.

— Да, мы тоже так считаем.

— У вас есть другие работы художника на Эланде?

— Не знаю. Знаю только, что одна принадлежит королевской семье, но вряд ли она висит у них в летнем дворце Соллиден.

Уложив картину в багажник, Йоаким продолжил путь, двигаясь на запад по направлению к Бромме. На часах было полтретьего, и дороги пока были свободны. За четверть часа он доехал до места и свернул на улицу, где прежде жил с семьей.

По дому Йоаким скучал гораздо больше, чем по Стокгольму. Дом располагался всего в паре сотен метров от моря, окруженный садом с зарослями сирени. На этой улице находилось всего пять домов, но и их было трудно разглядеть из-за высоких деревьев.

Яблочная вилла представляла собой высокий и просторный деревянный дом, построенный директором банка в начале века. Но до того, как его купили Йоаким и Катрин, в доме жили юные родственники владельцев, поклонники философии нью-эйдж, которые сдавали комнаты по отдельности и больше времени посвящали медитации, чем ремонту.

Молодежь не испытывала никакого уважения к старому дому, и соседи мечтали от них избавиться много лет. Во владение Катрин и Йоакима дом перешел в удручающем состоянии, с совершенно заросшим садом. Они с энтузиазмом взялись за ремонт.

Объемы работы их не пугали: до этого они уже отремонтировали свою первую совместно приобретенную квартиру, в которой до этого проживала восьмидесятилетняя старушка с семьей кошками. Йоаким работал учителем труда и занимался домом по вечерам и на выходных. Катрин работала полдня учителем рисования и все остальное время уделяла дому.

Второй день рождения Ливии они отмечали с Этель и Ингрид в доме с разломанными полами, в окружении банок с красками, рулонов обоев и инструментов. В кранах была только холодная вода, потому что в те выходные сломался нагреватель. Когда Ливии исполнилось три года, они уже устроили настоящий детский праздник. К тому времени полы были обновлены, обои наклеены, лестницы ошкурены и покрыты лаком. А к первому дню рождения Габриэля ремонт уже был полностью завершен.

Теперь дом снова выглядел, как вилла начала века. В прекрасном состоянии, окруженная ухоженным садом с подстриженными лужайками, она ждала своих новых владельцев, Стенбергов — бездетных супругов лет тридцати, работавших в Стокгольме и мечтавших о жизни за городом.

Йоаким остановил машину, вышел и огляделся. В квартале было тихо. В соседнем доме жили Лиза и Микаэль Хесслин, ставшие хорошими

друзьями Йоакиму и его жене, — но они были на работе. Летом они окрасили дом в желтый цвет. А когда журнал «Красивые виллы» делал о них репортаж, дом был еще белым.

Йоаким повернул голову и посмотрел на деревья. Невольно он подумал об Этель. Почти год прошел, но Йоаким все еще помнил ее крики.

От забора узкая тропинка вела к воде. Никто не видел Этель на тропинке в тот вечер, но это был самый короткий путь к морю.

Йоаким пошел к дому, вспоминая, как сам красил фасад в белый цвет, как аккуратно водил кисточкой и как потом наносил лак.

Йоаким отпер дверь и вошел внутрь. Всю мебель и ковры уже увезли, но воспоминания остались. За три года он и Катрин вложили душу в этот дом. В доме было тихо, но он слышал слабое эхо стука молотка и шороха пилы. Скинув обувь, Йоаким последний раз прошелся по гостиной. На втором этаже он задержался перед одной из комнат для гостей. Маленькая комната с одним окном. Здесь спала Этель, когда жила с ними.

В подвале еще оставались вещи, которым не хватило места в машине в прошлый раз: кресло, пара стульев, два матраса, стремянка, пыльная птичья клетка — память о попугайчике Уильяме, умершем год назад. Йоаким стал носить их наверх. Освободив подвал, он включил пылесос и убрал с цементного пола пыль.

Теперь дом был готов к приему новых владельцев.

Йоаким собрал пылесос, ведра, тряпки, чистящие средства — и сложил у подножия лестницы.

В столярном чулане слева висели инструменты: молотки, клещи, дрель. Их Йоаким тоже упаковал в коробку. Он предпочитал современным изобретениям старые добротные инструменты и приспособления. Гвозди, шурупы, кисти, губки, валики...

Йоаким держал в руках валик, когда внезапно услышал, как наверху открылась входная дверь. Он выпрямил спину и прислушался.

— Эй! — послышался женский голос. — Ким?

Это была Катрин, и в голосе ее звучала тревога.

Он услышал, как входная дверь захлопнулась и раздались шаги в прихожей.

— Эй, я здесь, в подвале! — крикнул Йоаким.

Он сделал шаг по направлению к лестнице, прислушиваясь. В доме было тихо. Йоаким быстро поднялся наверх, гадая, как Катрин могла оказаться в Стокгольме.

Но, поднявшись, обнаружил пустую прихожую и закрытую входную дверь. Йоаким подергал ручку. Дверь была заперта.

— Эй! — крикнул он еще раз.

Никакого ответа.

Йоаким обошел весь дом комната за комнатой, хотя и знал, что Катрин в нем нет — она осталась на Эланде. Зачем ей брать машину и ехать за ним всю дорогу до Стокгольма, ни разу не позвонив?

Наверняка ему показалось. Слуховая галлюцинация.

Йоаким посмотрел на часы. Десять минут четвертого. На улице начинало темнеть.

Он достал из кармана мобильный и набрал номер домашнего телефона в Олуддене. Катрин с детьми уже должны быть дома.

Шесть сигналов. Семь. Восемь. Никто не ответил.

Йоаким позвонил Катрин на мобильный. Безрезультатно.

Он пытался справиться с тревогой, вынося вещи из дома. Но, сложив все в прицеп и погасив свет в вилле, не удержался и набрал еще один номер.

— Дом Вестинов.

В голосе матери, как всегда, слышно было волнение. Она, как и прежде, боялась звонков.

— Привет, мама. Это я.

— Привет, Йоаким. Ты в Стокгольме?

— Да, но...

Тревога в голосе сменилась радостью узнавания, вслед которой пришло разочарование, когда он сказал, что не сможет навестить ее вечером.

— Почему? Что-то случилось?

— Нет, — поспешил он заверить мать, — но мне кажется, что лучше поехать домой сегодня. У меня в багажнике ценная картина и куча инструментов в прицепе, не хочется все это оставлять там на ночь.

— Конечно, — согласилась Ингрид.

— Мама, Катрин тебе не звонила?

— Сегодня? Нет, а что?

— Хорошо, я просто поинтересовался.

— Когда ты приедешь?

— Не знаю, мама, мы теперь живем на Эланде...

Завершив разговор, Йоаким снова набрал Олудден. Никто не ответил. На часах была половина пятого. Он завел машину и выехал на улицу. Теперь оставалось только завезти ключи агенту по продаже недвижимости. Больше у них с Катрин не было дома в Стокгольме.

Дороги были забиты, и у него ушло сорок пять минут только на то,

чтобы выехать из города. Йоаким притормозил на парковке перед въездом в Сёдертэлье, чтобы еще раз позвонить Катрин.

Четыре сигнала, потом трубку сняли.

— Тильда Давидсон, — произнес незнакомый женский голос.

— Алло? — с удивлением сказал Йоаким.

Может, он ошибся номером?

— Кто звонит? — спросила женщина.

— Это Йоаким Вестин, — ответил он медленно. — Я живу в Олуддене.

— Понятно.

— Моя жена и дети там? — спросил Йоаким.

Ответом ему была тишина.

— Кто вы? — проговорил он.

— Полиция, — сказала женщина. — Я хочу, чтобы вы...

— Где моя жена?

Снова последовала пауза.

— Где вы находитесь, Йоаким? Вы на острове?

Это был голос молодой женщины, несколько нервный, не внушавший Йоакиму доверия.

— Я в Стокгольме, нет, точнее, уже в Сёдертэлье.

— Вы едете сюда?

— Да, — ответил он. — Перевожу оставшиеся вещи из нашего прежнего дома.

Он хотел любым способом заставить женщину ответить на вопросы.

— Вы можете мне сказать, что случилось? Это...

— Нет, — перебила она. — Я ничего не могу сказать по телефону. Но вам лучше приехать сюда как можно быстрее.

— Это...

— Не превышайте скорость, — прервала его женщина-полицейский и повесила трубку.

Йоаким сидел в машине, прижав телефон к уху и глядя в пустоту. Мимо проносились машины с зажженными фарами.

Он выехал на дорогу и поехал на юг, превышая допустимую скорость на двадцать километров. В воображении его возникали образы Катрин и детей в обстановке Олуддена. Йоаким затормозил у обочины и снова набрал домашний номер.

Три сигнала.

— Давидсон.

Йоаким не стал представляться.

— Это несчастный случай? — спросил он.

Женщина-полицейский не ответила.

— Вы должны мне сказать.

— Вы за рулем?

— Сейчас нет.

Женщина помолчала и сказала:

— Это несчастный случай на воде.

— Со смертельным исходом? — спросил Йоаким.

Снова нет ответа. Через некоторое время Тильда Давидсон повторила заученную фразу:

— Мы не сообщаем такую информацию по телефону.

Йоакиму казалось, что телефон в его руке весил целую тонну. Рука задрожала.

— На этот раз вам придется. Мне нужно имя. Если кто-то из членов моей семьи утонул, я должен знать имя. Я буду звонить, пока вы его не назовете.

Опять пауза.

— Секунду.

Йоаким поежился.

— Мне назвали имя, — услышал он голос женщины в телефоне.

— Кто это?

— Покойницу зовут Ливия Вестин.

У Йоакима перехватило дыхание. Покойница. Ему хотелось закрыть глаза и представить, что это сон.

— Алло?

Йоаким зажмурился. Ему хотелось зажать уши, чтобы ничего не слышать.

— Йоаким?

— Я здесь, — отозвался он. — Я все слышал.

— Хорошо, тогда мы можем...

— У меня есть еще один вопрос, — перебил он женщину-полицейского. — Где Катрин и Габриэль?

— У соседей.

— Я скоро приеду. Скажите Катрин, что я скоро приеду.

— Мы будем здесь весь вечер, — сказала Тильда Давидсон.

— Хорошо.

— Позвать священника?

— Не надо. Мы справимся.

Йоаким отключил телефон, завел машину и выехал на дорогу. Он не

хотел разговаривать ни с полицейскими, ни со священником. Ему была нужна только Катрин. «Она у соседей» — так сказала женщина-полицейский. Видимо, на ферме к югу от Олуддена. Но у него не было номера их телефона. Он даже не знал их фамилию. Видимо, Катрин с ними успела подружиться. Но почему она ему не позвонила? Может, она в шоке от случившегося?

Внезапно Йоаким понял, что думает не о том человеке. Слезы потекли по его щекам. Ему снова пришлось съехать на обочину, включить аварийную сигнализацию и прижаться лбом к рулю.

Йоаким зажмурился.

Ливии больше нет. Только сегодня утром она сидела на заднем сиденье и слушала музыку, а теперь ее нет.

Йоаким высморкался и посмотрел на темную дорогу.

Он подумал об Олуддене. Колодец. Наверняка это колодец. Наверняка где-то на хуторе был колодец с неисправной крышкой. Почему он только не проверил? Ливия и Габриэль свободно бегали по двору. Ему надо было поговорить с Катрин раньше, обсудить все риски.

Но теперь поздно.

Он закашлялся и снова завел машину. Нельзя терять время. Катрин ждет.

Перед его мысленным взором стояло ее лицо. Вся его жизнь изменилась с той встречи с Катрин во время осмотра квартиры. Только потом в его жизни появилась Ливия.

Взять на себя ответственность за воспитание Ливии было для них серьезным шагом. Они хотели детей, но не сразу. Катрин хотела сделать все, как надо, — продать квартиру, купить дом и только потом завести детей. Ему вспомнилось, как он и Катрин сидели за кухонным столом и несколько часов обсуждали этот вопрос.

— Как мы поступим? — спросила Катрин.

— Я хотел бы заботиться о Ливии, — ответил он. — Но я не уверен, что сейчас подходящий для этого момент.

— Момент совсем не подходящий, — раздраженно произнесла Катрин. — Более чем. Но с этим ничего нельзя поделать.

В конце концов они решились воспитывать Ливию. Потом они купили дом, а тремя годами позже Катрин забеременела. Габриэля, в отличие от Ливии, они планировали.

Йоаким любил Ливию. Любил ее звонкий голос, ее энергичность и любознательность.

Катрин.

Как она себя чувствует? Она звала его тогда. Он слышал это наяву.

Йоаким надавил на газ. С прицепом было опасно превышать скорость, но ему было все равно. Самое главное — добраться до острова как можно быстрее. К жене и сыну. Они должны быть вместе в такой момент. Всю дорогу перед ним стояло лицо Катрин.

К восьми вечера все стихло в Олуддене. Тильда Давидсон стояла в кухне и удивлялась тому, как тихо вокруг. Даже шума волн не было слышно. Тильда огляделась по сторонам, и ей показалось, что она перенеслась во времени в конец девятнадцатого века и оказалась в кухне зажиточных господ. Массивный стол из дуба. Медные кастрюли, фарфор из Ост-Индии и стеклянные бутылки ручной работы на полках. Стены и потолок окрашены в белый цвет, а шкафы и дверные косяки и рамы — в голубой.

Кухня словно имитировала картину Карла Ларсона. Тильда подумала: «В такой кухне с удовольствием завтракала бы каждый день». На хуторе она была одна. Ханс Майнер и двое коллег из Боргхольма уехали в семь. Комиссар полиции уехал еще в пять, одновременно с машиной «скорой помощи».

Хозяин Олуддена Йоаким Вестин должен был приехать вечером, и было очевидно, что ждать его должна Тильда: это ей четко дали понять коллеги. Не потому, что она была женщина — по крайней мере, Тильде хотелось в это верить, — а потому, что она была самой молодой и к тому же новенькой.

Тильда не возражала против сверхурочной работы. К тому же ей поручили лишь отвечать на звонки и не пускать репортера из «Эландпостен» к месту несчастного случая. Она порекомендовала ему обратиться в службу информации в Кальмаре.

Когда спасатели пошли к пляжу с носилками, Тильда вышла на дамбу и смотрела, как мужчины медленно доставали из воды тело погибшей девочки. Безжизненные руки. Вода, льющаяся с одежды. Это был пятый смертельный случай на памяти Тильды, но невозможно привыкнуть к виду смерти: будь то утопленники или жертвы автомобильных аварий.

Когда Йоаким Вестин позвонил, Тильда сняла трубку. Вообще-то это было против правил — сообщать о смертельных случаях по телефону, но вроде все обошлось. Голос у Вестина был спокойный, да и иногда лучше сразу узнать плохие новости, чем мучиться ожиданием. «Давайте жертве и родственникам краткую и точную информацию», — учил ее Мартин в полицейской школе.

Тильда вышла из кухни. В коридоре пахло краской. В соседней с кухней комнате были наклеены на стены новые обои и был ошкурен пол,

но остальные комнаты оставались темными и пустыми. Это напомнило Тильде заброшенные дома, в которых, как крысы, прятались отбросы общества. Полицейским часто приходится бывать в подобных местах.

Нет, зимой ей не хотелось бы жить здесь. Слишком уж большой дом. И вокруг — никого. Марнэс с единственной центральной улицей с магазинами казался мегаполисом по сравнению с этими пустынными местами.

Она вышла на застекленную веранду и открыла дверь, впуская в дом влажный холодный ветер с моря. Во дворе горел всего один фонарь с треснувшим плафоном, которому не под силу было осветить весь хутор.

Тильда встала рядом с каменной стеной сарая и достала из кармана телефон. Ей хотелось услышать голос живого человека, но Мартину звонить было уже поздно: он давно уехал с работы. Поэтому она набрала номер соседей — семьи Карлсонов. Ответила хозяйка.

— Как они? — спросила Тильда.

— Я только что к ним заглядывала, они спят, — ответила Мария Карлсон. — Я уложила их в комнате для гостей.

— Хорошо, — сказала Тильда. — Когда вы ложитесь спать? Я хотела прийти попозже с Йоакимом Вестином, но он придет не раньше чем через три часа.

— Приходите. Мы с Рогером не будем ложиться спать.

Закончив разговор, Тильда снова почувствовала себя одинокой. Ей хотелось поехать домой, но мог позвонить Вестин или кто-то другой.

Она вернулась в дом, прошлась по коридору и встала на пороге спальни. Это была маленькая уютная комната — светлая часовня в мрачном замке. На стенах — желтые обои с красными звездами, на стульях — мягкие игрушки. Наверняка комната дочери.

Тильда медленно прошла в центр комнаты. Ей подумалось, что родители сначала привели в порядок детские комнаты, чтобы сыну и дочери было уютно на хуторе, и только потом — свою спальню. Тильда подумала о квартире в Кальмаре, в которой детскую комнату ей приходилось делить с одним из братьев. Тогда она мечтала иметь отдельную спальню.

В комнате стояла короткая детская кроватка, накрытая светло-желтым покрывалом, поверх которого лежали несколько подушек с вышитыми на них зверушками — львятами и слонятами, спящими в своих маленьких кроватках.

Тильда присела на кровать. Она скрипнула и слегка прогнулась под ее

тяжестью. В доме было тихо. Тильда откинулась на подушки и расслабилась. Если отпустить мысли, перед внутренним взором словно встает белый экран, на котором показывают воспоминания. Тильда увидела на экране Мартина таким, каким он спал рядом с ней в постели в последний раз. Это было в ее прежней квартире в Вэкшо почти месяц назад, и она надеялась, что он скоро приедет ее навестить.

Нет ничего теплее и уютнее детской комнаты.

Тильда медленно выдохнула и закрыла глаза.

Если ты не придешь ко мне, то я приду к тебе...

Она резко села на кровати и поначалу не поняла, где находится. Но папа был рядом с ней только что. Она явственно слышала его голос. Тильда открыла глаза. Этого не может быть. Ее отец мертв. Он погиб в результате автомобильной аварии одиннадцать лет назад.

Тильда несколько раз моргнула и поняла, что это ей приснилось.

Она почувствовала запах ошкуреного дерева и побелки и вспомнила, что лежит в детской кроватке в Олуддене. И тут же перед глазами молодой женщины возникла картина: мертвое тело поднимают из моря, и вода стекает с одежды на камни. Она заснула в чужой детской. Пару раз моргнув, Тильда разглядела циферблат: часы показывали половину одиннадцатого. Она спала два часа и слышала во сне отца. Он был здесь с ней, в этой комнате.

Вдруг Тильде что-то послышалось, и она повернула голову. В доме больше не было тихо. До нее доносились слабые голоса, как будто где-то говорили люди.

Много людей. Звук был такой, словно группа людей окружила дом и что-то тихо, но оживленно обсуждала.

Стараясь не шуметь, Тильда осторожно поднялась с постели. Было неловко так подслушивать чей-то разговор. Затаив дыхание, молодая женщина сделала пару шагов по направлению к выходу и снова прислушалась. Может, это ветер гуляет во дворе?

Тильда снова вышла на веранду, и в тот момент, когда ей показалось, что она различает слова, голоса внезапно стихли.

Во дворе было тихо и темно. В следующую секунду темноту прорезал яркий свет фар. Она услышала шум мотора и поняла, что вернулся Йоаким Вестин. Тильда быстро бросила взгляд на дом, словно проверяя, что все осталось так же, как и было. Услышанные голоса ее встревожили. У нее было такое ощущение, словно она сделала что-то плохое, хотя не было ничего плохого в том, чтобы подождать хозяина в его доме, тем более при таких трагических обстоятельствах. Надев ботинки, Тильда вышла во двор.

Перед ней остановилась машина с прицепом, из которой выскочил водитель. Йоаким Вестин. Высокий худой мужчина лет тридцати пяти, в джинсах и зимней куртке. В темноте Тильда не видела лица, но ей показалось, что он смотрел на нее со злостью. Движения мужчины были напряженными и резкими. Захлопнув дверцу, он направился к ней.

— Здравствуйте, — сказал Йоаким, не протягивая руки.

— Здравствуйте, — кивнула Тильда, — Тильда Давидсон из полицейского участка в Марнэсе. Я с вами говорила по телефону.

Тильда пожалела, что не надела форму. Она больше подошла бы для этого разговора.

— Здесь только вы? — спросил Вестин.

— Да, мои коллеги уехали, — ответила Тильда. — «Скорая» тоже.

Между ними повисла тишина. Вестин стоял молча, словно не знал, какой вопрос задать следующим.

— Ливия? — произнес он наконец, глядя на темный дом. — Она не здесь?

— Ее отвезли в Кальмар.

— Где это произошло? — спросил он, переводя взгляд на Тильду.

— На берегу. Рядом с маяками...

— Она пошла к маякам?

— Нет... То есть мы пока не знаем.

Вестин переводил взгляд с Тильды на дом и обратно.

— А Катрин и Габриэль? Они все еще у соседей?

Тильда кивнула:

— Они заснули. Я недавно звонила и проверяла.

— Они в том доме? — спросил Вестин, глядя на юго-запад. — У фермеров?

— Да.

— Я пойду к ним.

— Отвезти вас? — предложила Тильда.

— Нет, спасибо, — ответил Йоаким. — Мне нужно пройтись.

Он прошел мимо нее, перешагнув через невысокую каменную ограду и пошел прямо в темноту.

«Испытывающих глубокую скорбь людей нельзя оставлять одних». Тильда вспомнила уроки в полицейской школе и поспешила за Йоакимом. Это был не самый подходящий момент, чтобы задавать глупые вопросы (например, о том, как прошла поездка), — поэтому она просто молча шла за мужчиной.

Им стоило захватить с собой фонарик, потому что на улице было так

темно, хоть глаза выколи, — но каким-то чудом Вестин нашел дорогу. Тильда решила, что он про нее забыл. Однако Вестин вдруг повернулся к ней и сказал:

— Осторожно, впереди колючая проволока.

Они обошли ограду. На западе шептало море, напомнив Тильде о голосах, которые она слышала сквозь стены на хуторе.

— На вашем хуторе живет кто-то еще, кроме вас? — поинтересовалась она.

— Нет, — коротко ответил Вестин, не спрашивая, что молодая женщина имеет в виду. Тильда тоже промолчала.

Через пару сотен метров они вышли на покрытую гравием дорогу, ведущую к ферме. Прошли мимо тракторов, от которых исходил слабый запах навоза. Затем мимо коровника, из которого доносилось тихое мычание, — и подошли к дому. Черная кошка спрыгнула с крыльца и исчезла за углом. Вестин тихо спросил:

— Кто ее нашел? Катрин?

— Нет, — ответила Тильда. — Думаю, это была воспитательница детского сада.

Йоаким повернулся и странно на нее посмотрел, словно не понимая, что она говорит. Позже Тильда подумала, что тогда ей стоило остановить его на лестнице и поговорить, — но вместо этого она поднялась на крыльцо и постучала в окно. Через пару минут им открыла светловолосая женщина в кофте и юбке. Это была Мария Карлсон.

— Входите, — проговорила она тихо. — Я пойду, разбужу их.

— Габриэля можно не будить, — сказал Йоаким.

Мария Карлсон кивнула и пошла по коридору.

Тильда с Йоакимом остановились на пороге гостиной. В комнате горели свечи, из приемника доносилась нежная мелодия флейты. «Как на похоронах», — подумала Тильда. Будто в этом доме кто-то умер, а не в Олуддене.

Мария Карлсон исчезла из виду. Через минуту в дверях показалась девочка. На ней были брючки и кофта, к груди девочка прижимала мягкую игрушку.

Девочка посмотрела на них сонным невидящим взглядом, но потом различила, кто перед ней, и тут же проснулась окончательно и улыбнулась.

— Привет, папа! — крикнула она и побежала к отцу. «Она ничего не знает, — поняла Тильда. — Ей еще никто не сказал, что ее мама утонула».

Но самым странным было то, что Йоаким Вестин застыл на пороге, не делая никаких попыток обнять дочь.

Тильда искоса на него взглянула. На лице мужчины был написан безграничный ужас.

Полным паники голосом Йоаким Вестин прошептал:

— Это же Ливия.

Он в отчаянии посмотрел на Тильду:

— Но Катрин? Моя жена... Где Катрин?

Ноябрь

Йоаким ждал на скамейке перед зданием областной больницы в Кальмаре. День был солнечным и холодным. Рядом с ним сидел молодой священник в синем пуховике с Библией в руках.

Внутри здания в помещении, куда вела дверь с надписью «Комната прощания», лежала Катрин, но Йоаким отказывался туда входить.

— Я хотел бы, чтобы вы на нее взглянули, — сказала ему главный врач больницы. — Если вы, конечно, в состоянии.

Йоаким тряхнул головой.

— Я могу объяснить, что вы увидите, — продолжила врач. — Покойница лежит на столе, накрытая покрывалом...

— До шеи. Видно только лицо, — закончил за нее Йоаким. — Я знаю.

Он знал, потому что год назад видел в такой комнате Этель. Но Катрин он такой видеть не хотел. Йоаким отвел взгляд и молча покачал головой.

Врач кивнула:

— Хорошо, тогда подождите здесь.

Она вошла в здание, а Йоаким остался ждать на скамейке, устремив взор в синее небо. Рядом ерзал на скамейке священник. Видимо, его нервы не выдерживали тишины.

— Вы давно женаты? — спросил он наконец.

— Семь лет и три месяца, — ответил Йоаким.

— У вас есть дети?

— Двое. Мальчик и девочка.

— Дети тоже могут попрощаться с покойной, — сказал священник. —

Так им будет легче... жить дальше.

Йоаким снова покачал головой, сказав:

— Думаю, это излишне.

Они снова замолчали. Через пару минут вернулась врач, держа в руках фотографии, сделанные «полароидом», и большой бумажный пакет.

— Пришлось искать фотоаппарат, — объяснила она свою задержку и протянула снимки Йоакиму.

Он взял их и увидел лицо Катрин. Две фотографии были сделаны спереди и две сбоку. Глаза жены были закрыты, но сразу было видно, что она не спит. Кожа белая и безжизненная. На лбу и на щеках — черные ссадины.

— Ее ранили, — прошептал он.

— Это от падения, — объяснила врач. — Она поскользнулась и упала на острые камни.

— Но мне сказали, что она утонула...

— Не совсем так. Она умерла от гипотермии, то есть от переохлаждения. Температура воды в это время года ниже десяти градусов. И она наглоталась ее достаточно.

— Но почему она упала в воду? — спросил Йоаким. — Почему?

На этот вопрос ответа он не получил.

— Это ее одежда, — сказала врач, протягивая ему пакет. — Так вы не хотите на нее посмотреть?

— Нет.

— Не хотите попрощаться?

— Нет.

Дети спали в своих комнатах после смерти Катрин. Они задавали много вопросов о том, почему мамы нет дома, — но в конце концов засыпали.

Йоаким лежал один на двуспальной кровати и смотрел в потолок ночами напролет. И даже заснув под утро, он не испытывал облегчения. Каждый раз ему снился один и тот же сон. Ему снилось, что он возвращается в Олудден после долгого отсутствия. Небо серое и безжизненное. Пляж пустынен. Он идет к дому, который кажется пустым и полуразрушенным. Дождь смыл красную краску, отчего фасад стал тускло-серым. Окна в веранде разбиты. Дверь распахнута, а за ней — темнота. По расшатанным ступенькам Йоаким поднимается на крыльцо и входит в темную прихожую. Пол покрыт толстым слоем пыли, обои со стен сорваны, мебель исчезла. От ремонта, начатого им с Катрин, не осталось и следа.

Но из глубины дома доносится шум. Кто-то разговаривает в кухне. Он проходит по коридору и останавливается на пороге. За кухонным столом Ливия и Габриэль играют в карты. Дети по-прежнему маленькие, но лицо каждого ребенка испещряет тонкая паутина морщинок.

— Мама дома? — спрашивает он.

Ливия кивает:

— Она в сарае.

— Она живет на сеновале, — прибавляет Габриэль.

Оставив детей играть, он поворачивается и уходит.

Во дворе он проходит прямо к сараю и распахивает дверь.

— Эй! — кричит он в темноту.

Ответа нет, но он все равно входит внутрь. Подходит к лестнице на сеновал и начинает взбираться по холодным и влажным ступенькам. Поднявшись, он вместо сена видит только лужи воды на полу. Катрин стоит в углу сеновала спиной к нему. На ней промокшая насквозь ночная сорочка.

— Тебе холодно? — спрашивает он.

Катрин, не оборачиваясь, качает головой.

— Что случилось на берегу?

— Не спрашивай, — отвечает она и начинает медленно просачиваться в трещины в полу.

Он бежит к жене.

— Мама! — раздается вдали детский голос.

Катрин замирает.

— Ливия проснулась, — говорит она. — Тебе нужно пойти к ней, Ким.

Йоаким вздрогнул и открыл глаза. Он лежал один в двуспальной кровати. В комнате было темно и тихо. Часы показывали три часа. Йоаким не сомневался, что спал всего несколько минут, но ему казалось, что этот сон длился вечно.

Он зажмурился. Может, Ливия сама заснет. Но в этот момент снова раздался детский голос:

— Мама!

Ждать было бессмысленно. Ливия проснулась и не прекратит кричать, пока мама ее не успокоит.

Йоаким медленно спустил ноги с кровати и зажег ночник. В доме было холодно, и Йоаким ощутил невыносимое одиночество.

— Мама!

Он знал, что должен заботиться о детях. Он не мог, не хотел, но должен был. Больше у них никого не было.

Йоаким встал и пошел в детскую. Стоило ему склониться над кроватью, как Ливия тут же повернулась к нему. Он погладил ее по голове, ничего не говоря.

— Мама? — пробормотала дочка.

— Нет, это я, — ответил он. — Спи, Ливия.

Она ничего не сказала, но опустилась на подушку.

Йоаким стоял рядом с кроватью, пока дыхание Ливии не стало размеренным. Он осторожно сделал шаг назад, потом еще один. Повернулся к двери и услышал:

— Папа, не уходи.

В голосе дочери не было и следа сна.

Йоаким застыл, ощущая ступнями холод пола. Ливия неподвижно лежала в постели, но голос ее был четким. Йоаким медленно повернулся к дочери.

— Почему?

— Останься здесь, — попросила Ливия.

Йоаким промолчал. Затаив дыхание, он прислушался. У него было такое ощущение, словно Ливия разговаривает с ним во сне.

Постояв пару минут, он вообще перестал что-либо различать в темноте.

— Ливия? — прошептал он.

Девочка не ответила, но дыхание ее стало прерывистым. В любую минуту можно было ожидать новых криков.

Ему в голову пришла одна мысль. Сначала она показалась ему чудовищной, но потом Йоаким все-таки решил попробовать.

Он тихо вышел из комнаты и пошел в ванную, где на ощупь отыскал корзину с грязным бельем. Она была заполнена доверху. Никто не стирал уже неделю. У него не было на это ни сил, ни желания.

Из детской снова донесся крик:

— Мама!

Йоаким знал, что это никогда не закончится. Так будет продолжаться каждую ночь.

— Тише, — пробормотал он.

Открыв крышку, Йоаким начал рыться в ворохе одежды. Он ощутил знакомый запах. Большинство вещей в корзине принадлежали ей. Там были все кофты и брюки, которые были на ней в последние дни перед трагедией. Йоаким вытащил джинсы, красную вязаную кофту и белую юбку и, не удержавшись, поднес вещи к лицу.

Катрин.

Сколько воспоминаний пробуждал ее запах... Ощущение ее присутствия было почти болезненным, но Ливия продолжала звать в своей комнате маму.

Йоаким взял с собой красную кофту и вернулся в детскую. Ливия во сне скинула с себя одеяло. Когда он вошел, она подняла голову и посмотрела на него сонными глазами.

— Спи, Ливия, — сказал он. — Мама здесь.

Затем положил кофту рядом с дочкой и укрыл ее, подоткнув под нее одеяло. Теперь Ливия лежала, закутанная в одеяло как в кокон.

— Спи, — повторил он.

— Мм... — произнесла Ливия, успокаиваясь. Дыхание ее стало

размеренным, она уткнулась носом в мамину шерстяную кофту и спала. Рядом на подушке лежала ее любимая игрушка, но обнимала девочка кофту.

Йоаким знал, что наутро Ливия даже не вспомнит, что просыпалась среди ночи.

Темная комната. Задернутые шторы. Кровать. Йоакиму хотелось заснуть и забыться. У него не было ни сил, ни желания жить. Но он не мог заснуть.

Мысли его то и дело возвращались к корзине с вещами Катрин, и через некоторое время он снова поднялся и отправился в ванную. На дне корзины он нашел то, что искал, — белую ночную сорочку Катрин с красным сердцем на груди.

В коридоре он замер, прислушиваясь к звукам в детских, но там было тихо.

Йоаким вошел в комнату, включил свет, отогнул одеяло на кровати, разгладил простыни, поправил подушки. Потом погасил свет, лег в кровать, закрыл глаза и вдохнул запах Катрин. Протянув руку, коснулся мягкой ткани сорочки на соседней подушке.

На следующее утро Йоакима разбудил настойчивый звон будильника, свидетельствовавший о том, что ему все-таки удалось уснуть. «Катрин больше нет», — сказал он себе.

Йоаким слышал, как Ливия и Габриэль ворочаются в кроватях, потом услышал, как кто-то из детей топает босыми ногами в ванную. Йоаким ощутил знакомый запах и перевел взгляд на свои руки, сжимавшие что-то белое.

Ночная сорочка.

Йоаким в ужасе смотрел на сорочку, вспоминая события прошлой ночи. Он поспешил накрыть сорочку одеялом, чтобы дети не увидели.

Встав, он принял душ, оделся, потом одел детей и приготовил завтрак. Йоаким то и дело посматривал на Ливию и Габриэля, чтобы понять, о чем они думают, но дети склонились над тарелками.

Утренний холод взбудрил Ливию; когда Габриэль пошел в туалет, она внимательно посмотрела на Йоакима и спросила:

— Когда мама вернется?

Стоя спиной к дочке, Йоаким зажмурился. Он крепко сжал ладонями кружку с кофе. Вопрос повис в воздухе. Йоакиму невыносимо было слышать эти слова, но Ливия упорно снова и снова задавала этот вопрос каждое утро со дня смерти Катрин.

— Я не знаю, — медленно ответил он. — Я не знаю, когда она вернется.

— Когда? — сказала Ливия, повышая голос.

Йоаким молчал. Потом медленно повернулся, подумав, что это удачный момент, чтобы все рассказать. Он посмотрел на Ливию.

— На самом деле я не думаю, что мама вернется, — проговорил он. — Ее больше нет.

Ливия округлила глаза.

— Это не так, — твердо произнесла она.

— Ливия, мама не вернется.

— Конечно, вернется! — вскричала Ливия. — Она вернется, и точка.

И снова принялась за свой бутерброд. Йоаким опустил взгляд, чувствуя свое поражение.

К восьми он повез детей в сад. Подальше от тишины Олуддена.

В саду их встретил взрыв детского смеха. Йоаким чувствовал бессилие. Он устало обнял Габриэля на прощание, и тот побежал на смех своих товарищей. «Со временем их энергия исчезнет, — подумал Йоаким. — Они вырастут, их лица станут морщинистыми. За этой нежной детской кожей скрываются мертвые черепа с пустыми глазницами...»

Он тряхнул головой, прогоняя эти ужасные мысли.

— Пока, папа, — сказала Ливия в раздевалке. — Мама сегодня придет домой? — прибавила она.

Словно не слышала того, что он сказал утром.

— Нет, не сегодня, — тихо сказал Йоаким. — Сегодня я тебя заберу.

— Пораньше?

Ливия все время хотела, чтобы ее забирали пораньше, — но когда Йоаким приезжал, дочке не хотелось расставаться с друзьями и ехать домой.

— Конечно, — ответил он. — Я приеду пораньше.

Он кивнул, и Ливия вышла из раздевалки.

— Здравствуйте, Йоаким, — услышал он женский голос и, обернувшись, увидел Марианну, воспитательницу дочери.

— Как вы?

— Так себе, — сказал он.

Через двадцать минут ему нужно было быть в похоронном бюро в Боргхольме, поэтому он пошел к выходу, но Марианна его остановила.

— Я понимаю, — сказала она. — Мы все понимаем, как вам сейчас плохо.

— Она говорит? — спросил Йоаким, кивая в сторону соседней комнаты.

— Ливия? Да, конечно.

— Я имею в виду, говорит ли она о своей маме?

— Почти нет. Мы тоже. Точнее... — Марианна помолчала и продолжила: — Если вы не возражаете... мы стараемся общаться с ней так же, как и прежде, не выделяя ее среди других детей.

Йоаким кивнул.

— Если вы еще не знаете, то это я нашла ее тогда...

— Вот как.

Он ни о чем не спрашивал, но женщина продолжала говорить, словно ей нужно было высказаться:

— Остались только Ливия и Габриэль... На часах было пять, а никто за ними не приехал. И телефон не отвечал... Поэтому я посадила их в машину и поехала в Олудден. Дверь была открыта, и дети побежали в дом, а я вышла во двор и увидела внизу в воде красное пятно... Это была ее куртка.

Йоаким слушал и представлял, как выглядит череп Марианны под тонкой кожей. Довольно миниатюрный, с высокими скулами, решил он. Воспитательница тем временем продолжала:

— Я увидела куртку, потом брюки и поняла, что это человек в воде. Тогда я позвонила в службу спасения и бросилась к берегу. Но было уже поздно. Это было такое странное ощущение: ведь мы говорили с ней всего за день до этого...

Марианна замолчала.

— Там больше никого не было? — спросил Йоаким.

— Что вы имеете в виду?

— Детей там не было? Они не видели Катрин?

— Нет, они были в доме. А потом я отвела их к соседям. Ливия и Габриэль ничего не видели... Дети живут настоящим. Они быстро приспосабливаются к новым ситуациям. Они... забывают, — добавила Марианна после паузы.

По дороге к машине Йоаким понял одну вещь: он не хотел, чтобы Ливия забыла Катрин. Он не мог этого позволить. Ни ей, ни себе. Забыть Катрин было бы непростительно.

Зима 1884 года

Фонарь в северном маяке Олуддена сломался в том году. С тех пор его ни разу больше не зажигали. Но Рагнар Давидсон рассказал мне, что иногда по ночам наверху северной башни виден свет, — это означает, что скоро кому-то предстоит умереть. Наверно, этот свет — лишь призрак былого огня в маяке. Память о прошлой трагедии...

Мирья Рамбе

Через два часа после захода солнца свет в северной башне маяка погас. Это произошло 16 декабря 1884 года. Уже с утра погода начала портиться, а после полудня на море разбушевался шторм, и шум волн заглушал все другие звуки на хуторе.

Смотритель маяка Матс Бенгтсон не хотел выходить на улицу в такую погоду, но заботиться о маяке было его долгом. Только поэтому он сейчас стоит и вглядывается в снежную мглу. Южная башня мигает как обычно, но в окнах северной — темно, словно кто-то в одно мгновение задул свечку.

Бенгтсон смотрит на башни. Потом разворачивается и бежит к хозяйскому дому. Распахивает входную дверь и кричит:

— Маяк погас! Северная башня не горит.

Из кухни доносятся голоса: наверно, это его жена Лиза, — но он не слушает и снова бежит на улицу. Ему приходится согнуться, когда он окунается в снежную мглу: ветер неистово бьет в лицо, и Матсу кажется, что он может сорвать его с места и унести далеко в море. Арктический холод пробирает смотрителя маяка до костей.

В башне дежурит Ян Клакман, заступивший на смену в четыре часа. Он с Бенгтсоном приятели, и Бенгтсон знает, что Клакману понадобится помощь, чтобы починить маяк.

В начале зимы работники натянули на железные столбики канат вдоль дороги к маяку, чтобы было за что держаться в шторм. Бенгтсон хватается за канат обеими руками, как за спасительный якорь. Наконец он выходит на каменную дамбу. Камни покрыты наледью, на которой ноги разъезжаются, как на катке. Он с трудом добирается до северного маяка. Дойдя до двери, поднимает голову и видит слабый желтый свет в окне наверху башни. Там

внутри что-то горит. Керосин. Они недавно заменили уголь керосином, видимо, из-за него что-то и загорелось.

Бенгтсон открывает тяжелую стальную дверь и входит внутрь. Дверь захлопывается за ним, и ветер больше не бьет в лицо. Но шторм продолжает греметь за стенами башни. Бенгтсон торопливо поднимается вверх по винтовой лестнице. Он задыхается. Лестница состоит из ста шестидесяти четырех ступенек: он знает точно, потому что тысячу раз поднимался и спускался по ним и успел сосчитать. Он чувствует, как шторм сотрясает каменные стены башни. Матсу Бенгтсону кажется, что маяк колышется на ветру.

На полпути вверх в нос зрителю маяка ударяет резкий запах. Запах горелой плоти.

— Ян! — кричит Бенгтсон. — Ян!

Еще через двадцать шагов он видит тело. Ян лежит головой вниз на обожженной лестнице. Черная униформа еще тлится.

Видимо, Клакман потерял равновесие на лестнице и пролил на себя горящий керосин. Бенгтсон стаскивает пальто и начинает тушить огонь. Чьи-то шаги по лестнице раздаются позади него, и Бенгтсон, не оборачиваясь, кричит:

— Пожар!

Он продолжает тушить огонь.

— Держи!

Кто-то трогает зрителя маяка за плечо. Это его помощник Вестерберг. В руках у него носилки.

— Поднимаем его!

Вестерберг и Бенгтсон сносят дымящееся тело Клакмана вниз по винтовой лестнице.

Внизу они останавливаются, ловя ртом воздух. Но дышит ли Клакман? У Вестерберга с собой фонарь, и в его слабом свете Бенгтсону видно, насколько серьезно пострадал Клакман. Несколько пальцев его обуглились, волосы на голове обожжены и лицо сильно обгорело.

— Нужно его отнести в дом, — говорит Бенгтсон.

Они толкают дверь и выходят наружу. Бенгтсон вдыхает ледяной воздух. Шторм начинает стихать, но волны бушуют, как и прежде.

Бенгтсон и Вестерберг с трудом добираются до берега. Обессиленный Вестерберг отпускает ноги Клакмана и падает на колени в снег. Бенгтсон склоняется над Клакманом:

— Ян? Ты меня слышишь, Ян?

Слишком поздно. Сильно обгоревший, Клакман неподвижно лежит на

снегу. Душа уже покинула тело друга Бенгтсона.

Тот слышит приближающиеся голоса и поднимает голову. Это смотритель Йонсон и другие спешат к ним на помощь. За ними бегут женщины. Одна из них Анн-Мари, жена Клакмана.

В голове пустота. Он знает, что должен что-то сказать ей, но что можно сказать, когда случилось самое страшное.

— Нет!

Женщина вне себя от горя падает на колени рядом с Клакманом и начинает его трясти. Она в отчаянии. Но это не жена Клакмана Анн-Мари. Это Лиза, жена самого Бенгтсона, и она безудержно рыдает над мертвым телом.

Матс Бенгтсон понимает, что его жестоко обманывали.

Он встречается с женой взглядом. Она пришла в себя и поняла, что наделала. Но Бенгтсон только кивает.

— Он был моим другом, — говорит он, отворачиваясь от погасшего маяка.

— Так ты думаешь, раньше было лучше, Герлоф? — спросила Майя Ньюман. Опустив чашку на стол в холле дома престарелых, Герлоф задумался.

— Не во всем, — ответил он после паузы. — Но много чего раньше было лучше... У нас было больше времени. Например, чтобы подумать, прежде чем что-то делать. Сегодня нам все некогда.

— Вот как, — произнесла Майя. — А помнишь мастера обувных дел в Стенвике? Он нам шил ботинки, когда мы были маленькими?

— Мастера Паулсона?

— Да, так его звали, Арне Паулсон. Худший в мире сапожник. Он так и не научился отличать правый ботинок от левого, или не считал это нужным. И всегда шил одинаковые ботинки...

— Помню, — тихо сказал Герлоф.

— Я помню боль, — продолжала Майя. — Его обувь одновременно жала ноги и болталась на них. И ботинки всегда спадали во время бега. Что в этом хорошего?

Тильда, сидевшая за одним с ними столом, с интересом слушала разговор. О проблемах на работе она уже почти забыла. Эти разговоры о старых временах надо было бы записать, но диктофон остался в комнате Герлофа.

— Ну... — Герлоф снова взялся за кружку. — Может, люди и не слишком хорошо думали раньше, но во всяком случае они *думали*.

Двадцатью минутами позже Тильда с Герлофом снова были в его комнате. Под мерное тиканье часов Герлоф рассказывал о тех годах, когда он подростком работал юнгой на корабле. «В доме престарелых совсем нескучно», — подумала Тильда. Наоборот, здесь было спокойно и приятно. Ей нравилось приходить в гости к Герлофу и забывать обо всем, что происходит на работе. Особенно ей хотелось забыть то, что случилось на Олуддене.

Она совершила ошибку, не проверив имя, — чудовищную ошибку. И в результате с ней не разговаривает муж покойной Катрин Вестин, а коллеги наверняка всю о ней сплетничают. И надо было этому случиться в первый день работы.

Но ведь в этом была не только ее вина.

Тильда заметила, что отвлеклась. Герлоф уже закончил говорить и выжидательно на нее смотрел.

— Все меняется, — сказал он.

Диктофон работал, магнитная лента в кассете наматывалась на приемную катушку.

— Да, времена меняются, — проговорила Тильда. — Старые добрые времена... О чем ты думаешь, когда вспоминаешь прошлое?

— Ну... Для меня это прежде всего море, — ответил Герлоф, бросая взгляд на диктофон. — Все эти прекрасные шхуны в гавани Боргхольма. Корабельный запах — запах сосны, смолы, краски, нефти, затхлых трюмов и стряпни кока.

— Что было самое лучшее в те годы?

— Покой... и тишина. Не нужно было никуда спешить. Конечно, в то время уже имелись моторы на большинстве лодок, но на парусниках были только паруса. И если не было ветра, то ничего нельзя было с этим поделать. Оставалось только бросить якорь и ждать, пока ветер вернется. И никто не знал, где находится парусник, потому что тогда еще не было ни радио, ни телефона. Поэтому в один прекрасный день корабли с надуваемыми ветром парусами просто показывались на горизонте. И, выдохнув с облегчением, жены спешили в гавань встречать моряков.

Тильда кивнула. Подумав о своей ошибке, совершенной неделю назад, она спросила Герлофа:

— Что тебе известно об Олуддене?

— Об Олуддене? Немного. Хутор по соседству со Стенвиком. Твой дедушка жил неподалеку от Олуддена.

— Правда?

— Да. Его дом был в паре километров на севере. Рагнар ловил угря и присматривал за маяками.

— А ты знаешь какие-нибудь истории, связанные с теми местами?

— У дома в Олуддене плохая репутация... Говорят, фундамент сложен из остатков заброшенной часовни, а бревна взяли с потерпевшего крушение корабля. Тогда для людей главным была экономия.

— А почему светит только одна башня? — спросила Тильда.

— Там случилось какое-то несчастье. По-моему, пожар. Там поставили два маяка, чтобы моряки могли отличать Олудден от других мест на Эланде, но под конец было слишком дорого содержать оба. Одной башни вполне хватало.

Герлоф помолчал и добавил:

— А теперь корабли осуществляют навигацию с помощью спутника,

так что им маяк вообще не нужен.

— Новые времена, — констатировала Тильда.

— Вот именно. Левый и правый ботинок.

В комнате воцарилась тишина.

— Ты там была? — поинтересовался Герлоф.

Тильда кивнула. Герлоф закончил рассказ о семье Давидсонов, так что можно было отключить диктофон.

— Я была там на прошлой неделе, — произнесла она. — Там произошла трагедия.

— Да, я читал об этом в газете. Утонула молодая женщина, так? Мать двоих детей?

— Да.

— И кто ее нашел?

— Я, пожалуй, не буду об этом говорить.

— Конечно, вы же ведете полицейское расследование. Но какая трагедия...

— Да, особенно для мужа и детей.

В конце концов Тильда все-таки рассказала, как ее позвали на место происшествия и как доставали из воды тело.

— Эта женщина, Катрин Вестин, была одна на хуторе. Она пообедала и включила посудомоечную машину. Потом пошла к берегу и либо поскользнулась на мокрой дамбе, либо сама бросилась в воду...

— И утонула, — закончил Герлоф за Тильду.

— Да, она умерла сразу, хотя там неглубоко.

— Не везде. Прямо у дамбы довольно глубоко. Я видел, как туда подходили яхты... А очевидцы происшествия нашлись?

Тильда покачала головой:

— Никаких свидетелей. Берег довольно пустынный.

— В это время года побережье всегда пусто, — согласился Герлоф. — И никаких следов на хуторе? Того, кто мог столкнуть ее в воду?

— Нет, она была одна на дамбе. Чтобы попасть на нее, нужно пройти по песчаному пляжу, а на песке остались только ее следы.

Тильда взглянула на диктофон.

— Поговорим еще о Рагнаре? — предложила она.

Но Герлоф ее не слышал. Он тяжело поднялся и подошел к письменному столу, из ящика которого достал черный блокнот.

— Я всегда записываю сведения о погоде, — сказал он, перелистывая страницы. — В тот день была безветренная погода. Скорость ветра почти нулевая.

— Да, там было спокойно.

— Значит, волны не могли смыть следы на песке, — заключил Герлоф.

— Нет. Я сама видела следы женских ботинок на песке.

— У нее были травмы?

Тильда медлила с ответом, вспоминая ужасную картину.

— Я видела ее только минуту, но у нее были раны на лбу.

— Царапины? Ссадины?

— Да, видимо, от падения. Она ударилась головой, когда упала с дамбы.

Герлоф присел.

— У нее были враги?

— Что?

— У покойницы были враги?

Тильда со вздохом сказала:

— Откуда мне знать, Герлоф. У матерей маленьких детей бывают враги?

— Я только подумал...

— Давай сменим тему, — серьезно произнесла Тильда, глядя на престарелого родственника. — Я знаю, что ты любишь разгадывать загадки, но я действительно не имею права с тобой это обсуждать.

— Конечно, ты же работаешь в полиции, — согласился Герлоф.

— И к тому же я не занимаюсь расследованиями убийств, — прибавила Тильда. — Да и никакого расследования не ведется. Нет следов преступления. Нет мотивов. Муж Катрин, правда, не верит, что это несчастный случай, но я не представляю, кому понадобилось ее убивать.

— Да-да, — проговорил Герлоф. — Мне и правда нравится разгадывать загадки.

— Хорошо, но давай поговорим еще о дедушке.

Герлоф молчал.

— Я включу диктофон, хорошо?

— Может, с моря? — сказал Герлоф.

— Что?

— Кто-то мог подплыть на яхте к дамбе в Олуддене. Вот почему не было следов.

Тильда снова вздохнула.

— Наверно, мне нужно разузнать про лодки.

Она внимательно посмотрела на старика и спросила:

— Герлоф, тебе наши встречи доставляют неудобство?

Тот колебался.

— Мне сложно говорить о покойных родственниках, — наконец ответил он. — У меня такое ощущение, что они сидят и слушают, что я говорю.

— Они должны гордиться.

— Может, да, а может, и нет, — заметил Герлоф. — Наверно, это зависит от того, что именно о них рассказываешь.

— Меня больше всего интересует дедушка.

— Я знаю, — кивнул Герлоф. — Но вдруг он тоже слушает...

— Трудно было быть его братом?

Помолчав несколько секунд, Герлоф сказал:

— У него были свои недостатки. Злопамятность, например. И если он считал, что кто-то его обманул, он никогда больше не хотел видеть этого человека. Рагнар никогда ничего не забывал.

— Я его совсем не помню, — сказала Тильда. — Да и папа тоже. Он никогда о нем не говорил...

— Рагнар насмерть замерз в зимний шторм, — продолжил Герлоф после паузы. — Его тело нашли на берегу к югу от хижины. Отец тебе не рассказывал?

— Рассказывал, — ответила Тильда. — Это ведь он нашел его, когда пошел ловить рыбу. Так он говорил.

— Да, он проверял невод, а когда усилился ветер, причалил к Олуддену, чтобы заодно проверить маяки. Видимо, лодку унесло в море, и Рагнару пришлось возвращаться домой пешком. И в этот момент разразилась буря. Рагнар заблудился в снег...

— Никого нельзя считать мертвым, пока его не внесли в тепло, — перебив старика, сказала Тильда. — Бывало, что людей находили замерзшими и без пульса в снегу, но стоило внести их в тепло и согреть, как они возвращались к жизни.

— Кто тебе это сказал?

— Мартин.

— Мартин? Кто это?

— Мой... молодой человек.

Она тут же пожалела, что сказала так. Это не понравилось бы Мартину.

— Так у тебя есть парень?

— Да, если его можно так назвать.

— Почему же нельзя. Мартин — а дальше?

— Мартин Альквист.

— Он отсюда, с Эланда, твой Мартин?

«Мой Мартин. Если бы», — подумала Тильда. А вслух сказала:

— Он живет в Вэкшо. Он учитель.

— Но он тебя навещает?

— Я надеюсь. Он обещал.

— Хорошо. Ты выглядишь влюбленной.

— Правда?

— Ты вся расцвела, когда его упомянула.

Старик улыбнулся ей ободряюще, и Тильда машинально улыбнулась в ответ. Для Герлофа все так просто. Для Герлофа, но не для нее.

Каждый вечер Ливия засыпала вместе с красной вязаной кофтой Катрин, а Йоаким — с ее ночной сорочкой под подушкой. Так ему было спокойнее.

Жизнь в Олуддене продолжалась. Но все теперь было не так, как прежде. Каждый день детей надо было отвозить в сад и потом забирать, и Йоаким заставлял себя это делать. Все остальное время он занимался хутором, но и там его не оставляли в покое. Несколько раз звонили из похоронного бюро и доставали вопросами. К тому же Йоакиму пришлось звонить в банк и в другие учреждения, чтобы сообщить о смерти Катрин. И разумеется, родственники и друзья присылали цветы и выражали соболезнования. Многие хотели приехать на похороны.

Йоакиму же хотелось отключить телефон и скрыться от всего мира в Олуддене.

Столько всего нужно было отремонтировать в доме и сделать в саду, но ему хотелось только лежать в постели, вдыхать запах Катрин и смотреть в потолок.

И была еще полиция. Если бы у него были силы, он инициировал бы внутреннее расследование, но сил у него не было. Тем более что единственный, кто поддерживал с ним контакт, была та молодая женщина, Тильда Давидсон.

— Мне жаль, что так вышло, — сказала она тогда. — Очень жаль.

Она не спросила его, как он себя чувствует, только продолжала просить прощения за ошибку с именем. Она сказала, что лишь зачитала имена по бумажке, которую ей дали. Непростительное недоразумение.

Недоразумение? Йоаким мчался домой, чтобы утешать жену, которую нашел мертвой.

Он выслушал исповедь Тильды Давидсон, однозначно ответил и повесил трубку. Разговор получился коротким. Затем Йоаким сел за компьютер и написал письмо в «Эланд-постен», в котором описал все случившееся. В конце он сделал приписку:

В течение нескольких часов я считал, что утонула моя дочь и что моя жена жива, тогда как все было наоборот. Неужели для полиции так сложно отличать живых от мертвых? Или этим тоже должны заниматься родные?

Йоаким Вестин, Олудден

Он и не рассчитывал, что полиция с ним свяжется, и так и получилось. Двумя днями позже он встретился с пастором Оке Хёгстрёмом, который должен был хоронить его жену.

— Как у вас со сном? — спросил пастор за чашкой кофе, когда они в его кабинете обсуждали прощальную церемонию.

— Все хорошо, — ответил Йоаким.

Он попытался вспомнить, до чего они договорились. Йоаким помнил, что они выбрали псалмы, но все остальное совсем вылетело из его головы.

Пастору было лет пятьдесят. Мужчина с аккуратной бородкой и спокойной улыбкой на лице, он был одет в серую рубашку поло и черный пиджак. Полки в его кабинете были уставлены книгами, а на столе стояла фотография хозяина с огромной щукой в руках.

— Свет маяка вам не мешает? — спросил он Йоакима.

— Свет?

— Красный свет от маяка по ночам?

Йоаким отрицательно покачал головой.

— Ко всему привыкаешь, — кивнул Хёгстрём. — Привыкают же люди к автомобильному шуму в городе. Вы раньше жили в Стокгольме?

— Да, но далеко от центра, — ответил Йоаким.

Это был просто вежливый разговор: пастор пытался отвлечь Йоакима от грустных мыслей, но все равно каждое слово давалась Йоакиму с трудом.

— Итак, мы решили: двести восемьдесят девятый псалом в начале, двести пятьдесят шестой после церемонии и двести девяносто седьмой в качестве завершения. Правильно?

— Да.

Десять гостей приехали из Стокгольма накануне похорон. Мать Йоакима, его дядя, две кузины и друзья. Они тихо передвигались по хутору и шепотом разговаривали друг с другом. Ливия и Габриэль были рады гостям, но не спрашивали, зачем все приехали.

Траурная церемония была намечена на одиннадцать часов во вторник в церкви Марнэса. Детей Йоаким отвез в сад, ничего им не говоря. Для Ливии и Габриэля это был обычный день. Сдав детей на попечение воспитателям, он вернулся домой, надел черный костюм и опустился на кровать.

В коридоре тикали часы, и Йоакиму вспомнилось, как жена их заводила. Нехорошо, что они теперь тикают без нее. Йоаким устремил взор

в потолок, думая о том, как много вещей осталось на хуторе после Катрин, — а в голове его звучал и звучал ее голос.

Часом позже Йоаким сидел на жесткой деревянной скамье, глядя на фреску на стене. На ней был изображен мужчина его возраста, распятый на кресте: такая у римлян была казнь.

Высокие стены церкви хранили эхо нескольких лет плача. Рядом с Йоакимом, опустив голову, всхлипывала его мать. Сам он знал, что не сможет заплакать. Точно так же год назад на похоронах Этель он не пролил ни слезинки. Слезы придут позже. Ночью, когда он будет вдали от чужих глаз.

Без двух минут одиннадцать распахнулась дверь и в церковь вошла высокая широкоплечая женщина в черном пальто и черной вуали. Губы ее были накрашены ярко-алой помадой. Стук каблуков отразился от стен церкви, и многие повернули голову. Женщина прошла вперед и села рядом со сводными братьями и сестрами Катрин.

Это была мать Катрин Мирья Рамбе, художница и певица. Йоаким не видел ее семь лет со дня свадьбы с Катрин. Но сегодня, в отличие от того дня, Мирья казалась трезвой. Как только она села, начали звонить колокола.

Через сорок пять минут церемония была закончена, но Йоаким словно ее не видел. Он не помнил ни одного слова из речи пастора, не слышал ни одного псалма. В голове его звучал только шум моря и волн, бьющихся о скалы.

После того как все вернулись с кладбища в поминальную комнату, к Йоакиму начали подходить люди.

— Мне так жаль, Йоаким, — сказал бородатый мужчина, обнимая его. — Мы так ее любили.

Йоаким сфокусировал взгляд, пытаясь вспомнить, кто перед ним. Это оказался его дядя из Стокгольма.

— Спасибо.

Что еще он мог сказать?

Другие тоже хотели его обнять, и Йоаким позволил им это.

— Как это ужасно... Я говорила с ней всего несколько дней назад, — проговорила со слезами девушка лет двадцати.

Он узнал младшую сестру Катрин — ее звали Сульрус, Солнечная роза. Йоаким вспомнил, что Мирья дала всем своим детям странные прозвища.

Катрин называли Лунный свет, но она ненавидела это прозвище.

— Она была так рада, — прибавила сестра Катрин.

— Знаю... Она была рада, что мы переехали на остров.

— Да, и она была рада узнать о своем отце.

Йоаким напрягся.

— Об отце? Но Катрин никогда не общалась с отцом.

— Я знаю, — кивнула Сульрус, — но мама написала книгу, в которой рассказала, кем он был.

Из глаз Сульрус снова хлынули слезы, и она поспешила к своей семье.

Йоаким отметил, что Альбин и Виктория Мальм, его с Катрин друзья из Стокгольма, сидят за столом с их прежними соседями — семьей Хесслин из Броммы.

Его мать сидела в одиночестве за другим столом, но он не стал к ней подходить. Вместо этого он отыскал глазами пастора — тот разговаривал с седой женщиной в другом конце комнаты — и подошел к нему.

Хёгстрём улыбнулся Йоакиму:

— Как вы?

Йоаким кивнул. Кивок можно было трактовать как угодно. Женщина тоже кивнула, но не нашлась, что сказать, и поэтому отошла.

«Так всегда бывает с теми, кто переживают несчастье, — подумал Йоаким. — От них пахнет смертью, и люди стараются их избегать».

— Я думал кое о чем, — сказал Йоаким.

— Да?

— Если слышишь, как кто-то зовет тебя на помощь на острове, тогда как ты сам находишься от него в сотнях километров, что это может означать?

Пастор посмотрел на него с недоумением.

— Сотни километров? — переспросил он. — Разве можно что-то услышать?

Йоаким покачал головой.

— Но так было, — сказал он. — Я слышал мою жену... Катрин... В тот день, когда она умерла. Я был в Стокгольме, но я слышал, как она зовет меня.

Пастор опустил глаза.

— Может, это был кто-то другой? — спросил он шепотом, словно не хотел, чтобы их слышали.

— Нет, — ответил Йоаким. — Это был голос Катрин.

— Понимаю.

— Я знаю, что слышал ее голос, — продолжил Йоаким. — Я только не знаю, что это означает.

— Успокойтесь, Йоаким. — Пастор похлопал его по плечу. — Вам

надо отдохнуть. Мы поговорим через пару дней.

Сказав это, он ушел.

Йоаким стоял и смотрел на стену, увешанную объявлениями. В церкви шла акция по сбору средств для жертв Чернобыля. Десять лет прошло со дня катастрофы.

«Поделится хлебом насущным с жертвами облучения», — прочитал Йоаким. И подумал: «Насущный Чернобыль».

К вечеру он снова был на хуторе. Йоакиму казалось, что этот бесконечный день никогда не закончится. Его мать укладывала детей спать. Лиза и Микаэль Хесслин стояли во дворе у своей машины. Им предстояла долгая поездка домой в Стокгольм, и они прощались.

— Спасибо за то, что вы приехали, — проговорил Йоаким.

— Мы не могли не приехать, — сказал Микаэль, укладывая черный костюм в пластиковом пакете на заднее сиденье.

Между ними повисла напряженная тишина.

— Приезжай в Стокгольм, — предложила Лиза. — Или вместе с детьми приезжай на Готланд. У нас там дача.

— Я подумаю.

— До встречи, Йоаким, — сказал Микаэль.

Йоаким кивнул. Название острова звучало лучше, чем название столицы. Никогда больше он не поедет в Стокгольм.

Лиза и Микаэль сели в машину и уехали.

Когда машина исчезла за поворотом, Йоаким повернулся к маякам.

Южная башня мигала красным глазом, но северный маяк, башня Катрин, оставался темным. Только раз Йоаким видел, как он светит.

В темноте Йоаким отыскал тропинку к пляжу и пошел вниз по той же дороге, по которой он и Катрин много раз гуляли с детьми этой осенью.

В темноте шумело море. Ледяной ветер поднимал волны. Йоаким осторожно шел по берегу, стараясь не споткнуться в темноте об острые камни. Ему казалось, что море дышит полной грудью. Как Катрин, когда они занимались любовью. Она тесно прижималась к нему и дышала ему в ухо. Йоакиму всегда казалось, что она сильнее его. Это Катрин приняла решение переехать сюда. Йоаким не забыл, каким красивым был Олудден, когда они приехали на хутор первый раз. Шел май. Был теплый и солнечный день, и хутор походил на сказочный терем, отражающийся в сверкающей морской воде.

Они осмотрели хутор и, взявшись за руки, спустились к морю по луговой тропе, заросшей цветами.

Небо стояло высоко над покрытыми свежей зеленой травой холмами. Воздух наполняли крики птиц — жаворонков, галок, воробьев. Вокруг маяков летали чайки, а в море у берега плескались утки. Йоаким помнил, какой счастливой была Катрин, когда сказала: «Я хочу остаться здесь навсегда».

Йоаким вздрогнул. Он стоял на краю дамбы и смотрел в черную воду внизу.

Здесь Катрин стояла.

Следы на песке показывали, что она одна вышла на дамбу. А потом упала или бросилась в воду. Почему?

У Йоакима не было ответа. Он знал только, что в тот момент, когда Катрин утонула, он сам был в Стокгольме, в подвале дома, и слышал, как она вошла в дверь. Слышал, как она зовет его. У него не было никаких сомнений в том, что он слышал ее голос, но это не делало мир проще и понятнее.

Родственники и друзья разъехались, осталась только его мать Ингрид. Она сидела за столом в кухне; когда Йоаким вошел, Ингрид встревоженно на него взглянула. На лбу у нее была морщинка. Становившаяся глубже с каждой новой трагедией в семье. Началось все с болезни мужа, продолжилось трагедией с Этель, и вот теперь — Катрин.

— Все уехали. Дети спят? — спросил Йоаким.

— Да, мне кажется, да. Габриэль поел и сразу заснул, но Ливия долго не могла заснуть и звала меня.

Кивнув, Йоаким подошел к плите и поставил чайник.

— Она плохо спит, — сказал он.

— Она говорила о Катрин.

— Вот как... Будешь чай?

— Нет, спасибо. Она много о ней говорит, Йоаким?

— Достаточно.

— Что ты ей сказал?

— О Катрин? Немного. Я сказал, что мамы... нет.

— Нет?

— Что она уехала, так же как я раньше уезжал. Я не могу им рассказать это сейчас. — Йоаким с тревогой взглянул на мать. — А что ты ей сказала?

— Ничего. Это ты должен ей рассказать.

— Я это сделаю. Когда ты уедешь и я сам останусь здесь с детьми.

Мама мертва, Ливия. Она утонула.

Сможет ли он выговорить эти слова? Это все равно что дать Ливии пощечину.

— Вы переедете обратно? — спросила Ингрид.

Йоаким посмотрел на мать с недоумением. Он знал, что она хочет этого, но все равно изобразил удивление.

— Обратно? — переспросил он. — В Стокгольм?

И прибавил мысленно: «И оставим Катрин?»

— Да, в Стокгольм. Я же живу там.

— У нас ничего нет в Стокгольме, — ответил Йоаким.

— Но вы можете купить ваш прежний дом в Бромме.

— У нас нет денег. Все деньги пошли на хутор.

— Но его можно продать...

Ингрид замолчала.

— Продать Олудден? Кто захочет купить дом в таком состоянии? Его надо отремонтировать — а кто будет этим заниматься? Мы с Катрин планировали все сделать своими руками.

Ингрид помрачнела и устремила взор в окно.

Через некоторое время она сказала:

— Эта женщина на похоронах... Та, что опоздала... Это мать Катрин? Художница?

Йоаким кивнул:

— Да, Мирья Рамбе.

— Мне кажется, я видела ее на свадьбе.

— Я не знал, что она придет.

— Как же иначе? Ведь это ее дочь.

— Но они почти не общались. Я видел ее только раз — на нашей свадьбе.

— Почему они не ладили?

— Не знаю. Они иногда созванивались, но Катрин никогда не говорила о Мирье.

— Она живет здесь?

— Нет, она живет в Кальмаре, насколько я знаю.

— А ты не хочешь с ней поговорить?

— Нет, — ответил Йоаким. — Но мы можем еще столкнуться. Остров маленький.

Он тоже посмотрел в окно. Ему ни с кем не хотелось разговаривать, ни с кем не хотелось встречаться. Ему хотелось запереться в доме и никогда больше его не покидать. Ему не хотелось ни искать новую работу, ни ремонтировать дом. Хотелось только лежать в кровати всю оставшуюся

жизнь, вспоминая Катрин.

Ноябрьская ночь была холодной и темной.

Сквозь сизый туман просачивался слабый свет полумесяца, не способный осветить путь. Прекрасная погода для грабежа.

Вилла на северо-западном побережье была совсем новой. Ее построили на холме всего пару лет назад по современному проекту: много дерева и стекла. «Слишком роскошно для летней дачи», — подумал Хенрик. Ему вспомнилось, как дедушка называл стокгольмцами всех дачников — независимо от того, откуда они приехали.

— Хубба-бубба, — произнес Томми, почесывая шею. — За дело, ребята!

Фредди и Хенрик последовали за ним по тропинке к вилле. Все трое были в джинсах и темных куртках. У Томми и Хенрика помимо этого были еще и рюкзаки. Тоже черные.

Прежде чем выехать на дело, братья Серелиус провели очередной сеанс со спиритической планшеткой в кухне Хенрика. Около одиннадцати часов они зажгли три свечи и положили планшетку на кухонный стол, поставив в ее центр стакан.

В комнате чувствовалось напряжение.

— Там кто-нибудь есть? — вопрошал Томми, касаясь стакана пальцем.

Десять — пятнадцать секунд стакан был неподвижен, потом дернулся и становился на слове «Да».

— Это Алистер?

Стакан не двигался.

— Сегодня подходящий вечер, Алистер? — спросил Томми.

Стакан постоял некоторое время на слове «Да», потом задвигался в сторону букв.

— Пиши! — прошипел Томми Хенрику.

Хенрик начал записывать буквы, чувствуя, как неприятно сосет под ложечкой.

— О-л-у-д-д...

Наконец стакан замер посреди планшетки. Хенрик посмотрел на бумагу и прочитал то, что записал:

— Олудден Олудден Картины Олудден Один бродит там.

— Олудден? — повторил Томми. — Это что еще такое?

Хенрик смотрел на планшетку.

- Я там бывал... Это маяк.
- Там есть картины?
- Я ничего такого не видел.

В полночь Хенрик и братья Серелиус припарковали машину за рыбацким сараем в пятистах метрах от виллы и ждали на пляже, пока в вилле не погаснет свет. Потом они подождали еще полчаса на холоде, натянули черные шапки и медленно пошли по направлению к дому.

Хенрику было холодно, но он чувствовал, как бешено колотится сердце в груди. Это риск заставлял его биться быстрее. Риск вызывал выброс адреналина в кровь. Впервые за вечер Хенрик ни разу не подумал о Камилле.

Заглушая шаги, волны ритмично бились о камни позади них, хотя они и без того старались передвигаться бесшумно.

Вилла была окружена железным забором, но Хенрик знал, что к морю ведет незапертая калитка. Входная дверь в подвальное помещение была из стекла с примитивным замком, с которым Хенрик расправился за пару секунд с помощью молотка.

Дверь скрипнула, когда Томми открыл ее, но звук заглушил шум ветра. Сигнализации не было. Томми сунул голову внутрь, осмотрелся, потом повернулся и кивнул Хенрику.

Фредди они оставили караулить у двери, а сами вошли в теплое подвальное помещение. Они ступили на бетонный пол. В центре комнаты стоял большой бильярдный стол. Томми жестом показал Хенрику, что им надо разделиться. Кивнув, Хенрик пошел налево. Слева стояла барная стойка с бутылками. Пять бутылок были не откупорены, и он тихо опустил их в рюкзак. Затем Хенрик прошел дальше в комнату с телевизором и диваном. Телевизор и видеомагнитофон он передал Фредди в открытую дверь, после чего вернулся в комнату и заглянул под диван. Там лежало что-то крупное. Сумка для гольфа?

Хенрик наклонился и вытащил сложенный брезент, внутри которого оказалось снаряжение для подводного плавания: ласты, водолазный костюм и маска. Все было абсолютно новым; наверно, скучающий подросток решил заняться подводным плаванием, но потом передумал.

Под диваном лежало еще что-то, при ближайшем рассмотрении оказавшееся охотничьим ружьем. Ружье было старым, но в хорошем состоянии: видно было, что за оружием ухаживали и смазывали его. Рядом нашлась красная коробка с патронами.

Хенрик решил выносить вещи по очереди. На пороге он столкнулся с

Томми, который нес к выходу компьютерный монитор. Увидев водолазный костюм, Томми одобрительно кивнул.

— Там еще кое-что, — шепнул Хенрик и вернулся внутрь. Патроны он положил в рюкзак, ружье повесил на плечо, а остальное взял в руки. Тем временем Томми выносил из дома совершенно новый велотренажер. Хенрик покачал головой.

— Не поместится, — шепнул он.

Томми сказал:

— Мы его разберем...

Его заставил умолкнуть какой-то шум в темноте. Шаги в комнате над ними. На лестнице зажегся свет.

— Эй! — раздался мужской голос.

— Забей на тренажер, — прошипел Хенрик.

Они одновременно бросились бежать. Вон из дома, вон из калитки и вниз к пляжу. Было тяжело бежать с грузом, но машина была недалеко.

Подбежав к фургону, Хенрик опустил на землю награбленное, сделал вдох и обернулся. В вилле все окна светились, но не похоже было, что кто-то за ним гонится.

— Загружайте! — крикнул Томми, стягивая шапку и садясь за руль.

Не зажигая фар, он завел машину.

Хенрик и Фредди быстро сложили в фургон рюкзаки, монитор и снаряжение для подводного плавания и сами запрыгнули внутрь. Им удалось унести почти все, кроме велотренажера. И у Хенрика до сих пор на плече висело ружье. Томми ударил по газам, и машина рванулась вперед. Они выскочили вверх на асфальтовую дорогу и дальше поехали на юг вдоль побережья. Только отъехав от виллы на приличное расстояние, Томми включил фары.

— Поезжай по восточной дороге, — сказал ему Хенрик.

— Чего ты боишься? — спросил Томми. — Что они перекроют дорогу?

Хенрик покачал головой:

— На всякий случай.

На часах была половина второго, но Хенрику совсем не хотелось спать. Напротив, он весь был напряжен. Сердце стучало как безумное. Им удалось. Удалось ограбить дом и скрыться. Как в старые добрые времена с Могге.

— Мы должны это повторить, — сказал Томми, выезжая на восточную дорогу. — Это было проще простого.

— Да, просто — но мы все же разбудили хозяев, — заметил Хенрик.

— Плевать, — небрежным тоном произнес Томми. — Главное, что мы успели вовремя смыться.

Увидев знак поворота, он резко затормозил и вывернул руль.

— Ты куда? — спросил Хенрик.

— Кое-что надо сделать, прежде чем ехать домой.

Вскоре показалось высокое каменное здание, окруженное деревьями. Его освещали редкие фонари.

— Церковь, — прошептал Хенрик.

Это была средневековая церковь в Марнэсе. В ней венчались его бабушка и дедушка много лет назад.

— Она открыта? — спросил Томми, проезжая мимо церкви и останавливаясь в тени деревьев неподалеку. — Обычно они открыты.

— Но не ночью же, — ответил Хенрик.

— Ну, тогда придется взломать.

Хенрик покачал головой.

— Я не пойду, — сказал он.

— Почему?

— Идите одни.

Хенрик не собирался рассказывать братьям Серелиус о венчании бабушки и дедушки в этой церкви. Он только угрюмо посмотрел на Томми, и тот кивнул:

— О'кей, тогда стой на шухере. Но если мы найдем что-то ценное, то это будет наше. Понятно?

Томми взял рюкзак с инструментами и вместе с Фредди исчез в темноте. Хенрик откинулся на спинку кресла и стал ждать. Грузовик окружала полная темнота. Хенрик подумал о бабушке, которая выросла в этих местах.

Дверца машина внезапно открылась, и Хенрик дернулся.

Это был Фредди. Глаза у него горели.

— Брат сейчас будет, — проговорил он. — Смотри! Они лежали в шкафу, в этом, как его... алтане?

— Алтаре, — поправил Хенрик.

— Как ты думаешь, сколько они могут стоять?

Хенрик посмотрел на старинные подсвечники в руках Фредди. Четыре штуки. На вид серебряные. Должно быть, именно в них стояли свечи в день свадьбы бабушки.

Через некоторое время вернулся Томми. С него градом лил пот, но видно было, что он доволен. Когда Томми плюхнулся на пассажирское сиденье, послышался звон монет.

— Ты веди, — бросил он Хенрику. — Я должен их посчитать.

У него в руках был пакет, содержимое которого он вывалил на сиденье рядом с собой. Хенрик увидел монеты и купюры.

— Это из ящика для пожертвований, — сказал Томми. — Он стоял прямо у входа.

— Сотенные, — сказал Фредди, присвистнув.

— Я их пересчитаю, — прибавил Томми и посмотрел на Хенрика. — Но не забывай, что награбленное в церкви — только наше.

— Оставьте себе, — проговорил Хенрик.

Возбуждение прошло. Он чувствовал себя отвратительно. Грехом было вломиться в церковь и украсть сделанные бедными пенсионерами пожертвования, которые должны были пойти голодающим детям в Африке. Это ужасно. Но что сделано, то сделано.

— Что это? — спросил Томми, имея в виду ружье на полу.

— Нашел на вилле, — ответил Хенрик.

— О черт, это старый маузер, — присмотревшись, сказал Томми. — Коллекционеры его любят. А некоторые до сих пор с таким ружьем ходят на охоту.

Он с любопытством оглядев ружье, снял его с предохранителя.

— Осторожнее! — предупредил Хенрик.

— Спокойно. Я умею обращаться с ружьем.

— Знаешь толк в оружии?

— Конечно. Мы с папашей охотились на лосей. Когда он не был в запое, конечно.

— Тогда забирай себе, — предложил Хенрик, заводя машину. Не включая фар, он поехал обратно.

Помолчав некоторое время, он сказал:

— С этими скоро надо кончать.

— С чем? — непонимающе произнес Томми.

— С налетами.

— Осталось немного. Всего четыре вылазки.

— Две, — возразил Хенрик. — Я поеду с вами только два раза.

— О'кей, куда?

— Пасторский дом... и Олудден.

— Олудден? Тот, что посоветовал Алистер?..

Хенрик кивнул, хотя продолжал верить, что двигал стаканом вовсе не Алистер, а Томми.

— Да, — кивнул в свою очередь Томми, — надо проверить его слова...

— И на этом закончить, — твердо сказал Хенрик.

Он мрачно смотрел на пустую дорогу. Черт, все было совсем не так, как с Могге. Кража в церкви была не к добру. Пора с этим завязывать.

— Полиция вернулась в Марнэс, и мы будем тщательно следить за порядком на севере Эланда, — объявил комиссар Хольмблад, которому поручили произнести торжественную речь по случаю открытия участка. Он обвел взглядом дюжину слушателей, собравшихся на холодном ветру на открытие полицейского участка — журналистов, коллег и случайных прохожих, — и продолжил: — Участковый полицейский это не просто полицейский... Его можно сравнить с констеблем в прошлые времена, который знал каждого жителя своего района. Конечно, жизнь стала сложнее, но личный контакт по-прежнему играет важную роль. Наши полицейские получили прекрасную подготовку. Их долг — наладить хороший контакт с местными жителями и предприятиями и обращать особое внимание на подростковую преступность.

Хольмблад снова оглядел присутствующих и добавил:

— Вопросы?

— Что вы собираетесь сделать с граффити на площади? — спросил пожилой мужчина из толпы. — Это выглядит омерзительно.

— Полицейские арестуют каждого, кто будет пойман за этим занятием, — ответил комиссар. — У нас есть право обыскивать этих рисовальщиков и отбирать у них краску, так что мы не намерены терпеть такие выходки. Но должен напомнить вам, что вандализм — это проблема не столько полиции, сколько школы и семьи.

— А кражи? — спросил другой мужчина. — Все эти кражи со взломом в церквях и на дачах?

— Раскрытие краж — один из наших главных приоритетов. Мы делаем все, чтобы поймать преступников.

Тильда стояла позади шефа, как манекен на витрине. От волнения у нее онемела спина, но она старалась держать осанку. Тильда была единственной женщиной среди присутствующих, и больше всего ей хотелось оказаться подальше от полицейского участка. Подальше от этого холодного ветра. Подальше от неудобной униформы, сдавливавшей шею и грудь. Подальше от своего нового коллеги Ханса Майнера.

Йоаким Вестин написал письмо в газету «Эланд-постен», в котором рассказал об ошибке, которую Тильда допустила. Он не назвал ее по имени, но после той заметки Тильда явственно ощущала на себе неодобрительные взгляды прохожих. Они смотрели на нее осуждающе. А вчера Хольмблад

позвонил ей и сказал, что она должна сопровождать его в Олудден, чтобы извиниться.

— И наконец, у меня есть кое-что для наших полицейских Ханса Майнера и Тильды Давидсон. Ключи от участка и вот это... — Хольмблад поднял плоский прямоугольный коричневый сверток с пола, развернул его и продемонстрировал картину, на которой был изображен парусник в шторм. — Это подарок от Боргхольма. Картина символизирует, что все мы сидим в одной лодке.

Комиссар торжественно вручил картину и ключи Майнеру и Тильде. Майнер отпер дверь и жестом пригласил всех войти внутрь. Тильда отступила в сторону, пропуская мужчин вперед.

В участке было чисто. Натертый пол сиял. На стенах появились карты Эланда и Балтийского моря. Один из заказанных Хольмбладом бутербродных тортов стоял на столике для кофе.

На столе Тильды уже горой лежали бумаги. Она взяла одну из папок и подошла к своему коллеге. Майнер с аппетитом ел торт. С набитым ртом он умудрялся рассказывать о чем-то другим полицейским из Боргхольма. Видимо, что-то смешное, потому что они смеялись.

— Ханс, у тебя есть минутка?

— Конечно, Тильда. — Майнер улыбнулся коллегам и повернулся к ней. — В чем дело?

— Я хотела поговорить о твоём сообщении.

— Каком сообщении?

— О смертельном случае на хуторе Олудден. Помнишь?

Она протянула его листок, полученный в тот день от Майнера, — её единственное алиби.

Три имени были написаны на листке. Ливия Вестин, Катрин Вестин и Габриэль Вестин.

Рядом с именем Ливии стоял крестик.

— Да, — кивнул Майнер. — Эту информацию мне дали в Боргхольме.

— Именно. И я просила тебя отметить имя погибшей. Помнишь?

Майнер больше не улыбался.

— И?

— Ты поставил крестик напротив имени Ливия.

— И?

— Это была ошибка. Утонула её мать, Катрин Вестин.

Майнер равнодушно сунул в рот несколько креветок.

— Хорошо, — сказал он, не переставая жевать. — Я ошибся. Даже полицейские иногда ошибаются.

— Да, но это был твоя ошибка, не моя, — сказала Тильда.
Майнер посмотрел на нее в упор.
— Так ты мне не доверяешь?
— Доверяю, но...
— Ну вот и хорошо.
— Вы знакомитесь? — вмешался комиссар Хольмблад.
— Пытаемся, — кивнула Тильда.
— Хорошо... Не забудь, что у нас еще сегодня дела, Тильда, — с улыбкой добавил Хольмблад и направился к репортерам.
Майнер похлопал Тильду по плечу.
— Коллеги должны доверять друг другу, Давидсон, — сказал он. — Ты согласна?
Тильда кивнула.
— Хорошо, — сказал Майнер. — Ошибка или нет — полицейский всегда должен быть уверен в том, что в случае чего получит подкрепление.
Тильде хотелось оказаться далеко отсюда.

Получасом позже, когда три торта были съедены, а четвертый убран в холодильник, Хольмблад подошел к Тильде:
— Пора ехать. Возьмем мою машину.

Они остались вдвоем в участке. Ханс Майнер уехал одним из первых.
К тому времени Тильда решила даже не пытаться узнать его лучше.
Она сняла с себя полицейскую фуражку, заперла участок и пошла за Хольмбладом к машине.

— Мы не обязаны наносить этот визит, — пояснил Хольмблад. — Но Вестин пару раз звонил в Кальмар и спрашивал меня или кого-то из руководства. Поэтому я думаю, что нам лучше лично с ним поговорить.

Комиссар завел машину и, вырулив на дорогу, продолжил:
— Главное — избежать внутреннего расследования. Наш визит может помочь прояснить недоразумение.
— Я звонила Вестину через пару дней после трагедии, но он отказался со мной разговаривать.
— Я попробую с ним поговорить. Может, он поймет. Извинения тут не помогут.

— Мне не за что извиняться, — заметила Тильда. — Это не я ошиблась в имени. Коллега дал мне листок с неверной отметкой.

— Да? Но о смерти родственников людям нельзя сообщать по телефону. Нам всем придется нести ответственность, если выяснится, что

это правило было нарушено.

— Понятно.

Они выехали из Марнэса и поехали на юг по направлению к Олуддену. Дорога была абсолютно пустой.

— Я много думал о том, чтобы приобрести дом на острове, — сказал Хольмблад, обводя взглядом пляж. — Здесь, на восточном побережье.

— Вот как?

— Здесь очень красиво.

— Да, — согласилась Тильда. — Семья моего отца родом отсюда.

— Поэтому ты сюда вернулась?

— Это было одной из причин. Работа меня тоже устраивала.

— Работа? Работа только начинается.

Через пару минут они увидели указатель на Олудден и свернули.

С дороги хорошо были видны маяки. И даже днем было видно красное мигание на фоне серых облаков.

Хольмблад подъехал к дому и заглушил мотор.

— Помни, что тебе не нужно ничего говорить.

Тильда кивнула. Как всегда, самые молодые должны молчать. Точно так же было у нее дома за обеденным столом, когда говорить должны были только старшие, а младшие — слушать.

«В свете дня хутор гораздо уютнее, — подумала Тильда, — но все равно он слишком большой, чтобы чувствовать себя здесь комфортно».

Хольмблад постучал в стеклянное окно, и через пару минут дверь открылась.

— Добрый день, — сказал комиссар. — Вот и мы.

Лицо Йоакима было бледным и осунувшимся.

В свои тридцать четыре года он выглядел на все пятьдесят. Усталый взгляд, темные круги под глазами. Он кивнул Хольмбладу и, даже не взглянув на Тильду, сказал:

— Входи.

Вестин исчез в темноте, и они пошли за ним. В доме было чисто и убрано, но все равно у Тильды возникало ощущение полной заброшенности.

— Кофе? — предложил Вестин.

— Спасибо, не откажемся, — сказала Тильда.

— Вы одни дома? Только вы и дети? — спросил Хольмблад. — Никаких родственников?

— Моя мать нас навещала. Но она вернулась в Стокгольм.

Возникла пауза. Хольмблад поправил форму.

— Мы хотим сказать, что сожалеем... Такие вещи не должны происходить. Мы нарушили правила сообщения о смерти...

— Я согласен, — кивнул Вестин.

— Как я сказал, мы сожалеем...

— Я думал, что это моя дочь, — прервав комиссара, сказал Вестин.

— Простите?

— Я считал, что утонула моя дочь. Я так думал несколько часов поездки от Стокгольма до Эланда. И единственным утешением для меня была вера, что моя жена ждет меня, ведь я был уверен, что ей еще хуже, чем мне. Тогда я хотя бы мог утешать ее всю оставшуюся жизнь. — Йоаким Вестин сделал паузу и шепотом добавил: — По крайней мере, мы были бы друг у друга.

Он замолчал, устремив взор в окно.

— Как я сказал, мы сожалеем, — произнес Хольмблад. — Но что сделано, то сделано. Теперь мы можем только не допустить повторения этой ужасной ошибки.

Вестин не слушал. Он разглядывал свои руки. Но когда Хольмблад закончил, спросил:

— Как идет расследование?

— Расследование? — повторил комиссар.

— Полицейское расследование гибели моей жены?

— Полицейские расследования ведутся, только если есть признаки насильственной смерти. В данном случае таковых не обнаружилось.

Вестин поднял глаза:

— Так то, что случилось, — обычное дело?

— Конечно нет, но...

Вестин набрал воздуха и сказал:

— Моя жена попрощалась со мной утром. Потом она помыла окна, пообедала и пошла на пляж. Вышла на дамбу и бросилась в ледяную воду. Разве это нормально?

— Никто не говорит, что это было самоубийство, — сказал Хольмблад. — Но ничто не говорит об убийстве. Ваша жена могла выпить пару бокалов вина за обедом и поскользнуться на мокрых камнях.

— Вы здесь видите бутылки? — резко сказал Вестин.

Тильда огляделась по сторонам. Действительно, спиртного в кухне не было.

— Катрин была трезвенницей, — продолжил Йоаким. — Она не употребляла алкоголь. Вы могли в этом убедиться, сделав анализ крови.

— Да, но...

— И я тоже не пью. У нас вообще нет в доме спиртного.

— Почему, если позволите спросить? Вы верующие?

Йоаким посмотрел на Хольмблада так, словно тот произнес неприличную шутку.

— Мы видели, к чему приводят алкоголь и наркотики, — сказал он после паузы. — Им не было места в нашем доме.

— Понятно, — сказал Хольмблад.

В кухне снова повисла тишина. Тильда выглянула в окно и подумала о Герлофе с его вечным любопытством.

— У вашей жены были враги? — внезапно вырвалось у нее.

Она видела, какими глазами посмотрели на нее Хольмблад и Вестин, явно озадаченные вопросом.

— Нет, — произнес Йоаким с удивлением в голосе, — у нас не было врагов.

— Ей никто не угрожал?

Вестин покачал головой:

— Насколько я знаю, нет. Катрин последние месяцы жила здесь одна с детьми. Я приезжал из столицы на выходные. Но она ничего такого не упоминала.

— То есть накануне трагедии вела себя как обычно?

— Более или менее, — ответил Вестин. — Она была усталой... Ей трудно было жить здесь одной...

Он замолчал.

— Я могу воспользоваться туалетом? — спросила Тильда.

Вестин кивнул, сказав:

— Направо по коридору.

Тильда быстро нашла туалет, так как уже была на хуторе раньше.

В доме уже почти не пахло краской, а в коридоре висела новая картина. Это был написанный маслом зимний пейзаж Эланды. Снег скрыл все контуры. Тильда не помнила, чтобы когда-нибудь видела остров таким мрачным; она остановилась и несколько минут постояла перед картиной.

Ванная комната была небольшой, но отремонтированной, с новой плиткой на стенах и толстым голубым ковром на полу. Старинная ванна опиралась на львиные лапы. Справив нужду, Тильда вернулась в коридор и, проходя мимо комнаты, остановилась. Одна створка дверей была приоткрыта.

Тильда заглянула внутрь. Большая двуспальная кровать. Прикроватный столик с фотографией Катрин Вестин.

И тут Тильда увидела одежду.

Стен не было видно за вешалками с женской одеждой — кофтами, брюками, блузками, майками. На кровати поверх подушки лежала сложенная сорочка, словно ожидая, когда ее владелица придет укладываться спать.

Тильда тихо вышла из спальни.

Подходя к кухне, она услышала голос Хольмблада:

— Нам, пожалуй, пора возвращаться к работе.

Комиссар допил кофе и поднялся из-за стола. Атмосфера в кухне улучшилась. Йоаким Вестин тоже поднялся и посмотрел на Тильду и комиссара со словами:

— Спасибо за визит.

— Не за что, — сказал Хольмблад и добавил: — Вы можете подать жалобу, если захотите, но мы были бы признательны, если бы...

Вестин покачал головой:

— Я не буду подавать жалоб.

Он проводил комиссара и Тильду в прихожую и на крыльце пожал руки обоим.

— Спасибо за кофе, — проговорила Тильда.

Уже сгустились сумерки, и в воздухе пахло горелой листвой. В море мигал маяк.

— Мой постоянный друг, — сказал Вестин, кивая в сторону маяка.

— Вам нужно о них заботиться? — спросил Хольмблад.

— Нет, они работают автоматически.

— Я слышала, что их построили из остатков заброшенной часовни, — сказала Тильда, показывая на север. — Там она стояла.

Она тут же пожалела, что изобразила гида, — но Вестин спросил с интересом:

— Кто вам это сказал?

— Герлоф, брат моего дедушки. Он кое-что знает об Олуддене. Если хотите узнать больше, я могу спросить...

— Конечно. И передайте ему, чтобы он зашел как-нибудь на кофе...

Садясь в машину, Тильда обернулась и посмотрела на темные окна. Потом вспомнила одежду в спальне.

— Ему плохо, — сказала она комиссару.

— Конечно, он же потерял жену.

— Интересно, как там дети?

— Маленькие дети легко все забывают... — Хольмблад взглянул на Тильду. — Странные вопросы ты задавала в кухне... Откуда такие мысли?

— Ну, это чтобы наладить контакт.

— Это сработало.

— Мы могли бы его еще расспросить...

— О чем?

— Мне кажется, ему есть что сказать.

— О чем? — повторил вопрос комиссар.

— Ну, не знаю... Семейные тайны...

— У всех есть тайны... Самоубийство или несчастный случай — вот в чем вопрос? Но это уже не наше дело.

— Мы могли бы поискать следы...

— Чьи следы?

— Чужие следы на хуторе.

— Мы нашли только следы жертвы, — заметил Хольмблад. — К тому же последней ее видел Йоаким Вестин. Если искать убийцу, то начинать надо с него.

— Я подумала, что если у меня будет время...

— У тебя его не будет, — отрезал Хольмблад. — На участке полно работы. Алкоголики, вандалы, воры... А еще нарушители правил дорожного движения. И не забывай о рапортах.

Тильда кивнула.

— Другими словами, — сказала она, — если после этого всего у меня останется время, я могу поискать свидетелей смерти Катрин?

Хольмблад смотрел в окно.

— Чувствую, кто-то мечтает стать комиссаром, — сказал он без тени улыбки.

— Нет, карьера меня не интересует, — возразила Тильда.

— Все так говорят. — Хольмблад вздохнул. — Делай что хочешь. Ты сама вправе распоряжаться своим временем. Но если что-то найдешь, свяжись с экспертами. И не забывай посылать отчеты о работе в Боргхольм.

— Обожаю отчеты, — сказала Тильда.

Зима 1900 года

Когда перед тобой, Катрин, открывается бездна, что тебе остается делать? Остаться на краю или спрыгнуть вниз?

В конце пятидесятых годов я ехала в поезде в Боргхольм. Рядом со мной в купе сидела пожилая женщина по имени Эбба Линд. Она оказалось дочерью смотрителя маяка, и, услышав, что я с Эланда, она пожелала рассказать мне историю, связанную с Олудденом. Это случилось за день до того, как она поднялась на сеновал и ножом вырезала на стене имя своего брата и годы рождения и смерти: Петер Линд, 1885–1900.

Мирья Рамбе

Начало нового века. Последняя среда января была солнечной и безветренной, но Олудден все равно оказался отрезанным от всего мира.

За неделю до этого на остров налетел шторм, и всего за двенадцать часов побережье оказалось покрытым снегом. Теперь ветер стих, но на улице было минус пятнадцать, и все дороги занесло снегом. Уже шесть дней жители хутора не получали почты. Пока для скотины хватало корма, но запас дров и картошки подходил концу.

Петер и Эбба Линд выбрались из дома, чтобы принести лед для подвала, в котором они хранили еду. Позавтракав и тепло одевшись, они вышли на мороз. Солнце заливало светом белую бесконечную равнину, и белизна слепила глаза. Дети шли, утопая в сугробах, навстречу слепящему солнцу.

Они шли по воде, как когда-то Иисус. Ледяная корка похрустывала под грубыми ботинками.

Петеру пятнадцать лет, на два года больше, чем Эббе. Он идет впереди, временами оборачиваясь и проверяя, как там сестренка.

— Все хорошо? — интересуется он.

— Да, — отвечает Эбба.

— Ты тепло оделась?

Эбба кивает, вдыхая ледяной воздух.

— Как ты думаешь, отсюда видно Готланд? — спрашивает она.

Петер качает головой:

— Нет, он слишком далеко...

Через полчаса наконец стало видно море цвета гранита, переливающееся на солнце.

На берегу много птиц. В проруби плавают пара белых лебедей. Орел кружит над волнами, словно что-то высматривая. Внезапно он резко бросается вниз и снова взмывает вверх с чем-то черным, зажатым в когтях.

Эбба кричит Петеру:

— Смотри туда!

Лед у берега покрыт извивающимися блестящими на солнце угрями. Сотни угрей выползли на лед и не сумели вернуться обратно в воду. Петер, опустив пилу для льда, устремляется вперед.

— Давай их поймем, — кричит он, открывая ранец. Угри расползаются в стороны в попытке спастись, но Петер преследует их. Ему удается поймать несколько рыб и сложить в ранец, который тут же превратился в живое существо и зашевелился. Эбба тоже принимается собирать угрей. Опасаясь их острых зубов, она пытается ухватить рыбу за хвост, но мокрые угри выскользывают из рук. Эбба не сдаётся. Каждый угорь весит несколько килограммов, это просто спасение в голодную зиму.

Ей удается запихнуть двух угрей в свой ранец, и она принимается ловить третьего. Тем временем стало холоднее. Подняв глаза к небу, Эбба видит, как тучами заволокло солнце. На море снова поднимался ветер.

И как она не заметила, что на волнах появились белые барашки — предвестники шторма.

— Петер! — кричит она. — Петер, нам надо возвращаться!

Но он в ста метрах от нее и ничего не слышит, занятый поимкой угрей.

Волны все выше и выше. Они накатываются на лед, поднимая и опуская его, как качели. Эбба чувствует, как все гудит у нее под ногами. Она выпускает угря из рук и бежит к Петеру. И в это мгновение раздаётся ужасный треск, словно от удара молнии. Но это не молния, это лед трескается у нее под ногами.

— Петер! — кричит девочка в ужасе.

Теперь он ее услышал и обернулся. Но между ними по-прежнему около сотни метров.

И снова Эбба слышит громкий треск, как будто выстрелила пушка. Посреди белого полотна появляется черная трещина, из которой хлещет вода. И с каждой секундой трещина расширяется.

Инстинктивно Эбба продолжает бежать вперед. Трещина уже метр

шириной и продолжает увеличиваться. Эбба не умеет плавать и боится воды. В отчаянии она смотрит на трещину во льду, потом поворачивается к Петеру.

Он бежит в ее сторону с ранцем в руке и энергично машет свободной рукой. Между ними пятьдесят шагов.

— Прыгай, Эбба!

Девочка делает прыжок прямо над черной водой и падает на другую сторону льдины.

Петер остается один на льдине. Всего через минуту он оказывается у края трещины, но она уже увеличилась и ее не перепрыгнуть. Он не знает, что делать дальше, — а трещина все растет. В страхе брат и сестра смотрят друг на друга через пролом во льду. Петер качает головой и показывает в направлении берега.

— Беги за помощью, Эбба! Достань лодку.

Эбба кивает и бросается бежать, слыша, как за спиной продолжает трескаться лед. Два раза ей приходится перепрыгивать через трещины, но страх за брата придает девочке сил.

Она оборачивается и видит Петера в последний раз. Он стоит один на огромной льдине, окруженный черной водой. Эбба продолжает бежать. Ветер бьет ей в спину, но она бежит, не останавливаясь и не оборачиваясь. Наконец она видит маяки и рядом с ними темно-красное пятно — ее дом. До него еще далеко. Она молит Бога помочь Петеру и просит у Него прощение за то, что они были так неосмотрительны.

Девочка поскользывается на льду и падает, но поднимается и снова бежит. Наконец она у берега. Опустившись на четвереньки, она перелезает через сугробы, всхлипывая и задыхаясь. Осталось совсем немного. Эбба поднимается и оборачивается. Горизонта не видно за серыми облаками. И льдин больше не видно. Их отнесло течением в сторону России.

Рыдая, Эбба бежит к дому. Ей нужно успеть попросить смотрителей спустить на воду лодки. Но где в бескрайнем море теперь искать Петера? Силы оставляют Эббу, и она падает на колени в снег. Впереди возвышается хутор. Крыши построек усыпаны снегом, черные окна смотрят на нее. Черные, как трещины во льду, как злые глаза. Эббе кажется, что такими глазами в этот момент смотрит на нее Бог.

Каждый новый день давался ему с трудом.

Почему-то Ливия и Габриэль были твердо убеждены, что мама уехала и скоро вернется, — хотя он никогда не говорил об этом с детьми. Это было неправильно, но Йоаким и сам стал в это верить.

Катрин уехала в отпуск, но она скоро вернется.

На следующий день после визита полиции Йоаким стоял в кухне и смотрел в окно. На небе не видно было перелетных птиц, только несколько заблудших чаек кружили над морем, высматривая рыбу.

Он уже отвез детей в сад. После этого он намеревался сделать покупки в магазине продуктов, но не смог. Слишком много товаров, слишком много рекламы. Над мясным прилавком плакат: «Грудинка. Всего 79,90 кроны за килограмм». Йоаким вышел из магазина. Он не мог заставить себя купить продукты. Вместо этого он вернулся на хутор, переоделся и прошел в кухню. У него не было никаких планов, никаких дел, только одно желание — весь день простоять перед окном в кухне.

Перед ним на кухонной стойке лежал на блюде забытый кочан салата. Это он его купил или Катрин? Йоаким не помнил, но салат под целлофаном был совсем черным. Нехорошо держать в кухне гнилые продукты, надо выбросить салат, сказал себе Йоаким. Но даже на это у него не было сил. Он последний раз взглянул на бескрайнее море и серое мрачное небо и принял решение: он пойдет в спальню, ляжет в постель и больше никогда ее не покинет.

Йоаким вернулся в спальню, лег на кровать поверх покрывала и устремил взор в потолок. Катрин сняла уродливый навесной потолок и восстановила настоящий потолок в его первоначальном виде, каким он был в девятнадцатом веке. У Йоакима возникло ощущение, словно над ним проплывает белое облако. Внезапно он услышал какой-то шум. Похоже было, что кто-то бьет костяшками пальцев по оконному стеклу. Он повернул голову. Плохие новости? Он всегда готов к плохим новостям. Стук усилился. Он шел от кухонной двери. Медленно Йоаким поднялся с постели и вышел в коридор. В окно он разглядел две человеческие фигуры на крыльце: мужчина и женщина одних с Йоакимом лет. Мужчина был в костюме, женщина — в пальто и юбке. Незнакомцы приветливо ему улыбнулись.

— Здравствуйте, — произнесла женщина. — Меня зовут Марианна, а

это Филипп. Можно войти?

Йоаким кивнул, пропуская гостей внутрь. Они из похоронного бюро? Лица были ему незнакомы, но все последние дни прошли для него как в тумане.

— Как у вас уютно! — воскликнула женщина.

Мужчина кивнул и повернулся к Йоакиму.

— Мы объезжаем остров, и мы увидели, что кто-то есть дома.

— Я живу здесь постоянно... — сказал Йоаким. — Хотите кофе?

— Спасибо, мы не употребляем кофеин, — ответил Филипп, присаживаясь за стол. И прибавил: — Позвольте спросить, как вас зовут?

— Йоаким.

— Йоаким, мы хотели бы дать вам кое-что важное.

Марианна достала из сумки брошюру и положила перед Йоакимом, сказав:

— Посмотрите. Красивая, правда?

Йоаким пролистал тонкую брошюру. На первой странице была иллюстрация: зеленый луг, на котором на фоне голубого неба сидели мужчина и женщина в белых одеждах. Мужчина обнимал одной рукой ягненка, а женщина обнимала льва. Мужчина и женщина улыбались друг другу.

— Разве это не рай? — спросила Марианна.

Йоаким поднял глаза на нее и сказал:

— Я раньше думал, что рай — это наш хутор. Но это было раньше.

Марианна с недоумением посмотрела на него и слегка улыбнулась.

— Иисус умер ради нас, — продолжила она. — Он отдал свою жизнь ради того, чтобы мы были счастливыми.

Йоаким снова посмотрел на картинку и кивнул.

— Красиво, — сказал он и указал пальцем на горы на горизонте: — Горы тоже красивые.

— Это рай, — повторила Марианна.

— Существует жизнь после смерти, Йоаким, — сказал Филипп, наклоняясь ближе к нему с таким видом, словно поверяет ему тайну. — Вечная жизнь — это реальность. Разве это не прекрасно?

Йоаким снова кивнул. Он не мог отвести глаз от картинки. Он и раньше видел такие брошюры, но никогда не замечал, какие они красивые.

— Я хотел бы жить в горах, — проговорил он.

Дышать свежим горным воздухом. Вместе с Катрин. Здесь, на острове, не было гор. И не было Катрин.

Йоакиму стало трудно дышать. Он опустил голову, чувствуя, как слезы

подступают ему к горлу.

— Вам плохо? — взволнованно спросила Марианна.

Йоаким покачал головой, склонился над столом и заплакал. Да, ему плохо. Ему очень плохо.

Катрин... Этель...

Несколько минут Йоаким безудержно рыдал за кухонным столом, забыв обо всем. Он словно сквозь туман слышал шепот и скрип стульев, но не мог успокоиться. Йоаким почувствовал теплую руку на плече и через пару секунд услышал, как хлопнула входная дверь. Когда он наконец вытер слезы, он обнаружил, что остался один в кухне. Во дворе послышался звук мотора машины.

Брошюра с изображением людей на лугу все еще лежала перед ним на столе. Когда машина уехала, Йоаким высморкался и посмотрел на иллюстрацию.

Он должен что-то сделать. Что угодно.

Со вздохом он заставил себя подняться со стула и выкинуть брошюру в мусорное ведро.

В доме было тихо. Йоаким вышел в коридор и заглянул в гостиную, где на полу стояли банки с краской и лежали кисти и тряпки. Катрин собиралась красить оконные рамы, но успела только удалить старую краску. Это Катрин выбрала цвет обоев и краски, потому что у нее было более четкое представление о дизайне, чем у Йоакима. Все материалы для ремонта были закуплены и сложены у стены.

Йоаким вздохнул.

Потом открыл бутылку с растворителем и взял тряпку. Он принялся за работу с ожесточенным рвением. В тишине дома слышно было, как тряпка трется о стену.

«Не нажимай так сильно, Ким», — услышал в голове Йоаким голос Катрин.

Наступили выходные. Дети были дома и играли в комнате Ливии.

Йоаким закончил с окнами и собирался оклеивать обоями стены в угловой комнате, где уже поставил стол и приготовил клей. Это была крошечная спальня с изразцовой печкой в углу. Цветочные обои начала века были в ужасном состоянии, и их пришлось сорвать. Катрин сделала это еще в начале осени, удалив все остатки старых обоев и зашпаклевав стену для наклеивания новых. Ей нравилась эта маленькая комната. Йоаким попытался не думать о жене сейчас. Ему нужно только наклеить обои. Он поднял рулон английских обоев ручной работы — точно такими

же были оклеены стены в Яблочной вилле, — взял линейку и начал отмерять нужную длину.

Они с Катрин всегда наклеивали обои вдвоем. Йоаким вздохнул, но продолжил работу. Нельзя спешить. Нужно работать медленно и сосредоточенно, словно медитируешь. В этот момент он был монахом, а дом — его монастырем.

Оклеив одну стену и разгладив обои, Йоаким вдруг услышал странный звук. Он быстро спустился со стремянки и прислушался. Звук повторялся ритмично с перерывом в одну-две секунды и доносился снаружи.

Подойдя к окну, Йоаким открыл его, впуская внутрь холодный воздух.

Наискосок от дома стоял мальчик, на вид он был старше Ливии на пару лет. У ног его лежал желтый пластиковый мяч. Из-под вязаной шапочки торчали упрямые кудряшки, а зимняя куртка была неправильно застегнута. Мальчик с любопытством посмотрел на Йоакима в окне.

— Привет, — сказал Йоаким.

— Здравствуйте! — бодрым голосом произнес мальчик.

— Не стоит тут играть в мяч, — прибавил Йоаким. — Ты можешь разбить окно.

— Я целюсь в стену, — возразил мальчик. — И никогда не промахиваюсь.

— Хорошо. Как тебя зовут?

— Андреас.

Мальчик потер холодный нос рукой.

— Где ты живешь?

— Там. — Мальчик показал рукой в сторону фермы.

Значит, это сын Карлсонов, отправившийся один на прогулку.

— Хочешь зайти? — предложил Йоаким.

— Зачем?

— Познакомишься с Ливией и Габриэлем, моими детьми. Ливия твоя ровесница.

— Мне семь, — объявил Андреас. — Ей тоже семь?

— Нет, но она почти твоя ровесница.

Андреас кивнул и почесал нос.

— Ладно, но ненадолго, мы скоро будем есть.

Он подобрал мячик и скрылся за углом. Закрыв окно, Йоаким вышел в коридор.

— Ливия, Габриэль, у нас гости!

Через секунду показалась Ливия с Форманом в руках.

— Гости? — переспросила она.

— Кое-кто хочет с тобой встретиться.

— Кто?

— Один мальчик.

— Мальчик? — Ливия сделала удивленные глаза. — Не хочу никаких мальчиков... Как его зовут?

— Андреас, он наш сосед.

— Но я его не знаю, — в панике вскричала Ливия, но, прежде чем Йоаким успел сказать что-то умное о том, как полезно заводить новых друзей, входная дверь распахнулась и вошел Андреас.

— Входи, Андреас, — приветливо сказал Йоаким. — Можешь снять куртку и шапку.

Мальчик сбросил верхнюю одежду прямо на пол.

— Ты раньше бывал в нашем доме?

— Нет, у вас всегда закрыто.

— Теперь нет. Мы тут живем.

Андреас смотрел на Ливию, а она пристально смотрела на него, однако никто не хотел здороваться.

Габриэль выглянул из комнаты, но тоже ничего не сказал.

— Я помогал загонять коров, — сказал через минуту Андреас, обводя взглядом комнату.

— Сегодня?

— Нет, на прошлой неделе. Иначе бы они замерзли до смерти — такая холодина.

— Да, — кивнул Йоаким, — всем нужно зимой быть в тепле — и коровам, и людям.

Ливия продолжала молча разглядывать Андреаса. Йоаким в детстве тоже был очень застенчивым, и Ливия, видимо, унаследовала этот недостаток.

— Не хотите поиграть в мяч? — предложил Йоаким. — У нас как раз есть подходящее место для этого.

Он провел детей в гостиную, в которой по-прежнему было пусто, за исключением пары стульев и коробок на полу.

— Можете поиграть здесь, — сказал Йоаким, отодвигая коробки.

Андреас опустил мяч и осторожно толкнул его по направлению к Ливии. В воздух поднялась старая пыль. Ливия отбила мяч, но неудачно, и Андреасу пришлось за ним бежать.

— Сначала останови мяч ногой, — посоветовал Йоаким.

Ливия кисло посмотрела на него, не оценив совета. Но следующая подача была уже удачнее.

— Молодец! — с улыбкой произнес Андреас.

А он умеет сказать девочке комплимент, отметил Йоаким. Ливия широко улыбнулась.

— Вставай там. — Андреас показал на противоположную стену. — Мы будем в тебя целиться.

Ливия быстро побежала в другой конец комнаты, а Йоаким вернулся к работе. За стеной слышен был стук мяча и радостные крики троих детей: Габриэль не заставил себя ждать и присоединился к Ливии и Андреасу. «Как хорошо, что у детей появились друзья, — подумал Йоаким. — Этому дому не помешает детский смех».

Он окунул кисть в банку с клеем и стал промазывать следующую стену. Рулон за рулоном разворачивался и ложился на стены, делая комнату светлее и уютнее. Йоаким разгладил пузыри на обоях и промокнул излишки клея губкой. Когда остался только метр стены, Йоаким вдруг заметил, что голоса в гостиной стихли. На хуторе воцарилась тишина.

Йоаким снова спустился со стремянки и прислушался.

— Ливия? Габриэль? — позвал он. — Хотите сока или печенья?

Ответа не последовало. Йоаким вышел из комнаты и пошел в гостиную, но на полпути замер перед окном во двор. Дверь в сарай была открыта. Он помнил, что ее закрывал. На полу в прихожей одежды Андреаса уже не было. Торопливо натянув куртку и ботинки, Йоаким поспешил наружу. Видимо, дети втроем открыли тяжелую дверь. Что они там делают одни в темноте?

Йоаким подошел к входу в сарай.

— Эй!

Нет ответа.

Может, в прятки играют. Он вошел внутрь, вдыхая запах старого сена.

Катрин планировала превратить коровник в галерею, убрав все следы животных. Против воли он снова подумал о жене. Но в тот день он видел, как она выходила из коровника. И у нее было странное, смущенное выражение лица.

В коровнике никого не было, но Йоакиму показалось, что с сеновала доносятся какие-то звуки. На сеновал вела узкая крутая лестница, и он начал по ней подниматься. «Ощущение такое, словноходишь в церковь», — подумал Йоаким. Наверху была огромное пустое пространство для хранения сена с высоким потолком, почти невидным в темноте. Пол был заставлен разным хламом: старые газеты, горшки для цветов, сломанные стулья, старые швейные машинки — кто-то превратил сеновал в склад старья. У стены стояли две старые покрышки для трактора.

И как их только сюда подняли?

Увидев сеновал, Йоаким вспомнил тот странный сон, в котором ему явилась Катрин именно в этом месте. Но во сне пол был чистым, и жена стояла у дальней стены спиной к нему. И почему-то во сне ему страшно было к ней подойти. Под потолком шептал ветер. Йоакиму стало неудобно. Снова раздался какой-то шорох.

— Ливия? — крикнул он.

Только потрескивание половиц впереди, и никакого ответа. Наверно, дети спрятались и следят за ним из углов. Они прячутся от него. Йоаким огляделся по сторонам и прислушался.

— Катрин? — тихо позвал он.

Нет ответа. Он подождал еще пару минут; на сеновале было тихо, и Йоаким спустился вниз по лестнице.

Вернувшись домой, он нашел детей в детской — там, где ему и следовало их искать.

Ливия сидела на полу и рисовала как ни в чем не бывало. Габриэль, которому старшая сестра, видимо, разрешила играть в ее комнате, сидел рядом и возился с машинками.

— Где вы были? — спросил Йоаким резко.

Ливия оторвалась от своего занятия. Катрин редко рисовала дома, несмотря на то что преподавала рисование в школе, а вот Ливии это очень нравилось.

— Здесь, — ответила она.

— Но до этого вы были на улице? С Андреасом?

— Недолго.

— Вам нельзя заходить в сарай, — сказал Йоаким. — Вы там играли?

— Нет, там нечего делать.

— А где Андреас?

— Пошел домой обедать.

— Хорошо. Мы тоже скоро будем обедать. Но впредь не выходите на улицу, не предупредив. Понятно, Ливия?

— Понятно.

В ту ночь Ливия снова начала говорить во сне. Когда он помогал Ливии чистить зубы перед сном, все было хорошо. Габриэль уже давно заснул, а Ливия с удивлением рассматривала Йоакима в зеркале.

— У тебя странные уши, папа, — констатировала она.

Йоаким отставил в сторону стакан со щеткой и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Твои уши... они выглядят старыми.

— Старыми? Да нет, вроде они такие же, как раньше. В них что, волосы выросли?

— Да нет.

— Ну вот и хорошо, — сказал Йоаким. — Волосы в ушах или в носу — это никуда не годится.

Ливии хотелось еще покривляться перед зеркалом, но Йоаким мягко вытолкнул ее из ванной комнаты. Уложив дочку в кровать, он два раза перечитал историю о том, как Эмиль застрял головой в супнице, и погасил свет. Уходя, он слышал, как Ливия укутывается в одеяло. Рядом с ней по-прежнему лежала кофта Катрин.

Он вышел в коридор, прошел в кухню, сделал себе пару бутербродов и загрузил стиральную машину. Погасив свет в доме, пошел в спальню, где его ждала пустая двуспальная кровать. Стены в комнате по-прежнему были завешаны одеждой Катрин. Но вещи уже утратили ее запах. Одежду надо было убрать, но Йоаким не решался. Он лег в холодную кровать и устремил взор в темноту.

— Мама?

Голос Ливии заставил Йоакима приподнять голову. Он прислушался. Стиральная машина уже выключилась, и часы показывали 23.52. Он спал только час.

— Мама?

Крики продолжались, и Йоаким встал с постели. На пороге детской он остановился.

— Мама?

Ливия лежала под одеялом с закрытыми глазами, но в свете лампы из коридора видно было, как голова девочки резко поворачивается из стороны в сторону. Ливия судорожно сжимала кофту Катрин, и Йоаким склонился над дочерью, чтобы разжать ее пальцы.

— Мамы нет, — сказал он, убирая кофту в сторону.

— Нет, она здесь.

— Спи, Ливия.

Девочка открыла глаза. Теперь она его узнала.

— Нет, останься со мной, — попросила она.

Йоаким вздохнул, но Ливия уже проснулась, и выбора у него не было. Раньше этим всегда занималась Катрин. Он осторожно прилег на краю короткой детской кровати. Нет, так он никогда не сможет уснуть. Йоаким заснул через пару минут.

Перед домом кто-то был.

Йоаким открыл глаза. В комнате было темно. Он ничего не слышал, но чувствовал, что на хуторе кто-то есть. Сон как рукой сняло.

Где часы? Он понятия не имел, сколько спал. Может, час, а может, три.

Приподняв голову, Йоаким прислушался. В доме было тихо. Слышно было только тиканье часов и размеренное дыхание Ливии.

Поднявшись, он шагнул к двери, и в этот момент за его спиной раздался голос Ливии:

— Папа, не уходи.

Он замер.

— Почему?

— Не уходи.

Ливия лежала неподвижно, лицом к стене. Неужели она говорит во сне? Йоакиму были видны только ее светлые волосы. Он подошел к кровати и присел на край.

— Ливия, ты спишь? — спросил он тихо.

Через пару секунд дочь ответила:

— Нет.

Голос не был сонным.

— Ты спишь?

— Нет, я вижу вещи.

— Вещи? Какие вещи?

— За стеной.

Ливия говорила монотонным голосом. Дыхание ее было спокойным и равномерным, как у спящей. Йоаким нагнулся к ней ниже.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Свет, воду... тени...

— А что еще?

— Свет.

— Ты видишь людей?

Пауза. Потом ответ:

— Маму.

Йоаким застыл. У него перехватило дыхание. Что, если Ливия действительно видит «вещи». Не спрашивай больше, иди спать, сказал он себе, но кто-то словно тянул его за язык.

— Где мама? — спросил он.

— За светом.

— Ты видишь...

— Все стоят и ждут, — перебив его, сказала Ливия. Теперь она говорила громче и быстрее: — И мама тоже с ними.

— Кто все? Кто ждет?

Ливия не ответила.

Она и раньше говорила во сне, но никогда так четко. Йоакиму показалось, что она играет с ним в какую-то игру, но он все равно не мог удержаться от вопроса:

— Как она себя чувствует?

— Мама тоскует.

— Тоскует?

— Она хочет войти.

— Скажи, что... — Йоаким сглотнул, но во рту у него пересохло. — Скажи, что она может войти.

— Она не может.

— Не может войти?

— В дом — нет.

— Ты можешь с ней поговорить?

Тишина. Йоаким продолжал:

— Ты можешь спросить маму... что она делала на дамбе?

Ливия лежала неподвижно, ничего не отвечая, но Йоаким не сдавался.

— Ливия, ты можешь поговорить с мамой?

— Она хочет войти.

Йоаким выпрямился. Нет никакого смысла спрашивать дальше.

— Попробуй...

— Она хочет поговорить, — прервав его, произнесла Ливия.

— Хочет? О чем? Что она хочет сказать?

Но Ливия молчала.

Йоаким тоже молчал. Он медленно поднялся с постели. Ноги и спина затекли: слишком долго он сидел в одной позе.

Йоаким подошел к окну и выглянул во двор. Он видел только собственное бледное отражение в стекле и больше ничего.

На небе не было ни луны, ни звезд: все затянуто облаками. Во дворе никакого движения, только трава чуть колышется на ветру.

Неужели там кто-то есть? Йоаким опустил штору. Выйти на улицу означало оставить детей одних. Йоаким не мог на это решиться. Он стоял перед окном, не зная, что ему делать. Наконец он повернулся к кровати, сказав:

— Ливия?

Никакого ответа.

Дочь спала. Йоакиму хотелось разбудить ее и спросить, что еще она видела во сне, — но он не осмеливался. Вместо этого он поправил ей

одеяло и вернулся в спальню. Накрывшись с головой одеялом, он лежал, вслушиваясь в темноту. В доме было тихо. Йоаким думал о Катрин. Прошло много часов, прежде чем он наконец заснул.

Конец ноября. Вечер.

Пасторский хутор располагался в полукилометре от деревни на краю леса. Этот хутор уже давно не имел отношения к церкви: Хенрик знал, что его купили пенсионеры из Эммабоды.

Хенрик с братьями Серелиус припарковали машину в соседней роще. С собой они взяли только пару инструментов и рюкзаки, чтобы было куда складывать награбленное. Перед выходом все запили белый порошок пивом. Хенрик нервничал, поэтому много пил. Все дело было в этой чертовой спиритической планшетке — причуде братьев Серелиус.

Они вызывали духов и этим вечером тоже. Хенрик выключил свет, а Фредди зажег свечи.

Томми поставил палец на стакан и произнес:

— Есть тут кто?

Стакан сразу начал двигаться по направлению к слову «Да». Томми взволнованно склонился вперед:

— Это Алистер?

Стакан двинулся к букве «А», потом к букве «Л».

— Это он, — тихо сказал Томми.

Но стакан передвинулся к букве «Г», а потом к «О» и «Т». После этого стакан замер.

— Алгот? — удивился Томми. — Это кто еще такой?

Хенрик застыл. Стакан снова задвигался по планшетке, и Хенрик быстро потянулся за бумагой и ручкой.

Алгот Алгот Нехорошо Одному Хенрик Неправильно живет неправильно Хенрик нет.

Хенрик прекратил писать.

— Я больше не вынесу, — сказал он, отодвигая бумагу в сторону.

Вскочив, он бросился к выключателю и, только когда вспыхнул свет, выдохнул.

Томми посмотрел на него с удивлением.

— Спокойно, — сказал он. — Планшетка нам помогает. Поехали.

В половине первого они были на пасторском хуторе. Погода была пасмурная, и дом почти сливался с окружающей его темнотой.

У Хенрика перед глазами еще стояли слова на бумаге. Алгот. Так звали

его дедушку.

— Они дома? — прошептал Томми в тишине. На голове у него, как и у Фредди с Хенриком, была черная шапка с прорезями для глаз.

Хенрик тряхнул головой. Ему нужно сосредоточиться на работе.

— Конечно дома, — сказал он. — Они спят на втором этаже. Видите, форточка приоткрыта для проветривания? — Он показал на окно угловой комнаты.

— За дело, ребята! — сказал Томми. — Хубба-бубба!

Он поднялся на крыльцо и склонился над замком.

— Выглядит очень надежно, — прошептал он Хенрику. — Может, попробуем через окно?

Хенрик покачал головой.

— Это же деревня, — прошептал он. — И тут живут пенсионеры. Посмотрим здесь.

Он протянул руку и потянул ручку вниз. Дверь была не заперта.

Томми, не говоря ни слова, прошел внутрь. Три человека на такой маленький дом — это слишком. Хенрик показал жестом Фредди, чтобы он оставался снаружи, но тот только покачал головой и пошел за ними.

Томми с Хенриком оказались в прихожей. Там было темно и очень жарко: старики любят тепло и включают обогрев на полную мощность.

Шаги заглушал толстый персидский ковер под ногами. Хенрик замер. На мраморном столике с зеркалом лежал черный кожаный кошелек. Хенрик сунул его в карман и, выпрямляясь, поймал свое отражение в зеркале: темная фигура в черной одежде, черной шапке с прорезями для глаз и черным рюкзаком на спине.

Выгляжу как вор, подумал Хенрик. Все дело в этой чертовой шапке: в ней кто угодно будет похож на преступника, сказал себе Хенрик.

Из прихожей вели три двери. Две из них были приоткрыты. Томми остановился перед средней дверью и прислушался. Покачав головой, открыл ту, что была правее. Хенрик пошел за ним, чувствуя за спиной дыхание Фредди.

За дверью оказалась гостиная, столы в которой были уставлены разным хламом. Тем не менее Хенрик углядел хрустальную вазу и бережно уложил в рюкзак.

— Хенке? — услышал он шепот Томми. Тот открыл бюро и, по видимому, нашел там что-то ценное. Подойдя поближе, Хенрик увидел серебряные столовые приборы и золотые кольца для салфеток. Там были еще и ожерелья с брошками и пачки бумажных денег, в том числе иностранных.

Настоящий клад.

Не говоря ни слова, они начали опустошать ящики. Чтобы серебро не позвякивало, Хенрик завернул его в льняные салфетки. Теперь рюкзаки были почти неподъемными, а ведь он и братья только начали обчищать дом.

Картины на стенах им не подходили — были слишком громоздкие. Хенрик заметил что-то на окне и отодвинул штору в сторону. Это был старая стеклянная лампа высотой примерно тридцать сантиметров. Очаровательная безделушка. Если никто не купит, можно оставить себе. Она только украсит его скромную квартирку. Хенрик завернул лампу и опустил в вазу, уже спрятанную в рюкзак. Пожалуй, достаточно.

Они вернулись в прихожую, однако Фредди там не было. Дверь открылась, но Хенрик даже не обернулся — настолько он был уверен в том, что это Фредди. Но через мгновение Хенрик услышал, как Томми с шумом втянул в себя воздух.

Хенрик обернулся и увидел в дверях седого старика. Тот был в коричневой пижаме. И он как раз собирался надеть очки.

Черт. Их снова засекли.

— Что вы тут делаете?

Тупой вопрос, на который он не получит ответа. Хенрик почувствовал, как Томми напрягся рядом с ним, готовый броситься на старика.

— Я звоню в полицию, — сказал тот.

— Shut up!^[5] — процедил сквозь зубы Томми.

Он был на голову выше старика и без труда втолкнул его обратно в кухню, со злостью прибавив:

— No moves!^[6]

Старик зашатался и рухнул на пол, теряя очки. Томми склонился над ним. В руке Томми что-то блеснуло. Нож? Отвертка?

— Хватит! — сказал Хенрик.

Он хотел было помешать Томми, но зацепился ногой за край ковра, пошатнулся и придавил ногой в тяжелом ботинке руку старика. Послышался треск сломанных костей.

— Прекрати! — крикнул кто-то, может быть он сам.

— Говори по-английски, — прошипел Томми.

Хенрик отпрянул, ударившись о мраморный стол в прихожей. Зеркало с грохотом рухнуло на пол и рассыпалось на тысячи осколков. Черт, все пошло наперекосяк. Ситуация вышла из-под контроля. И где, черт побери, Фредди?

— Убирайтесь!

Хенрик обернулся. Рядом с лежащим на полу стариком стояла женщина. Она выглядела смертельно испуганной.

— Гуннар? — Женщина наклонилась к старику. — Гуннар, я позвонила в полицию.

— Сматываемся! — крикнул Хенрик.

И бросился бежать, не проверяя, что делает Томми. Хенрик выскочил на веранду, потом на крыльцо, спрыгнул на покрытую инеем лужайку, завернул за угол и помчался прямо в лес. Ветки царапали ему лицо, рюкзак бил по спине. Не разбирая дороги, Хенрик бежал вперед. Внезапно нога его за что-то зацепилась, он потерял равновесие и рухнул во влажную листву. При падении он обо что-то ударился головой, и у него все перед глазами почернело.

Очнувшись, Хенрик обнаружил, что стоит на четвереньках перед темной впадиной — чем-то вроде грота. Голова раскалывалась. Хенрик пролез в узкое отверстие и свернулся клубком. Здесь им его не найти.

Прошло несколько минут, прежде чем к Хенрику вернулась способность ясно мыслить. Он приподнял голову и оглянулся.

Тишина. Где он?

Под ногами была холодная земля. Видимо, он попал в старый погреб неподалеку от пасторского хутора. Здесь было влажно, пахло плесенью.

Внезапно Хенрика осенило, что это не погреб... Это склеп рядом с кладбищем, где в старину держали покойников до похорон. Какое-то насекомое заползло ему на ухо. Паук. Хенрик быстро его смахнул. В склепе ему было не по себе. Медленно он выполз наружу и вдохнул морозный воздух. Поднявшись, Хенрик пошел прочь от хутора, окна которого светились в темноте. Дойдя до кладбищенской стены, он понял, что идет в правильном направлении.

Внезапно где-то хлопнула дверца. Хенрик прислушался. Мотор заработал в темноте. Хенрик бросился бежать. Деревья поредели, и он увидел грузовик братьев Серелиус. В последнюю секунду ему удалось добежать до машины и рвануть на себя дверцу. Фредди и Томми мгновенно обернулись.

— Поезжай! — крикнул Хенрик, падая на сиденье. Только теперь он мог выдохнуть.

— Где тебя черти носили? — спросил Томми, тяжело дыша. Руки его вцепились в руль, и видно было, что он чертовски зол.

— Я заблудился, — сказал Хенрик, снимая рюкзак. — И споткнулся о корни.

— О корни? — произнес Фредди со смехом. — Мне пришлось из окна

прыгать. Прямо в кусты.

— Зато добыча солидная, — сказал Томми.

Хенрик кивнул. Старик, которого Томми избил, — что с ним? Хенрику не хотелось об этом думать.

— Поезжай на восток, — сказал он. — К сараю.

— Это почему?

— Полиция сейчас прибудет, — ответил Хенрик. — Они поедут по большой дороге из Кальмара, и я не хочу попасться им на глаза.

Вздыхнув, Томми повернул на восток.

За полчаса они выгрузили все награбленное в сарай. Так было безопаснее. В рюкзаке у Хенрика остались только старая лампа и купюры.

По дороге в Боргхольм полиция им не встретилась. На въезде в город Томми снова задавил кошку — или это был заяц, — но у братьев не было сил радоваться.

— Надо сделать перерыв, — сказал Томми, сворачивая на улицу, где жил Хенрик. — Залечь на дно.

— Хорошо, — согласился Хенрик. — Займемся пока пересчетом денег.

Он не забудет, как братья Серелиус собирались бросить его одного в лесу.

— Созвонимся, — сказал на прощание Томми.

Хенрик кивнул и пошел к дому.

Только в квартире он обнаружил, что вся одежда на нем перепачкана грязью с налипшими листьями. Он разделся, швырнул вещи в корзину для белья, налил себе молока и устремил взор в темное окно.

Голова гудела от всего, что случилось ночью. И он не мог забыть треск костей, когда наступил на руку старика. Это вышло случайно, но он все равно не мог себе этого простить.

Погасив свет, Хенрик лег в кровать, но сон не шел к нему. Тело оставалось напряженным, голова раскалывалась, перед глазами плыл туман.

Через пару часов Хенрика разбудил странный стук.

Он оторвал голову от подушки и в растерянности обвел глазами комнату.

Снова послышался странный стук, он шел из прихожей.

Хенрик нехотя поднялся с постели и вышел в прихожую.

Стучало в рюкзаке. Три постукивания — и тишина. Потом снова пара постукиваний.

Хенрик нагнулся и расстегнул молнию. В рюкзаке лежала старая

лампа, завернутая в скатерть. Наверно, обручи, скреплявшие лампу, замерзли в машине и теперь, отогреваясь, потрескивали.

Хенрик поставил лампу на стол в кухне, закрыл дверь и вернулся в кровать. Из кухни то и дело доносилось слабое постукивание. Это раздражало Хенрика. Он не мог спать даже при капающем кране, но в конце концов усталость взяла свое, и он погрузился в беспокойный сон.

Самое важное было никогда не забывать Катрин.

Стоило Йоакиму хоть на секунду забыть о Катрин, как она тут же напоминала о себе невыносимой болью в груди. И чем дольше он не думал о Катрин, тем болезненнее было вспоминать, что она когда-то была в его жизни. Вот почему Йоаким старался ни на минуту не выпускать Катрин из своих мыслей, как бы тяжело ему ни было о ней думать.

Спустя три недели после трагедии он повел детей на прогулку по окрестностям. Они пошли вглубь острова, прочь от хутора, но Йоаким все время ощущал спиной дом и убеждал себя в том, что Катрин не смогла пойти с ними, потому что должна была доклеить обои. Но скоро она нагонит его с детьми.

День был ветреный, но ясный, и с собой у них были припасены термос с какао и булочки. На встроенном в рюкзак Йоакима детском стульчике должен был сидеть Габриэль, но ему больше нравилось бегать по полю с Ливией. Выйдя к дороге, дети остановились и посмотрели сначала налево, а потом направо, как учил Йоаким. Только после этого он разрешил перейти дорогу.

Последнее время Ливия спала хорошо по ночам и утром была бодрой и полной сил, но сам Йоаким из-за постоянной бессонницы ощущал бесконечную усталость в теле. Днем ему еще кое-как удавалось бодрить себя работой по дому, но ночи превращались в мучительную пытку. Даже когда Ливия не кричала, он не мог заснуть. Только лежал в темноте и ждал.

Саму Ливию совсем не волновало то обстоятельство, что она почти каждую ночь кричала или говорила во сне. Но девочка начала приносить из сада странные рисунки. На них была женщина с желтыми волосами, то на фоне голубого моря, то на фоне красного дома. Сверху неровными буквами было начертано: «Мама».

И Ливия продолжала каждое утро и каждый вечер спрашивать, когда мама вернется домой. И Йоаким каждый раз отвечал одно и то же: «Я не знаю».

С другой стороны проселочной дороги шла старая полуразрушенная каменная изгородь, через которую они легко перелезли и оказались на широкой равнине, поросшей бледно-желтой травой. Прямо перед ними было озерцо, больше похожее на болото, с неподвижной темной водой.

— Это болото, — сказал Йоаким.

— Тут можно утонуть? — поинтересовалась Ливия, проверяя глубину прутиком. Она не заметила, как от ее вопроса Йоаким весь похолодел.

— Нет. Если умеешь плавать.

— Я умею плавать! — крикнула Ливия.

Она четыре раза посещала уроки плавания в Стокгольме прошлым летом.

Внезапно раздался крик Габриэля: у него один сапог застрял в глине у самой воды. Йоаким резко выдернул сына из глины и поставил на твердую почву, подальше от воды. Ему вспомнился рассказ агента по продаже недвижимости, когда тот вез его вокруг торфяника, и он сказал детям:

— Знаете, что тут было в железный век? Много-много тысяч лет назад?

— Что же? — с интересом спросила Ливия.

— Жертвенник. Люди делали пожертвования богам. Жертвовали вещи...

— Жертвовали? Это как?

— Это значит отдавали любимые вещи, — пояснил Йоаким. — Чтобы что-то получить взамен.

— И что же они отдавали?

— Серебро, золото, мечи. Просто бросали их в воду, как бы даря богам.

Агент сказал, что жертвовали еще животных и людей, но Йоаким не стал распространяться об этом при детях.

— Зачем? — задала очередной вопрос Ливия.

— Не знаю... Чтобы боги были рады и сделали их жизнь проще.

— Какие боги?

— Языческие.

— Это какие? — продолжала допрос Ливия.

— Ну... Наверно, это были злые боги, — ответил Йоаким, который не очень хорошо разбирался в истории религии. — Боги викингов. Один, Фрейя. И всякие там духи природы, в которых тогда верили. Но сейчас уже не верят.

— Почему?

— Просто потому, что не верят, — ответил Йоаким. — Пошли дальше... Хочешь на стульчик, Габриэль? — прибавил он.

Сын покачал головой и побежал за Ливией. Они шли по узкой сухой тропинке на север, которая вывела их сначала на поле, откуда было видно деревушку Рёрбю с ее белой церковью. Йоаким погулял бы еще, но видно было, что дети устали.

— Устраиваем привал, — объявил он, снимая рюкзак.

Присев на камни, они за полчаса опустошили термос с какао и съели все булочки. Йоаким слышал, что торфяник является заповедной территорией и что здесь особо охраняются птицы. Странно, поблизости не видно было ни одной птицы и даже их голосов не было слышно. Поев, Йоаким, Ливия и Габриэль отправились обратно по тропинке, идущей через лес к северо-западу от Олуддена. Лес был невысокий, сильно заросший кустарником, как все леса на острове. В основном он состоял из согнувшихся от сильных ветров сосен, под которыми тесно сплелись орешник и боярышник. Пройдя лес, Йоаким с детьми спустились к морю. Здесь было холоднее из-за ветра. Солнце уже садилось, и небо темнело прямо на глазах.

— Это остатки корабля! — крикнула Ливия, оказавшись на берегу.

— Корабль! — вторил ей Габриэль.

— Можно нам туда, папа?

На расстоянии это выглядело как остов корабля, но, подойдя ближе, Йоаким обнаружил только гору старых потрескавшихся досок. Хорошо сохранился только киль — мощная балка, наполовину увязшая в песке. Ливия и Габриэль обошли кучку досок и, расстроенные, вернулись к отцу.

— Его нельзя починить, папа, — пожаловалась Ливия.

— Нет, нельзя. Он свое отплавал, — сказал Йоаким.

— А моряки утонули?

Почему она все время говорит об утопленниках, удивился Йоаким.

— Нет, наверняка они выжили. Им помогли смотрители маяка.

Они продолжили путь на юг, ступая по мокрому песку. Волны заливали берег, и Ливия и Габриэль со смехом отбегали, стараясь не замочить ног. Через четверть часа все трое были у каменной дамбы. Ливия побежала вперед и начала карабкаться на камни.

Именно здесь была Катрин три недели назад. Она зашла на дамбу и упала в воду.

— Не ходи туда, Ливия! — крикнул Йоаким.

Она обернулась:

— Это почему же?

— Ты можешь поскользнуться.

— Нет.

— Можешь. Иди сюда немедленно.

Ливия нехотя слезла вниз, но настроение у нее резко ухудшилось. Габриэль недоуменно переводил взгляд с отца на сестру, не зная, кто из них неправ. Когда Йоаким с детьми проходили мимо маяков, Йоакиму внезапно

пришла в голову идея, как вернуть Ливии хорошее настроение.

— Мы можем посмотреть, что там внутри, — сказал он.

Ливия оживилась:

— А можно?

— Конечно можно. Если нам удастся открыть дверь. Но я видел дома связку ключей, один из которых может подойти.

Они вернулись на хутор. Йоаким открыл входную дверь и, как всегда, подавил желание позвать Катрин. В одном из шкафов на кухне он нашел ящик, который им вручил агент, сказав, что там документы, связанные с историей хутора. Вместе с документами в ящике Йоаким и Ливия нашли связку с дюжиной ключей, один из которых был больше других. Габриэлю хотелось остаться в тепле и посмотреть мультфильм про пингвина. Йоаким разрешил. Включая телевизор, он пообещал:

— Мы скоро вернемся.

Габриэль едва кивнул, внимательно рассматривая пингвина на футляре диска.

Йоаким взял связку и вместе с Ливией вышел на холод.

— С какого начнем? — спросил он.

Ливия задумалась на мгновение и показала пальцем:

— С этого. Маминой башни.

Йоаким посмотрел на северную башню, ту, в которой никогда не горел свет, за исключением ночи накануне смерти Катрин.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Они вышли на дамбу и пошли к северной башне. Маяк стоял на насыпном холме, вход закрывала тяжелая металлическая дверь, углубленная в стену. Отец с дочерью встали перед ней.

— Посмотрим, получится ли у нас, Ливия.

Йоаким осмотрел замок и выбрал подходящий ключ. Он оказался слишком большим. Другие удалось вставить в скважину, но они не поворачивались. Наконец один из ключей Йоакиму удалось повернуть, крепко сжав его руками.

Он взялся за ручку и изо всех сил потянул на себя дверь. У него получилось приоткрыть ее, но только сантиметров на пятнадцать — дальше помешала стена. Под действием волн и ветра проем сузился и теперь блокировал дверь. Йоаким взялся за дверь обеими руками и потянул, но безуспешно. Тогда он заглянул внутрь. У него возникло ощущение, словно он смотрит в горную пещеру.

— Папа, что ты там видишь?

— Ой, я вижу на полу скелет.

— Что?!

Он повернулся и улыбнулся дочери:

— Шучу. Там слишком темно. Ничего не видно.

Он отошел, давая Ливии посмотреть.

— Я вижу лестницу.

— Да, это лестница к маяку.

— Она винтовая, идет вверх.

Йоакиму пришла в голову новая идея. Он заметил неподалеку камень и сходил за ним.

— Отойди, Ливия, — попросил он. — Я хочу попробовать пролезть внутрь и толкнуть дверь изнутри.

— Я тоже хочу!

— Только после меня.

Он подставил камень, залез на него и, отогнув верхнюю часть двери, пролез внутрь. Йоаким порадовался тому, что все еще пребывает в хорошей физической форме. Пивной живот тут бы не прошел.

Внутри ветра не было. Его не пропускали толстые каменные стены. Йоаким ощутил под ногами цементный пол, глаза постепенно привыкали к темноте. Когда здесь в последний раз кто-то был? Может, лет двести назад. Все стены и пол были покрыты слоем серой пыли.

Винтовая лестница начиналась прямо перед ним и исчезала где-то высоко вверху. Там был виден слабый свет, вероятно идущий из окон.

На полу что-то стояло. Приглядевшись, Йоаким различил пару пустых пивных бутылок, стопку газет и красно-белую жестянку с надписью «Калтекс».

Под лестницей он заметил деревянную дверь; открыв ее, Йоаким увидел еще больше мусора — старые ящики, пустые бутылки, рыболовную сеть на стене. Там даже стояла старая прялка.

Они использовали маяк в качестве склада для старых вещей.

— Папа! — раздался крик Ливии.

— Да? — отозвался Йоаким и услышал гулкое эхо.

Между дверью и стеной показалось лицо дочери.

— Можно мне тоже войти?

— Давай попробуем. Вставай на камень, я тебе помогу.

Когда она попыталась пролезть внутрь, Йоаким понял, что не сможет одновременно отгибать дверь и втаскивать Ливию внутрь. Слишком велик риск, что девочка застрянет.

— Ничего не получится, Ливия.

— Но я хочу!

— Попробуем зайти в южную башню, — сказал он. — Может, получится...

Внезапно он услышал позади себя какой-то звук.

Йоаким повернул голову и прислушался.

Шаги. Звук был такой, словно кто-то спускался вниз по винтовой лестнице.

Звук шел сверху. Йоаким знал, что ему это только кажется, но звук действительно был такой, словно кто-то медленно спускался по лестнице.

И это была не Катрин.

Йоаким слышал мужские шаги.

— Ливия? — крикнул он.

— Да?

Йоаким вспомнил вдруг, как близко была вода и как опасно было дочери находиться снаружи одной. И Габриэль... Габриэль совсем один в доме.

— Ливия! — крикнул он снова. — Стой на месте. Я выхожу.

Он схватился за дверь и подтянулся. Дверь, казалось, не хотела его выпускать, изо всех сил старалась втянуть Йоакима обратно в башню, но он все-таки пролез в узкое отверстие. Со стороны это должно было выглядеть комично, но стоило Йоакиму больших трудов. Сердце в его груди колотилось как безумное. Ливия стояла под дверью, наблюдая за происходящим, и на лице ее был написан страх.

Йоаким вылез наружу и вдохнул свежий морской воздух.

— Стой на месте, — велел он дочери, закрывая за собой дверь. Нам пора идти к Габриэлю. Сходим на маяк в другой раз.

Он быстро замкнул дверной замок, ожидая протестов, но Ливия молчала. Она послушно взяла Йоакима за руку, и отец с дочерью пошли к дому. Уже стемнело.

Йоаким думал о шагах в башне. Наверняка он слышал, как шумит ветер или чайка клюет в окно, — это не могли быть шаги.

Зима 1916 года

Мертвые пытаются связаться с нами, Катрин. Они хотят рассказать нам что-то, и они хотят, чтобы мы слушали.

Что они хотят сказать? Чтобы мы не тревожили их покой?

На стене сеновала над коровником вырезана дата времен Первой мировой войны: 7 декабря 1916 года. Рядом с ней крестик и имя Георг...

Мирья Рамбе

Жена смотрителя маяка Альма Юнгрен сидит за прялкой в одной из задних комнат хозяйского дома. На стене рядом с ней — часы. Из задней комнаты не видно моря, и Альму это радует. Ей не хочется видеть, чем ее муж Георг вместе с другими смотрителями занимается на берегу. В доме тихо, все женщины пошли с мужчинами, чтобы им помочь. Только Альма побоялась. Она даже дышать боялась в этот момент.

Настенные часы продолжали тикать.

Утром на берег выбросило морское чудовище. Шел третий год войны, и всю ночь бушевала снежная буря. А утром они нашли на песке черного монстра, покрытого острыми чешуйками.

Швеция сохраняет нейтралитет, но война повсюду — от нее не уйти. Монстр на берегу — мина. Скорее всего, русская, поставленная в прошлом году, чтобы помешать немцам вывозить руду по Балтийскому морю. Но не важно, зачем мина здесь, — важно, что она таит в себе смертельную опасность. Внезапно в комнате воцаряется тишина. Альма оборачивается. Настенные часы за ее спиной остановились. Маятник висит неподвижно. Альма достает ножницы для стрижки овец из корзины и направляется к двери. Накинув на плечи шаль, она выходит на веранду. Ей по-прежнему страшно взглянуть на берег. Море, бушевавшее всю ночь, выбросило мину на берег, и теперь она застряла в песке и грязи в пятидесяти метрах от южной башни.

Год назад немецкая торпеда уткнулась в берег к северу от Марнэса. Ее расстреляли из пушки: так власти велели поступать со всеми минами. Но русская мина находится слишком близко к маяку: тут нельзя взрывать.

Смотрители маяка решили обмотать ее тросом и медленно оттащить подальше от маяка. Возглавляет работы Георг Юнгрен. Он стоит на носу моторной лодки и звучным голосом отдает приказания. Выйдя на мороз, Альма идет к сараю, стараясь не смотреть на пляж. В коровнике ее встречают встревоженные штормом коровы и лошади. Альма медленно идет к лестнице на сеновал. Кроме нее, в сарае нет людей. Сеновал занят сеном, но у стены остался узкий проход, по которому Альма протискивается к задней стене. Альма останавливается и в который раз за последние годы читает записи.

Она достает ножницы и начинает вырезать на доске сегодняшнее число: 7 декабря 1916 года. И имя.

Голоса на берегу стихают. Альма выпускает из рук ножницы. Падая на колени, она молит Бога о снисхождении.

На хуторе царит тишина.

И тут раздается взрыв.

Ощущение такое, словно грохотом накрыло весь хутор. За грохотом приходит ударная волна, выбивая окна в сарае и оглушая Альму, которая, зажмурившись, падает в сено. Мина взорвалась раньше времени. Женщина медленно поднимается на ноги. Внизу под ней мычат взволнованные коровы. С берега доносятся голоса, приближаясь к дому.

Альма торопливо спускается вниз по лестнице.

Маяки на месте. Они не пострадали. Но мины нет. На ее месте серая воронка, заполненная водой. Лодки тоже не видно.

Альма видит других женщин во дворе. Это жены смотрителей Рагнхильд и Эйвор. Они смотрят на нее невидящими глазами.

— Смотрители? — спрашивает Альма.

Рагнхильд качает головой. Теперь только Альма замечает, что ее передник весь в крови.

— Мой Альберт... Стоял на носу...

Колени Рагнхильд подгибаются, и Альма бросается вперед, чтобы не дать ей упасть.

Воскресной ночью Ливия спала спокойно.

Йоаким же едва проспал три часа тяжелым сном без сновидений, но и это уже можно было считать благословением. На рассвете он поднялся, чувствуя, как голова гудит от усталости.

Он, как обычно, отвез детей в сад и вернулся в пустынный дом, где принялся оклеивать обоями стены в южных комнатах.

В час дня Йоаким услышал, как к хутору подъезжает машина. Выглянув из окна, Йоаким обнаружил перед домом вишнево-красный «мерседес», который он уже видел раньше, на похоронах Катрин. Тогда эта машина уехала одной из первых.

Приехала мать Катрин. Машина была довольно большой, но все равно Мирья с трудом выбралась с водительского сиденья. Она стояла во дворе, в тесных джинсах, остроносых сапогах и кожаной куртке с наклейками. Несмотря на свои пятьдесят лет, губы она накрашила ярко-красной помадой и подвела глаза черным карандашом. Поправив розовый шарф, женщина огляделась по сторонам и зажгла сигарету.

Мирья Рамбе. Мать Катрин. Его теща. Он не видел ее со дня похорон.

Сделав глубокий вдох, Йоаким пошел к входной двери.

— Привет, Йоаким, — сказала гостья, выдыхая дым.

— Привет, Мирья.

— Хорошо, что ты дома. Как ты?

— Не очень.

— Понимаю... это дерьмово.

Это было все сочувствие, на которое женщина вроде Мирьи была способна. Затувив сигарету, Мирья Рамбе прошла в дом, и Йоакима обдал запах табака и духов.

В кухне Мирья остановилась и посмотрела вокруг себя. В доме многое изменилось с тех пор, как она сама жила на хуторе тридцать лет назад, но Мирья ничего не сказала. Йоаким был вынужден сам начать разговор:

— Катрин сделала все сама летом. Как тебе?

— Впечатляет, — ответила Мирья. — Когда мы с Торун снимали здесь комнатку, в хозяйском доме жили холостяки. Они превратили его в настоящий хлев.

— Они смотрели за маяком?

— Нет, за маяком уже не нужно было присматривать к тому времени.

Они были просто раздолбаи.

Мирья потрянула головой и сменила тему разговора, спросив:

— Где мои внуки?

— В саду в Марнэсе.

— Уже?

— Конечно, Ливия посещает «нулевку».

Мирья кивнула, даже не улыбнувшись.

— Конечно, — сказала она. — Как я могла забыть. Дерьмо.

Внезапно она повернулась и вышла на улицу со словами:

— Кстати, животное...

Йоаким остался в кухне, не понимая, что с тещей. Он надеялся, что на хуторе мать Катрин долго не задержится. С Мирьей было нелегко общаться. Раздался хлопок автомобильной двери, и Катрин снова появилась на пороге с сумками. Из одной из них она достала серый ящик.

— Мне подарили ее соседи, а вот все остальное пришлось купить.

«Клетка для кошки», — догадался Йоаким.

— Ты шутишь? — сказал он вслух.

Мирья только покачала головой и открыла дверцу. Из клетки выпрыгнул большой серый кот в черную полосу и растянулся на полу, с подозрением поглядывая на Йоакима.

— Это Распутин, — объявила Мирья. — Его назвали в честь русского монаха.

Открыв вторую сумку, Мирья принялась доставать банки с кошачьей едой, миски для еды и кошачий туалет.

— Мы не можем его оставить, — сказал Йоаким.

— Конечно, можете, — возразила Мирья. — Он оживляет атмосферу.

Распутин потерялся о ноги Йоакима, а через пару секунд уже был у входной двери. Мирья выпустила кота наружу.

— Пошел крыс ловить, — сказала она.

— Я не видел тут ни одной крысы, — проговорил Йоаким.

— Это потому, что крысы умнее тебя.

Мирья взяла яблоко из миски на столе и спросила:

— Когда вы приедете навестить меня в Кальмаре?

— Я и не знал, что мы приглашены.

— Конечно. — Мирья вгрызлась зубами в яблоко. — Приезжайте когда пожелаете.

— Катрин ты никогда не приглашала, насколько я помню, — заметил Йоаким.

— Катрин никогда бы и не приехала, — сказала Мирья. — Но мы

иногда перезванивались.

— Раз в году, — уточнил Йоаким, — на Рождество.

Мирья покачала головой:

— Мы говорили всего месяц назад.

— О чем же?

— Ничего особенного. О моей выставке в Кальмаре и моем новом мужчине, Ульфе.

— Другими словами, вы говорили только о тебе.

— Нет, о ней тоже.

— И что она сказала?

— Ей было очень одиноко здесь. Она скучала по тебе. По Стокгольму она не скучала... Только по тебе.

— Я должен был закончить работу.

Конечно, он мог сделать это и раньше. Он много чего мог сделать раньше. Но не хотел обсуждать это с тещей. Мирья снова вышла в коридор. На этот раз ее внимание привлекла картина Рамбе перед спальней Йоакима.

— Я подарила ее Катрин на двадцатилетие, — сказала Мирья. — На память о бабушке.

— Катрин очень ее любила.

— Не стоит держать картину здесь. На последнем аукционе работа Торун ушла за триста тысяч.

— Да? Но никто не знает, что она здесь.

Мирья внимательно разглядывала картину.

— Ни одной горизонтальной линии... Вот почему на нее так сложно смотреть, — произнесла она. — Именно так и выглядит буря.

— Торун видела бури?

— Конечно. В первую же зиму на остров налетел сильный шторм. Но Торун все равно пошла к торфянику. Ей нравилось рисовать на открытом воздухе.

— Мы там были вчера, — заметил Йоаким. — Там хорошо.

— Только не в шторм, — продолжала Мирья. — Ее мольберт унесло ветром. Солнце исчезло. Начался снег. Видимость была не дальше метра.

— Но Торун выжила?

— Выбираясь из торфяника, она провалилась в воду, но тут на мгновение видимость улучшилась, и она увидела маяк. В последнюю секунду ей удалось выбраться из воды. Мирья рассказывала, что, выползая из торфяника, Торун видела мертвых... Тех, кого принесли в жертву в древние времена... Она сказала, что они показались из воды и тянули к ней руки.

Йоаким напрягся. Теперь понятно, почему картины Торун такие мрачные.

— С того дня у нее начались проблемы со зрением, — прибавила Мирья. — В конце концов она полностью ослепла.

— Из-за шторма?

— Неизвестно. Но после того дня она не могла открыть глаза несколько дней. Шторм принес песок, смешанный со льдом: это все равно что иголки, летящие в глаза.

Мирья отошла в сторону.

— Людям не нравятся мрачные картины, — сказала она. — Они хотят видеть синее море, спокойное море и цветы. Радостные полотна в светлых рамах.

— Как у тебя.

— Именно так, — энергично кивнула Мирья, не обижаясь на его слова. — Солнечные картины для дачников.

Она огляделась по сторонам:

— Но у вас нет ни одной работы Мирьи Рамбе, не так ли?

— Нет, но у Катрин были открытки.

— Хорошо, — кивнула Мирья. — Открытки тоже приносят деньги.

Йоакиму слова давались с трудом. Он продолжил идти в сторону кухни.

— Сколько картин нарисовала Торун? — спросил он.

— Много. Около пятидесяти.

— А теперь их осталось только шесть?

— Да, только шесть, — с грустью подтвердила Мирья.

— Люди говорят...

Мирья не дала ему закончить, сказав:

— Я знаю, что говорят люди, — что это ее дочь уничтожила картины, которые сегодня стоили бы миллионы... Говорят, я положила их в печь и подожгла, чтобы не замерзнуть.

— Катрин в это не верила.

— Вот как?..

— Она сказала, что ты завидовала Торун... И выбросила ее картины в море.

— Катрин родилась год спустя, она не могла знать, — вздохнув, сказала Мирья. — Я слышала эти сплетни. Мирья Рамбе встречается с молодыми мужчинами, пьет беспробудно... Катрин тебе говорила?

Йоаким покачал головой, вспоминая, как Мирья напилась на их свадьбе и пыталась совратить его юного двоюродного брата.

Они снова оказались на веранде. Мирья застегнула куртку.

— Пойдем со мной, — сказала она. — Я хочу кое-что тебе показать.

Йоаким вышел за ней во двор. Краем глаза он увидел Распутина у забора.

— Здесь все по-прежнему, — заметила Мирья.

Она зажгла новую сигарету и заглянула в темное окно домика для гостей.

— Никого, — констатировала она.

— Агент по продаже недвижимости сказал, что это домик для гостей. Мы собирались привести его в порядок к весне. Такой был у нас план...

— Я жила здесь с Торун три года, — сказала Мирья. — Среди пыли и крыс. Здесь было холодно, как в могиле... Брр. — Она повернулась спиной к дому. — То, что я хочу тебе показать, это там...

Мирья прошла к коровнику и открыла тяжелую дверь. Затушив сигарету, она зажгла свет и знаком позвала Йоакима за собой.

— Это там! — кивнула она на сеновал.

Поколебавшись, Йоаким пошел за ней к лестнице. Через минуту они стояли на сеновале среди старых вещей.

— Тут нельзя пройти, — сказал он.

— Можно, — возразила Мирья и смело пошла прямо, перешагивая через ящики, сумки и ржавые запчасти. Она целенаправленно шла к стене в противоположном конце сеновала. Остановившись, она ткнула пальцем в стену.

— Смотри... Я обнаружила это тридцать пять лет назад.

Йоаким пригляделся. В слабом свете, проникавшем в окно, он различил на стене вырезанные имена, числа, обозначающие годы, и библейские изречения. Рядом со многими именами были кресты.

Надпись «Дорогая Каролина, 1868» была сделана под самым потолком. Ниже Йоаким прочитал: «Мой дорогой Ян, покойся с миром, 1883». Еще ниже: «Памяти Артура Карлсона, утонувшего 3 июня 1911»... Было еще много имен, но Йоаким прекратил чтение и повернулся к Мирье:

— Что это?

— Люди, погибшие на хуторе, — ответила Мирья шепотом. В голосе ее слышно было волнение. — Родственники вырезали здесь их имена... Эти были здесь, когда я была маленькой, а вот эти — совсем новые.

Она показала на имена у самого пола. «Славко», — прочитал Йоаким.

— Наверно, беженцы, — сказал он. — Они останавливались на Олуддене пару лет назад. — Он посмотрел на Мирью: — Но зачем вырезать имена погибших?

— А зачем люди ставят памятники на могилах?

Йоаким подумал о надгробном памятнике для Катрин, который он выбрал на прошлой неделе. Камень должны были доставить перед Рождеством. Он посмотрел на Мирью.

— Чтобы не забыть, — нехотя произнес он.

— Вот именно.

— Ты об этом говорила с Катрин?

— Да, еще летом. Она заинтересовалась. Но не знаю, ходила ли она сюда.

— Я думаю, да, — проговорил Йоаким.

Мирья провела пальцами по вырезанным буквам.

— Когда я подростком обнаружила эту стену, я читала их снова и снова, представляя, кем они были, что они делали на хуторе, почему умерли... Трудно перестать думать о мертвых, не так ли?

Йоаким молча кивнул.

— И я слышала их, — продолжала Мирья.

— Кого?

— Покойных. — Мирья наклонилась ближе к доскам. — Если прислушаться, можно услышать, как они шепчутся.

Йоаким прислушался, но ничего не услышал.

— Я написала книгу об Олуддене, — сказала Мирья по пути к лестнице.

— Да?

— Я подарила ее Катрин, когда она переехала сюда.

— Она ничего не говорила.

Внезапно Мирья остановилась, словно что-то увидела на полу. Нагнувшись, она подняла сломанный ящик и посмотрела на пол.

На полу были вырезаны имена и дата: Мирья и Маркус, 1961.

— Мирья... — прочитал Йоаким. — Так ты тоже написала здесь имя?

Она кивнула.

— Мы не хотели писать на стене и сделали надпись на полу.

— Кто такой Маркус?

— Мой парень. Маркус Ландквист.

Больше Мирья ничего не сказала. Вздохнув, она перешагнула через имена и пошла дальше к лестнице.

Они расстались во дворе. От былой энергии Мирьи не осталось и следа. Она бросила прощальный взгляд на хутор, пообещав:

— Я, может, еще заеду.

— Конечно, — кивнул Йоаким.

— А ты приезжай в Кальмар с детьми. Я угощу их соком и плюшками.

— Конечно... но если Распутину здесь не понравится, я его верну.

— Только попробуй, — ухмыльнулась Мирья.

Она села в «мерседес» и уехала. Проводив машину взглядом, Йоаким повернулся к морю. Где же кот? Дверь в сарай была приоткрыта: они забыли ее закрыть. Темнота за ней манила Йоакима как магнитом. Он снова вошел в темный и холодный коровник. Ощущение у Йоакима было такое, словно он входит в церковь. Забравшись по лестнице на сеновал, он прошел к дальней стене и перечитал все имена на стене — одно за другим. Прижался ухом к стене, но ничего не услышал. Тогда он поднял с пола гвоздь и тщательно выцарапал на стене имя — Катрин Вестин — и дату. Закончив, он сделал шаг назад. Теперь воспоминания о Катрин не сотрутся из памяти. На душе у Йоакима полегчало.

Разумеется, дети были в восторге от Распутина. Габриэль, увидев кота, тут же принялся его гладить, а Ливия — искать молоко. С этой минуты они не хотели разлучаться с котом, но на следующий день их ждали в гости на соседней ферме.

Когда они приехали, старших детей соседей не было дома, только семилетний Андреас, которого вместе с Ливией и Габриэлем отправили на кухню есть мороженое. Йоаким остался в гостиной пить кофе с Рогером и Марией. Они обсуждали ремонт старых домов, но у Йоакима был и другой вопрос:

— Я хотел узнать, не слышали ли вы какие-нибудь истории, связанные с Олудденом?

— Истории? — переспросил Рогер Карлсон.

— Да, какие-нибудь легенды или поверья или истории с привидениями? Катрин об этом с вами не говорила?

Впервые за вечер он произнес ее имя. Йоакиму не хотелось, чтобы соседи подумали, что он помешался на своей покойной жене. Потому что он не был помешан на Катрин.

— Со мной она об этом не говорила, — ответил Рогер.

— Мы как-то болтали с Катрин за кофе, — сказала Мария, — и она расспрашивала о суевериях. — Она повернулась к Рогеру. — Помнишь, когда мы были маленькими, взрослые говорили, что на Олуддене есть тайная комната с привидениями... Помнишь?

Муж Марии покачал головой. Привидения его явно не интересовали. Но Йоаким наклонился вперед и с интересом произнес:

— Где была эта комната? Вам что-нибудь известно?

— Понятия не имею, — ответил Рогер, допивая кофе.

— Я тоже не знаю, — сказала Мария. — Но дедушка рассказывал что-то о том, что каждое Рождество мертвые возвращаются на хутор и собираются в своей комнате... А потом они...

— Это все чушь, — перебив жену, сказал Рогер. После чего поднял кофейник и повернулся к Йоакиму: — Еще кофе?

Тильда лежала на кровати обнаженная и вспотевшая.

— Тебе было хорошо? — спросила она.

Мартин сидел на краю кровати спиной к ней.

— А?.. Да... — произнес он.

Когда он натягивал трусы и джинсы воскресным утром, Тильде следовало бы понять, что за этим последует, но по наивности своей она ничего не поняла.

Присев на кровать, Мартин устремил взор в окно.

— Я думаю, ничего у нас не получится, — сказал он.

— Что *не* получится? — спросила Тильда с недоумением.

— Ничего не получится, — повторил он, по-прежнему глядя в окно. —

Карин задает много вопросов.

— О чем?

Тильда все еще не понимала, что ее собираются послать. Сначала секс, потом «прощай» — классический сценарий.

Мартин приехал в пятницу вечером, и сначала все было как обычно. Тильда не спрашивала, что он сказал жене: она никогда об этом не спрашивала. Тем вечером они остались у нее дома. Тильда приготовила рыбный суп. Мартин был в хорошем настроении, рассказывал о новых учениках в полицейской школе и разных новостях.

— Им многому придется научиться, — сказал он.

Тильда кивнула, вспоминая свое первое время в полицейской школе. Их было двадцать учеников, в основном парни и всего несколько девушек. Они быстро поделили преподавателей на три категории: *милые старички*; *гражданские*, преподававшие право и не имевшие понятия о работе полиции; и *молодые*, отвечавшие за практические занятия. *Молодым* было что рассказать, и ученики их обожали. Одним из них был Мартин Альмквист.

В субботу они поехали на север в машине Мартина. Тильда не была там с самого детства, но хорошо помнила то ощущение: как будто находишься на краю земли. Теперь, в ноябре, дул ледяной ветер с моря, и на берегу не было ни души. Белоснежный маяк «Длинный Эрик», возвышавшийся над морем, напомнил ей об Олуддене. Тильде хотелось обсудить недавний трагический случай с Мартином, но она не стала. Все-таки у него выходной.

Они пообедали в ресторане в Букселькроке и вернулись назад в Марнэс. По возвращении Мартин стал односложно отвечать на вопросы и мало говорить, как Тильда ни старалась поддержать беседу.

Так они и легли спать, а наутро Мартин присел на край кровати и сказал, что все кончено. Сидя к ней спиной, он сказал, что много думал об этом с тех пор, как Тильда переехала на Эланд. Думал о том, чего он хочет от жизни. Но теперь он принял решение, и оно кажется ему единственно верным.

— Так будет лучше всем, — сказал он. — И для тебя тоже.

— Ты меня бросаешь? — тихо спросила Тильда.

— Нет. Просто мы больше не будем видеться.

— Я переехала сюда ради тебя, — произнесла Тильда, глядя на голую спину Мартина, покрытую волосами. — Я не хотела уезжать из Вэкшо, но сделала это ради тебя. Хочу, чтобы ты это знал.

— Что ты имеешь в виду?

— Люди сплетничали. Я хотела положить конец разговорам.

Мартин кивнул:

— Людям нравится сплетничать. Но больше у них не будет повода.

Что можно было на это сказать? Через пять минут Мартин, уже полностью одетый, поднял с пола свою сумку. Он по-прежнему старался не смотреть ей в глаза.

— Ну, я пошел, — проговорил он.

— Так я этого не стоила? — спросила Тильда.

— Стоила. Но это было раньше. Не теперь.

— Ты не мужчина, — заявила Тильда.

Промолчав, Мартин открыл дверь. Тильда подавила желание передать привет его жене. Дверь закрылась, шаги стихли на лестнице. Сейчас он сядет в машину и вернется к своей семье, как будто ничего и не произошло.

Тильда осталась сидеть в постели. В квартире было тихо. На полу валялся использованный презерватив.

— Ты никому не нужна, — сказала она сама себе. — А ты ему поверила, дура! Ты никто для него. Ты всего лишь другая женщина.

Она еще полчаса сидела в постели, занимаясь самобичеванием и гадая, не станет ли ей легче, если обрить голову. Потом все-таки встала, приняла душ, оделась и решила, что навестит Герлофа в доме престарелых. Это отвлечет ее от любовных страданий.

Но в этот момент зазвонил телефон. Дежурный из Боргхольма сообщил, что воры забрались на хутор к северу от Марнэса. Их обнаружили хозяева — чета пенсионеров, и старик теперь в больнице с

сотрясением мозга и несколькими переломами. «Хорошо, — ободрилась Тильда. — Работа притупляет боль».

Она приехала на хутор к двум часам, когда на острове уже начало темнеть, и сразу же столкнулась с Хансом Майнером. В отличие от нее, он был облачен в полицейскую форму и натягивал вокруг хутора ленту с надписью «Проход воспрещен полицией».

— Где ты была вчера? — спросил он.

— Выходной, — ответила Тильда. — Мне никто не звонил.

— Самой надо было позвонить.

Тильда захлопнула дверцу машины.

— Заткнись.

Майнер обернулся:

— Что ты сказала?

— Я сказала тебе заткнуться. Не надо меня учить, что делать.

После этого у нее точно не осталось никаких шансов на дружбу с Майнером, но Тильде было на это наплевать.

Несколько секунд он стоял, неподвижно глядя на Тильду округлившимися глазами, словно не мог поверить в то, что она сказала.

— Я тебя не учу, — произнес он наконец.

— Да?.. Передай ленту.

Она молча начала поиски следов вокруг дома. Криминалисты придут из Кальмара только завтра утром. На мокрой глине легко было найти отпечатки обуви. Это были мужские ботинки большого размера или сапоги, а в отдалении трава оказалась примятой так, словно кто-то упал на колени и потом пополз в лес. Тильда сравнила следы: грабителей было трое.

На веранде показалась женщина. Это был соседка, присматривавшая за домом в отсутствие хозяев. Женщина спросила, не хотят ли они выпить кофе.

«Кофе с Майнером? Ну уж нет», — подумала Тильда. И ответила:

— Спасибо, я лучше пока осмотрю дом.

Зайдя внутрь, она сразу увидела, что пол усыпан осколками от разбитого зеркала. Ковер сбился, а на пороге в кухню виднелись пятна крови.

Дверь в гостиную была приоткрыта, и, пройдя по разбитому стеклу, Тильда заглянула внутрь. В гостиной царил хаос. Все ящики были выдвинуты, дверцы шкафов открыты. На полу — грязные следы. Криминалистам будет с чем поработать.

Закончив осмотр места преступления, полицейские разъехались в

разные стороны, не сказав друг другу ни слова. Тильда отправилась в дом престарелых навестить Герлофа.

— Ограбление, — объяснила Тильда свое опоздание.

— Ограбление? — повторил Герлоф удивленно. — Где же?

— Пасторский хутор Хагельбю. Воры напали на хозяина.

— Он сильно пострадал?

— Довольно сильно. Ножевое ранение. Сотрясение мозга. Перелом.

Наверняка об этом завтра напишут газеты.

Присев за журнальный столик, Тильда достала диктофон. В голове у нее вертелись мысли о Мартине. Наверно, он уже приехал домой, вошел в дверь, обнял Карин и пожаловался на то, какой скучной была полицейская конференция в Марнэсе.

Герлоф что-то сказал, но Тильда не слышала. Она думал о Мартине, как он ушел, даже ни разу не обернувшись.

— Прости?

— Вы нашли следы того, кто это сделал?

Тильда, решив не вдаваться в детали, сказала:

— Завтра криминалисты обследуют место преступления.

После чего постучала пальцем по диктофону и прибавила:

— Поговорим теперь о родных?

Герлоф кивнул, но не успокоился.

— Что вы делаете? — любопытствовал он. — На месте преступления?

— Криминалисты ищут отпечатки пальцев и следы обуви... Фотографируют. Собирают ворсинки и нитки от одежды, волосы, берут на анализ кровь... По отпечаткам ног можно узнать размер обуви.

— Довольно много, — заметил Герлоф.

Тильда кивнула:

— Мы стараемся работать профессионально. Но пока мы знаем только, что они приехали на большой машине или грузовике.

— Вы должны найти этих негодяев.

— Конечно.

— Можешь принести бумагу со стола?

Тильда выполнил просьбу Герлофа. Написав что-то на листе, старик протянул его Тильде.

Там было три имени.

Джон Хагман.

Дагмар Карлсон.

Эдла Густавсон.

Тильда зачитала их вслух и спросила:

— Это грабители?

— Нет, — ответил Герлоф, — это мои старые приятели.

— И?

— Они могут помочь.

— Как?

— Они все видят.

— Надо же...

— Они живут рядом с дорогой и всегда в курсе того, кто проезжает мимо, особенно зимой. Эдла и Дагмар всегда бросают все дела, чтобы посмотреть, кто едет мимо дома.

— Тогда мне надо с ними поговорить, — заметила Тильда. — Мы благодарны за любые советы.

— Начни с Джона в Стенвике, он мой приятель. Передавай ему привет.

— Передам.

— И спроси про незнакомые машины. Он наверняка их запомнил. Потом поезжай к Эдле и Дагмар и спроси то же самое. Так у тебя будет информация по всем дорогам на острове.

— Спасибо, — сказала Тильда, разглядывая список.

Она снова взялась за диктофон.

— Герлоф... О чем ты думаешь, когда вспоминаешь Рагнара?

— Рагнар... — после паузы произнес Герлоф. — Ему нравилось ездить на моторке и проверять невод осенью. Нравилось заманивать в сети разными приманками самок угрей и ловить их по ночам.

— Самок?

— Едят только самок угрей, — улыбнулся Герлоф. — Самцы слабые и никому не нужны.

— Совсем как у людей, — сказала Тильда, грустно усмехнувшись.

— Папа, а когда Рождество? — спросила Ливия, когда он укладывал ее спать.

— Скоро, через месяц.

— Через сколько дней?

— Через... — Йоаким взглянул на висевший над кроватью Ливии календарь, с которого улыбалась Пеппи Длинныйчулок. — Через двадцать восемь дней.

Ливия с задумчивым видом кивнула.

— Почему ты интересуешься? — спросил Йоаким. — Ждешь подарков?

— Нет, но мама ведь тогда вернется домой?

Йоаким помолчал и медленно произнес:

— Не уверен.

— Вернется.

— Нет, боюсь, что не вернется.

— Вернется. Мама вернется на Рождество! — крикнула Ливия и натянула на глаза покрывало, давая понять, что больше не собирается разговаривать.

Недавно Йоаким обнаружил новую особенность у Ливии: она спала спокойно две ночи подряд, но на третью обязательно просыпалась и начинала его звать:

— Папа!

Обычно это происходило в час или два ночи, и, как бы крепко ни спал Йоаким, он сразу вскакивал с постели. И не только он один. Крики Ливии будили и Распутина тоже. Проснувшись, кот запрыгивал на подоконник и всматривался в темноту, словно следя за кем-то.

— Папа!

Хоть какой-то прогресс, подумал Йоаким, направляясь в спальню Ливии. Наконец она перестала звать во сне Катрин.

В который раз он присел на край постели и погладил Ливию по спине. Дочка продолжала лежать лицом к стене, погруженная в сон. Йоаким стал ждать, когда Ливия заговорит. И, как обычно, спустя несколько минут она произнесла монотонным голосом:

— Папа?

— Да, — тихо ответил он. — Ты кого-то видишь, Ливия?

Не поворачиваясь, она сказала:

— Маму.

На этот раз Йоаким был готов к этому, но по-прежнему не знал, спит дочь или бодрствует. Как не знал он и того, полезен ей или вреден этот разговор. Да и ему тоже.

— Где она? — продолжал он несмотря ни на что. — Где мама?

Ливия слегка приподняла правую руку и махнула. Йоаким обернулся, но, разумеется, ничего не увидел. Он снова посмотрел на дочь:

— Катрин... мама хочет мне что-то сказать?

Никакого ответа. Он никогда не получал ответа на свои вопросы.

— Где она? — спросил он снова. — Где мама, Ливия?

Никакого ответа.

Йоаким задумался, потом медленно проговорил:

— Что мама делала на дамбе? Зачем она туда пошла?

— Она хотела узнать....

— Что узнать?

— Правду.

— Правду? От кого?

Ливия промолчала.

— Где сейчас мама? — спросил он.

— Рядом.

— Она в доме?

Ливия молчала, но Йоаким чувствовал, что Катрин нет в доме. Она держалась в отдалении.

— Ты можешь с ней поговорить, Ливия? — спросил он. — Мама тебя слышит?

— Она смотрит.

— Она нас видит?

— Может быть.

Йоаким затаил дыхание. Ум его метался в поисках правильного вопроса.

— Что ты сейчас видишь, Ливия? — сказал он.

— Там кто-то есть на берегу... У маяков.

— Это, наверно, мама. Она....

— Нет, — ответила Ливия. — Это Этель.

— Что?

— Это Этель.

Йоаким похолодел.

— Нет, не может быть, — прошептал он.

— Да.

— Нет, Ливия! — громко произнес он, почти крикнул.

— Этель хочет поговорить.

Йоаким не мог даже рукой шевельнуть от страха.

— Я не хочу с ней говорить. Не хочу... — выдохнул он.

— Она хочет.

— Нет.

Сердце бешено колотилось в груди Йоакима, во рту у него пересохло.

— Она не может быть здесь.

Ливия молчала.

— Этель в другом месте... Она не может быть здесь, — повторил Йоаким.

Ему хотелось сбежать, бежать как можно дальше от детской комнаты, но он продолжал сидеть на краю постели Ливии, скованный страхом. Но то и дело помимо воли посматривал на приоткрытую дверь.

В доме было тихо.

Ливия лежала неподвижно под одеялом, отвернувшись от Йоакима. В темноте слышно было ее легкое дыхание.

Наконец он нашел в себе силы встать и выйти в темный коридор.

Ночь была ясной. Луна выглянула из-за облаков и теперь заливала бледным светом двор. Но Йоаким боялся подойти к окну. Боялся увидеть там женщину с тощей фигурой и разъяренным лицом. Опустив глаза в пол, он прошел в прихожую, где обнаружил, что входная дверь открыта. Почему он всегда забывает ее запереть? С сегодняшнего дня это должно войти в привычку. Йоаким быстро запер дверь, стараясь не смотреть в окно. Вернувшись в спальню, он взял с подушки ночную сорочку Катрин и крепко к себе прижал.

В ту ночь Йоаким решил больше не расспрашивать Ливию об ее снах. Слишком боялся он услышать ответ, да и не стоило поощрять и без того богатое воображение дочери.

В пятницу утром он отвез детей в Марнэс и продолжил заниматься ремонтом на первом этаже. Но, работая, он вел себя очень странно. Передвигаясь по дому и двору, Йоаким разговаривал со своей покойной сестрой.

Выйдя в кухню, он крикнул:

— Этель, тебе нельзя оставаться здесь!

Со стороны это могло показаться смешным, но Йоакиму было не до смеха. Потому что он чувствовал в эту минуту только невыносимое одиночество. Затем он вышел во двор и, обращаясь к морю, сказал:

— Этель, прости... но тебя здесь не ждут.

В конце концов он прошел к коровнику, распахнул дверь и крикнул в темноту:

— Этель, уходи отсюда!

Ответа он не получил. Впрочем, Йоаким на это и не рассчитывал. Просто, проделав все это, он почувствовал себя лучше, словно так заставил Этель держаться от него и детей подальше.

В субботу их навестили Лиза и Микаэль Хесслин, с которыми они жили по соседству в Стокгольме. Лиза и Микаэль предупредили заранее, что заедут на хутор по пути из Дании. Йоаким обрадовался. Ему с Катрин всегда нравились дружелюбные соседи.

— Йоаким, — обратилась к нему Лиза после того, как, припарковав машину, она и Микаэль вошли в дом, — мы так давно хотели тебя навестить. Ты выглядишь таким уставшим!

Она крепко его обняла.

— Да, это так, — сказал Йоаким, обнимая ее в ответ.

— Тебе нужно больше спать.

Йоаким только кивнул. Микаэль по-приятельски похлопал его по плечу и пошел разглядывать дом.

— Ты, я вижу, продолжаешь ремонт, — сказал он. — Полы просто фантастические.

— Старинные. Пол мы не меняли, — объяснил Йоаким. — Только отшлифовали и покрыли лаком.

— А какие обои! Вы знаете в них толк.

— Спасибо.

— Все комнаты будут светлыми?

— На первом этаже — да.

— Красиво, — заметил Микаэль. — Светло и уютно.

Впервые Йоаким ощутил гордость за свой новый дом. То, что начала Катрин, он продолжает несмотря ни на что.

Лиза тоже оценила проделанную работу.

— Чудесно, — сказала она. И прибавила: — А вы все делали по фэн-шуй?

— Фэн-шуй? Не думаю, — ответил Йоаким. — Это важно?

— Конечно, особенно здесь, на берегу, где столько ветров. — Лиза огляделась по сторонам и прижала руку к груди: — Я чувствую очень сильные энергетические потоки на этом хуторе. Ничто не должно мешать их передвижению.

— Я подумаю над этим, — кивнул Йоаким.

— Я знаю хорошего консультанта по фэн-шуй. Она помогала нам обставить дачу на Готланде. Дать тебе номер?

Йоаким снова кивнул, представляя, как бы прыснула Катрин, услышав все это. Она всегда подсмеивалась над причудами Лизы.

Они устроили замечательный ужин. Йоаким приготовил жареную камбалу, купленную в Марнэсе. Лиза и Микаэль привезли бутылку белого вина, и впервые за много лет Йоаким употреблял алкоголь. Вкус ему не понравился, но вино помогло расслабиться и некоторое время не думать о словах Ливии, сказанных ею во сне. Ливия тем вечером была бодрой и энергичной. Она рассказывала Лизе о воспитательницах в детском саду, которые говорят детям, что идут подышать свежим воздухом, а на самом деле тайком курят. Микаэль рассказал детям, что они видели лосиху с лосенком, когда ехали на машине, и Ливия с Габриэлем увлеченно слушали.

Дети были рады гостям и долго отказывались ложиться спать. Йоакиму стоило больших трудов заставить их переодеться в пижамы. Габриэль заснул сразу, а Ливия попросила Лизу почитать ей историю про Эмиля. Через двадцать минут Лиза появилась в кухне.

— Она заснула? — спросил Йоаким.

— Она так устала, будет, наверно, спать без задних ног.

— Хотелось бы.

Еще час они сидели и болтали в кухне, а потом Йоаким помог друзьям занести сумки в угловую комнату.

— Я как раз закончил тут ремонт, — сказал он. — Вы будете первыми гостями.

Он еще днем растопил печку, так что в комнате было тепло и уютно.

По прошествии получаса Лиза с Микаэлем уже улеглись. Йоаким лежал в темноте, слушая, как они о чем-то разговаривают в комнате для гостей. Ему было спокойнее от того, что в доме есть еще кто-то кроме него. На хуторе было так одиноко без Катрин. Олуддену не помешают гости. Живые гости.

Он вспомнил то, что ему рассказывали Карлсоны о покойниках, возвращавшихся на Рождество. Ливия сказала то же самое о Катрин.

Увидеть ее снова. Поговорить с ней. Хотя бы один раз. Нет. Нельзя об этом даже думать.

Через пару минут голоса стихли. Йоаким закрыл глаза и заснул.

В доме кто-то кричал. Йоаким дернулся и проснулся. Ливия? — мелькнуло у него в голове. Нет, это мужской голос. Йоаким лежал в

постели, сонный и растерянный, недоумевая, что происходит, пока не вспомнил, что на хуторе гости. Это был голос Микаэля Хесслина. А вот в коридоре слышались шаги и голос Лизы.

Часы показывали без двадцати два. Йоаким вскочил с кровати и бросился проверить детей. Габриэль и Ливия спали спокойно, только Распутин вылез из своей корзинки и беспокойно терся об стену.

Йоаким пошел в направлении кухни. В прихожей горел свет, и там Йоаким нашел Лизу в сапогах и куртке. Лицо у Лизы было напряженное.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю... Микаэль проснулся и начал кричать... Он побежал к машине, — прибавила она, застегивая куртку. — Я должна проверить.

Йоаким вернулся в кухню, не понимая, что происходит. Распутина нигде не было видно, и в доме царила тишина. Он поставил чайник на огонь.

Налив себе чашку чая, Йоаким подошел к окну и увидел Лизу с Микаэлем в машине перед домом. Снежинки блестели в свете окна, кружась и поблескивая.

Видно было, что Лиза задает вопросы, но Микаэль сидел, глядя прямо перед собой и только изредка покачивая головой.

Через пару минут Лиза вернулась в дом.

— Микаэлю приснился кошмар... — сказала она. — Он говорит, что кто-то стоял рядом с кроватью и смотрел на него.

У Йоакима перехватило дыхание.

— Микаэль вернется в дом? — спросил он.

— Мне кажется, он еще посидит в машине, — ответила Лиза. — Боюсь, нам придется переночевать в отеле в Боргхольме. Он открыт зимой?

— Кажется, да, — сказал Йоаким и после паузы спросил: — У Микаэля проблемы со сном?

— Нет, — сказала Лиза, — по крайней мере в Стокгольме. Но у него проблемы на работе, и последнее время что-то его сильно беспокоит, но он ничего мне не рассказывает...

— Здесь, на хуторе, нет ничего опасного, — сказал Йоаким, но, вспомнив разговоры Ливии во сне, тут же прибавил: — Конечно, в ноябре тут мрачновато, но мы не стали бы здесь жить, если бы было опасно...

Лиза огляделась по сторонам.

— Здесь очень сильные энергетические потоки, — повторила она сказанное накануне вечером. После чего тихо прибавила: — Ты не чувствуешь присутствие Катрин? Тебе не кажется, что она задержалась здесь, чтобы присматривать за вами?

Поколебавшись, Йоаким кивнул:

— Да, кажется.

И замолчал. Ему хотелось с кем-то поделиться тем, что произошло, но он чувствовал, что Лиза не самый подходящий для этого человек.

— Мне надо собрать вещи, — сказала она.

Спустя четверть часа Йоаким снова стоял у окна в кухне, глядя, как отъезжает машина супругов Хесслин. Он стоял, пока свет фар не исчез на горизонте и хутор снова не погрузился во тьму. В доме по-прежнему было тихо.

Оставив свет в коридоре включенным, Йоаким проверил, спят ли дети, и вернулся в спальню. Он долго лежал в кровати, вглядываясь в темноту.

В понедельник с утра Йоаким отвез детей в сад и принялся за последнюю спальню на нижнем этаже. Наклеивая обои, он прислушивался к звукам на улице, но ничего не слышал.

Йоаким поработал пять часов, пообедал, и к двум все было уже готово. Сварив себе чашку кофе, он вышел на веранду и вдохнул холодный воздух. Солнце уже садилось, на хуторе сгущались сумерки. Но Йоаким ясно видел, что дверь в коровник опять приоткрыта.

Надев куртку, он снова вышел на улицу.

Двадцать шагов до коровника. Йоаким распахнул тяжелую дверь и вошел в темноту. Нащупав на стене старый выключатель, он повернул его, и бледный свет залил каменный пол и пустые стойла.

В коровнике было тихо. Похоже, даже крысы не желали селиться здесь.

В каждое новое посещение Йоаким обнаруживал новые вещи, и на этот раз заметил, что пол подметен. Кажется, Катрин что-то говорила о том, что прибрала здесь в начале осени.

Йоаким посмотрел на лестницу, ведущую наверх, вспоминая, как поднимался на сеновал вместе с Мирьей Рамбе. Внезапно ему захотелось снова увидеть надписи на стене, что она показала ему тогда.

Поднявшись наверх, Йоаким с удивлением обнаружил, что лучи заходящего солнца проникли в окна сеновала и осветили помещение. Он осторожно пробрался среди разного хлама, лежавшего на полу, и оказался у дальней стены. В бледном свете солнца ясно видны были надписи, вырезанные на стене. На самой нижней доске — имя Катрин и дата. Его Катрин. Йоаким прочитал имя. Снова и снова.

Щели между досками были узкими и черными, но ему показалось, что в них можно что-то увидеть. Внезапно у него возникло ощущение, что

перед ним не внешняя стена коровника. Пора было уже забирать детей, но Йоаким все равно вышел наружу и обошел сарай вокруг, пересчитывая окна: одно, два, три, четыре, пять. Затем он снова поднялся на сеновал.

Внутри он обнаружил только четыре окна, значит, пятое было по ту сторону стены.

Стена была сплошная: ни окна, ни двери. Йоаким подергал доски в палец толщиной, но ни одна не поддавалась.

Карин!

Это письмо от того, кто не желает вам зла, а только хочет открыть вам глаза на то, что происходит. А происходит следующее: Мартин в течение долгого времени вам изменял. Три года назад он завел роман со своей студенткой в полицейской школе, на десять лет его моложе. Три года продолжались эти отношения и закончились только пару дней назад.

Я знаю это, потому что я и есть та другая женщина.

Я больше не могла выносить его ложь, и надеюсь, что, узнав правду, вы тоже не будете это терпеть. Вам, наверно, нужны доказательства? Не хочу вдаваться в интимные подробности, но я могу описать шрам длиной пять сантиметров на правом бедре Мартина. Он получил его, когда пытался выкопать камень на вашем дачном участке в Эррефорсе. Помните?

И, думаю, вы со мной согласитесь, что ему не помешает побрить спину и пятую точку, раз уж он так гордится своим мускулистым телом.

Я не хочу никому навредить, хотя знаю, что правда будет для вас болезненной. Мир полон лжецов. Но так мы, по крайней мере, сможем избавиться от одного из них.

Другая женщина

Тильда откинулась на спинку стула и еще раз перечитала письмо. На часах было восемь утра. Она пришла на работу еще в семь, чтобы набрать на компьютере это письмо, текст которого она набросала вчера в блокноте. В участке она была одна: Ханс Майнер никогда не приходил так рано. Если уж он и соблаговольял появляться на рабочем месте, то уж никак не раньше десяти.

Тильда видела Карин Альквист только раз, когда Мартин вынужден был взять с собой на работу сына Антона. Карин — женщина на голову выше Тильды, с темными кудрявыми волосами — приехала его забрать.

Она нежно улыбалась мужу в тот день, и в глазах ее светилась гордость обладания. Тильда посмотрела через окно на пустынную улицу. Стало ли ей лучше от того, что она написала это письмо? Так ли уж сладка месть, как говорят?

Да.

Тильда ощущала усталость, но усталость эта была приятной. Тильда быстро распечатала письмо на принтере и достала из ящика чистый белый конверт без каких-либо обозначений. Она не была до конца уверена в правильности того, что делает. Мартин рассказывал, что Карин работала в комитете по вопросам экологии, и Тильда собиралась адресовать письмо ей на работу, чтобы Мартин его случайно не вскрыл. Но так письмо вскрыл бы секретарь, так что в конце концов она написала домашний адрес печатными буквами, чтобы нельзя было распознать почерк. Без имени отправителя.

Сунув конверт в сумку, где уже лежал диктофон, она надела куртку и полицейскую фуражку и вышла из участка.

Рядом с участком висел на стене почтовый ящик. Тильда замедлила шаг, но не стала доставать письмо: она еще не готова была отправлять его, да и марки не были наклеены на конверт.

В тот день у нее были запланированы открытые уроки в школе после обеда, но до этого она собиралась проверить несколько адресов.

Эдла Густавсон жила в маленьком, окрашенном в красный цвет доме неподалеку от Альторпа. Рядом с ее домом проходила проселочная дорога, не скрытая кустами или деревьями. Казалось, время остановилось в этом тихом и пустынном месте.

«Вот так и нужно жить, — подумала Тильда. — Вдали от людей».

Она позвонила в дверь; отворила крупная женщина.

— Здравствуйте, меня зовут Тильда, — сказала молодая женщина.

— Да-да, я поняла, — проговорила Эдла. — Герлоф меня предупредил, что вы приедете. Входите же!

Две черные кошки при виде Тильды скрылись в кухне, но сама хозяйка рада была гостям, особенно если это были родственники Герлофа, как она сказала. Эдла была полна энергии: едва выслушав приветственные слова Тильды, она принялась варить кофе и доставать печенье — целых десять разных сортов — из шкафа, которое она выложила на серебряное блюдо. Тильда с восхищением произнесла:

— Никогда не видела столько разного печенья!

— Правда? — удивилась Эдла. — Разве вы не бывали в кондитерской?

— Да нет, бывала...

Тильда заметила на стене черно-белое свадебное фото и подумала о

письме, адресованном жене Мартина. После чего решила, что пошлет его вечером. Так Карин получит его в конце недели, и у нее будет время на выходных, чтобы излить весь свой гнев на Мартина.

Тильда откашлялась и сказала:

— У меня пара вопросов, Эдла. Не знаю, читали ли вы газеты, но в Хагельбю произошло ограбление, есть пострадавшие, и нам нужна ваша помощь в расследовании.

— Меня тоже обокрали, — заметила Эдла. — Унесли канистру с бензином из гаража.

— Вот как? — Тильда достала блокнот. — Когда это случилось?

— Осенью тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

— Вот оно что.

— Я помню, потому что муж был жив и у нас была машина.

— О'кей, но сейчас речь идет о недавних ограблениях. — Тильда закрыла блокнот. — Я хотела спросить, не видели ли вы незнакомые машины на дороге. Герлоф говорил, что вы следите за движением в этих местах.

— Да-да. Я всегда слышу приближение машины и смотрю в окно, но машин теперь так много.

— Даже зимой?

— Зимой, конечно, нет. Но я уже не успеваю записывать номера, как я делала это прежде. Машины проносятся мимо так быстро. И я не разбираюсь в современных марках.

— А в последние дни вы не видели подозрительных машин? Поздно вечером? Например, в пятницу?

Эдла задумалась.

— Больших машин? — наконец спросила она.

— Вероятно, — ответила Тильда. — Воры много украли, так что, наверно, машина у них была большая.

— Грузовики здесь часто проезжают. Мусоровозы тоже. И тракторы.

— Не думаю, что это был грузовик.

— Я видела большую черную машину в четверг. Она ехала на север.

— Поздно вечером?

— Да, часов в двенадцать. Я уже погасила свет в гостиной. Черный фургон.

— Новый или старый?

— Не очень новый. И на нем было что-то написано. «Кальмар» и что-то вроде «сварочный».

Тильда раскрыла блокнот и сделала запись. После этого сказала:

— Очень хорошо. Большое спасибо за помощь, Эдла.

— А за их поимку полагается вознаграждение? — любопытноспросила та.

Закрыв блокнот, Тильда покачала головой.

Посетив Эдлу Густавсон, Тильда поехала обратно на север и повернула в сторону Олуддена. Но она ехала не на хутор. Ее интересовал старый дом бабушки Рагнара у фьорда Салтфьерден. «Частная дорога» — значилось на дорожном знаке. Разбитая дорога с низко нависающими над ней ветвями деревьев вела к пляжу и заканчивалась запертой калиткой перед домиком. Вдали за соснами блестело море.

Припарковавшись перед калиткой, Тильда вышла из машины. Дорожка к дому заросла травой. Тильда с трудом припоминала, как была здесь с отцом пятнадцать лет назад. Рагнара к тому времени уже не было в живых, а бабушка лежала в больнице. Дом они выставили на продажу. Тильда помнила только запах смолы и сети, сушившиеся во дворе.

— Эй! — крикнула она.

Никакого ответа. К дому был пристроен сарай с закрытыми ставнями, поленница, коровник и баня. Видно было, что дом нуждается в ремонте. Глядя на него, создавалось ощущение полной заброшенности.

Тильда постучала в калитку. Снова никакого ответа. Судя по всему, в доме жили только летом, как и говорил Герлоф. Тут не осталось никаких следов семьи Давидсон. С этого места не виден был Олудден, но, пройдя немного вперед по пляжу, Тильда разглядела остатки корабля, потерпевшего крушение у этих берегов. Вдалеке за ним виднелись на горизонте маяки Олуддена.

Тильда подошла ближе к воде, спугнув птицу, сидевшую на камне. Птица тяжело поднялась в воздух, взмахивая большими крыльями. Ястреб.

На краю леса молодая женщина заметила небольшой деревянный дом; на лужайке перед домом стоял стул, накрытый несколькими покрывалами. Внезапно покрывала зашевелились, и из-под них высунулась голова. Тильда подошла ближе и увидела старика с седой бородой в шерстяной шапке. В руках у него был темно-зеленый бинокль, а рядом со стулом стоял большой стальной термос.

— Вы спугнули моего *Haliaeetus Albicila*! — крикнул старик.

— Простите? — сказала Тильда, подходя ближе.

— Морского ястреба! Вы что, его не видели?

— А, этого...

Один из орнитологов-любителей, отметила Тильда. Они наблюдали за

птицами в любое время года.

— Расправил крылья, — констатировал старик, поднося к глазам бинокль. Вдали на волнах покачивались около десятка птиц черно-белого окраса. — Собираются группой, чтобы спастись от ястребов, — пояснил он.

— Как интересно.

— Правда? — Мужчина оглядел Тильду и, узнав униформу, прибавил: — Впервые вижу в наших краях полицейского.

— Да, обычно тут спокойно.

— Во всяком случае, зимой. Только и видно, что пару барж и моторок.

— Даже в это время года?

— Я пока не видел, но слышал шум мотора там вдали.

Тильда вздрогнула.

— У Олуддена? — спросила она.

— Да, или южнее. Шум слышно на расстоянии нескольких километров, если, конечно, нет ветра.

— Четыре недели назад на Олуддене утонула женщина. Вы в то время были здесь?

— Думаю, был.

— Вы знаете об этой трагедии? — Тильда пристально посмотрела на старика.

— Да, читал в газете. Но я ничего не видел. Отсюда ничего не видно — лес мешает.

— А вы не слышали ничего подозрительного? Шум мотора, например? Старый орнитолог задумался.

— Может, и слышал, — наконец ответил он.

— Если бы мимо проплывала лодка, вы бы ее заметили?

— Может, и заметил бы. Я часто здесь сижу.

Вот тебе и очевидец, подумала Тильда. От Эдлы Густавсон она и то получила больше информации, чем от этого любителя понаблюдать за птичками в Балтийском море. Поблагодарив за помощь, Тильда направилась к машине. Сделав всего несколько шагов, она услышала спиной:

— Может, будем поддерживать контакт?

Молодая женщина остановилась и обернулась, сказав:

— Простите?

— Тут немного одиноко, — с улыбкой произнес старик. — Красиво, но одиноко. Может, еще заедете меня навестить.

Тильда покачала головой:

— Извините, мне некогда. Попробуйте найти себе приятелей.

Пообедав, Тильда отправилась в школу беседовать с учениками. Потом она хотела написать несколько отчетов о проделанной работе, но мысли о трагедии в Олуддене не давали ей сосредоточиться.

Тильда велела себе собраться, подняла трубку и набрала номер Йоакима Вестина. Тот ответил после трех сигналов. В трубке были слышны удары мяча и детские возгласы, что было хорошим знаком, — но голос самого хозяина хутора был такой же усталый, как и прежде. Казалось, ему стоило огромного труда ответить на этот звонок. Тильда решила пренебречь вежливостью.

— Я хочу кое-что спросить у вас, — начала она без вступления. — У вашей жены были знакомые, у которых есть лодка или яхта? Здесь, на Эланде?

— Нет, я никого не знаю, — ответил Йоаким. — И Катрин тоже мне ничего такого не говорила.

— Чем она занималась здесь, в то время как вы были в Стокгольме? Что она вам рассказывала?

— Ремонтировала дом, расставляла мебель, заботилась о детях. У нее было много дел.

— Ее кто-нибудь навещал?

— Только я. Насколько мне известно.

— Спасибо. Я позвоню, если что-нибудь...

— У меня тоже есть вопрос, — сказал Вестин, не дав Тильде закончить.

— Да?

— Когда вы были здесь, вы упомянули родственника из Марнэса, который много знал об Олуддене...

— Герлоф. Брат моего дедушки. Он член местного краеведческого сообщества.

— Я хотел бы поговорить с ним.

— Об Олуддене?

— Да, об истории хутора... и связанных с ним поверьях.

— Поверьях? — переспросила Тильда.

— Да, — коротко ответил Йоаким Вестин.

— Не знаю, известно ли Герлофу об этих историях, но могу спросить, — сказала Тильда. — Ему нравится говорить о прошлом.

— Скажите, что он может заехать в гости в любое время.

Тильда положила трубку и взглянула на часы. Половина пятого.

Включив компьютер, она принялась писать отчеты, намереваясь вставить туда также информацию о черном фургоне, полученную от Эдлы. Свидетельства же орнитолога-любителя трудно было считать надежными.

Она увлеклась работой и даже не заметила, что часы пробили восемь. Работа позволяла Тильде отвлечься от мыслей о Мартине. Прогнать из головы его образ. Она так и не послала письмо жене Мартина.

Зима 1943 года

Разразилась Вторая мировая война, и Олудден оказался в распоряжении армии. Маяки погасили, а в доме и пристройках поселились солдаты, охранявшие остров. На чердаке в коровнике сохранилась надпись того времени. Но это не мужское имя.

«В память о Грете, 1943» — вырезано там.

Мирья Рамбе

На второй день шторма на Олудден поступило сообщение об исчезновении шестнадцатилетней девочки.

— Заблудилась в тумане, — объявил начальник смотровой станции Каминен семи собравшимся в то утро военным. На всех были серые мундиры королевской армии. Каминена на самом деле звали Бенгсон, свое прозвище начальник смотровой станции получил за то, что в холодные и ветреные дни больше, всего любил сидеть у камина. А на Олуддене зимой почти всегда дул холодный ветер.

— Надежды практически нет, — продолжал он. — Но все же мы должны попытаться.

Сам Каминен, разумеется, остался в доме. Это остальным пришлось идти в снежную бурю на поиски пропавшей девушки. Эскиля Нильсона и Людвиг Рукера, самых молодых солдат, направили на запад в район торфяника. Температура минус пятнадцать — теплее обычного. Дует ветер, но не такой сильный, как днем раньше. Даже солнце выглянуло, чтобы облегчить поисковые работы. Если не считать вчерашний шторм, зима выдалась мягкая. Немецкие «мессершмитты» показывались в небе над Балтийским морем все реже, и после поражения под Сталинградом Швеция больше боялась Советского Союза, чем Гитлера.

Старший брат Эскиля уехал охранять границу на Готланд. У Олуддена с югом Готланда была установлена радиосвязь: на случай нападения СССР.

Выйдя на поле, Людвиг зажигает сигарету. Он дымит как паровоз, но никогда не делится. Хотел бы Эскиль знать, откуда у Людвига столько сигарет.

Запасы на хуторе давно уже истощились, и солдатам приходится довольствоваться малым. Конечно, в море много рыбы, и молоко они берут

от двух коров, но неоткуда достать топлива, яиц, картошки и настоящего кофе. Курева тоже выдают по три сигареты в день.

Но у Людвиг с этим нет никаких проблем. Видимо, кто-то присылает ему сигареты почтой. Но на какие деньги? Военнообязанным платят всего крону в день.

Пройдя сто метров, Эскиль останавливается и оглядывает окрестности в поисках проселочной дороги. Ее не видать: ветер все занес снегом. Они воткнули ветки вдоль дороги, но, видимо, и их унесло ветром во время бури.

— Интересно, откуда она? — произносит Эскиль, перешагивая через сугроб.

— Из Мальмторпа рядом с Рёрбю, — отвечает Людвиг.

— Ты уверен?

— Мне и имя ее известно, — продолжает Людвиг. — Грета Фриберг.

— Грета? Откуда ты знаешь?

Но Людвиг только улыбается, зажигая новую сигарету.

Теперь видна смотровая вышка, построенная из дерева и замаскированная защитной сеткой. С востока ее почти занесло снегом. От вышки к дороге тянется трос. Вторая смотровая вышка устроена на верху южного маяка Олуддена, куда перед самым началом войны провели электричество. Там тепло и удобно следить за чужими самолетами. Но почему-то Людвиг предпочитает в одиночку сидеть на вышке у торфяника. И Эскилю кажется, что он знает почему. Людвиг редко бывает один на вышке. Местные парни ненавидят его, потому что всем девушкам из Рёрбю Людвиг очень нравится.

Людвиг подходит к вышке, варежкой стряхивает снег с лестницы, поднимается наверх и через минуту спускается обратно.

— Держи, — говорит он, протягивая Эскилю стеклянную бутылку.

Это крепкая домашняя настойка на спирту, вот почему содержимое бутылки не замерзло в такую погоду. Эскиль отворачивает пробку и делает глоток горячительной жидкости. Бутылка уже наполовину опорожнена.

— Так ты вчера был здесь и пил? — спрашивает Эскиль.

— Ага, — кивает Людвиг.

— И назад вернулся уже в шторм?

— Я почти полз, цепляясь за веревку: ветер с ног валил, — отвечает Людвиг. — Как хорошо, что мы привязали трос.

Он убирает бутылку на место, и солдаты снова продолжают свой путь на север в сторону Рёрбю.

Через пятнадцать минут они нашли тело. Из снега на равнине

выглядывает что-то похожее на березовый пенек. Прищурившись, Эскиль различает руку.

Грета Фриберг была почти у деревни, когда ее остановила буря. Окоченевшее лицо девушки обращено к небу, и все оно — даже глаза — покрыто ледяными кристаллами. Эскиль не может отвести взгляда от замерзшей в снегу девушки. Он опускается на колени, не говоря ни слова. Людвиг стоит сзади и курит.

— Это она? — тихо произносит Эскиль.

Страхивая пепел, Людвиг слегка наклоняется к мертвому телу.

— Да, — говорит он, — это Грета.

— Она была с тобой, да? — спрашивает Эскиль. — Вчера на вышке?

— Может быть, — отвечает Людвиг. — Придется что-нибудь наплести Каминену.

Эскиль поднимается.

— Не лги мне, Людвиг, — говорит он.

Людвиг пожимает плечами и тушит сигарету.

— Она сказала, что хочет домой. Ей было холодно, и она не хотела ночевать со мной на вышке. Поэтому она пошла в свою сторону, а я в свою.

Эскиль переводит взгляд с него на тело в снегу.

— Надо позвать подмогу. Нельзя оставлять ее в снегу.

— Попробуем довести ее на санках, — говорит Людвиг. — Пошли за санками.

Он поворачивается и идет обратно в сторону хутора. Эскиль тоже делает несколько шагов спиной вперед: ему страшно повернуться к трупу спиной. Потом разворачивается и бросается догонять Людвиг. Молча они идут по снегу.

— Ты вырежешь имя на сеновале? — спрашивает он. — Как мы сделали после смерти Вернера?

Солдату Вернеру было всего семнадцать, когда он упал с лодки и утонул летом 1942 года. Имя Греты нужно вырезать рядом на доске, так кажется Эскилю. Но Людвиг только качает головой.

— Я едва ее знал, — говорит он.

— Но...

— Это была ее вина, — продолжает Людвиг. — Ей следовало остаться со мной на вышке. Я не дал бы ей замерзнуть.

Эскиль ничего на это не говорит.

— В деревнях еще полно девчонок, — добавляет Людвиг, обводя взглядом торфяник. — В этом-то и прелесть, что они никогда не кончаются.

Эскиль кивает. Но ему сейчас не до девчонок. Он думает о смерти.

Декабрь

Начался декабрь — месяц праздников. После обеда Йоаким снова вошел в промерзший коровник и поднялся на сеновал. Но на этот раз в руках у него были молоток и монтировка. Солнце уже село, на хутор опустились сумерки. Оставался час до того времени, как надо будет забирать детей из сада, но Йоаким не спешил. Он решил сделать себе подарок в ознаменование завершения ремонтных работ на первом этаже.

Наверху было тихо и спокойно, и даже холод не мешал Йоакиму разглядывать имена, вырезанные на стене. Снова и снова, как мантру, повторял он про себя имя Катрин.

Многие из имен Йоаким уже знал наизусть, как и каждый сучок, каждую трещинку на стене. Слева в углу между досками щель была шире, чем другие, и сейчас привлекла внимание Йоакима.

Он нагнулся, чтобы рассмотреть щель внимательнее. Доска треснула как раз посреди сучка, и трещина пошла вниз по диагонали. Йоаким нажал на нее рукой, и доска с треском поддавалась давлению.

Йоаким потянулся за монтировкой и сунул ее в щель. Приставив к концу монтировки молоток, ударил, чувствуя, как острое железо проткнуло дерево насквозь. Понадобились еще десять ударов молотком, чтобы доска оторвалась и с грохотом рухнула по другую сторону стены.

Йоаким наклонился, чтобы заглянуть в десятисантиметровое отверстие в стене, и вдохнул знакомый запах. Этот запах заставил Йоакима зажмуриться и опереться на стену. Запах Катрин.

Упав на колени, Йоаким сунул руку в отверстие в стене. Сначала пальцы, потом запястье, потом всю руку по локоть. В темноте он шарил рукой в поисках хоть чего-нибудь. И внезапно его пальцы наткнулись на что-то. Что-то мягкое, похожее на ткань, вроде куртки или брюк.

Йоаким резко отдернул руку.

В это мгновение снаружи раздался шум мотора, и свет фар ударил по заиндеветшим окнам сеновала. Бросив последний взгляд на отверстие в стене, Йоаким направился к лестнице, ведущей вниз.

На улице его ослепил свет фар. Хлопнула дверца.

— Йоаким, привет!

Он узнал голос. Марианна, воспитательница из детского сада.

— Что-то случилось? — спросила она.

Йоаким в растерянности смотрел на нее, потом перевел взгляд на

левую руку. В свете фар он увидел, что часы показывают половину шестого. Сад закрывался в пять. Он забыл забрать детей.

— Я забыл о времени...

— Все в порядке, — сказала Марианна. — Я просто испугалась, не случилось ли чего. Я пробовала звонить, но никто не подошел.

— Я был в сарае.

— Ну ничего, бывает, — улынулась Марианна.

— Спасибо, — сказал Йоаким. — Спасибо, что привезли их.

— Не за что. Я живу неподалеку — в Рёрбю. — Марианна пошла к машине. — Увидимся в понедельник, — добавила воспитательница на ходу.

Опустив плечи под грузом вины, Йоаким побрел в дом. Из кухни доносились голоса. Ливия с Габриэлем уже сняли верхнюю одежду и обувь, кинув все на пол, и чистили в кухне мандарины.

— Папа, ты забыл нас забрать, — сказала Ливия, завидев отца.

— Я знаю.

— Марианне пришлось нас отвозить.

В голосе дочери не было злости, только удивление.

— Знаю, — кивнул Йоаким. — Я не нарочно.

Габриэль был занят мандарином, но Ливия внимательно смотрела на отца.

— Пора есть, — объявил он, направляясь к буфету.

Дети обожали пасту с тунцом, поэтому он поставил воду кипятиться и достал соус, то и дело поглядывая в кухонное окно. В темноте виднелись очертания сарая, который хранил много тайн, включая потайную комнату без дверей. Комнату, хранившую запах Катрин. Йоаким не сомневался: запах шел из отверстия в стене, он не мог ошибиться. Больше всего ему хотелось пойти туда и отодрать толстые доски, но так можно было повредить вырезанные на них имена, а этого Йоаким не мог себе позволить. Мертвые могут оскорбиться.

Когда температура опустилась ниже нуля, холод начал проникать и в жилой дом. Йоаким каждый день топил печки на первом этаже, но все равно чувствовал, как поддувает с пола и из окон. В ветреные дни он выискивал щели в стенах и заделывал их поролоном.

В первые же выходные декабря температура опустилась до пяти градусов ниже нуля днем и минус десяти ночью.

В воскресенье утром Йоаким выглянул в окно и обнаружил тонкую пленку льда на море. Лед простирался на пару сотен метров от берега. На краю его колыхалась темная вода. Видимо, море успело замерзнуть за ночь.

— Наверно, отсюда можно по льду дойти до Готланда, — сказал он

детям за завтраком.

— Что такое Готланд? — спросил Габриэль.

— Остров в Балтийском море.

— Мы правда можем туда дойти?

— Нет, я только пошутил, — поспешил сказать Йоаким. — Слишком далеко.

— Но я хочу.

Не стоит шутить с шестилетками на такие темы: они все воспринимают буквально, сказал себе Йоаким. Он выглянул в окно, и в голове у него возникла страшная картина: Ливия с Габриэлем идут по черному льду в сторону открытого моря... Внезапно лед трескается, и они проваливаются в черную прорубь.

Он резко повернулся к Ливии и строгим тоном произнес:

— Тебе с Габриэлем запрещено выходить на лед. Никогда, слышите, никогда этого не делайте. Лед может не выдержать.

Тем же вечером Йоаким позвонил своим прежним соседям Лизе и Микаэлю Хесслин. Они не давали о себе знать с той злополучной ночи на Олуддене, когда Микаэлю приснился кошмар.

— Привет, Йоаким, — ответил Микаэль. — Ты в Стокгольме?

— Нет, на Эланде. Как дела?

— Нормально. Хорошо, что позвонил.

Йоакиму показалось, что голос у Микаэля немного напряженный. Может, ему стыдно за свои страхи?

— Ты здоров, Микаэль? — спросил он. — Как дела на фирме?

— Все хорошо. Куча новых проектов. Много дел накануне Рождества.

— Хорошо. Я только хотел убедиться, что у тебя все нормально. Вы так быстро уехали тогда...

— Да. — Микаэль помолчал и прибавил: — Извини, что так получилось. Не знаю, что это было. Я проснулся посреди ночи и больше не мог заснуть...

Последовала пауза.

— Лиза сказала, что тебе приснился кошмар, — сказал Йоаким. — Как будто кто-то стоял рядом с кроватью и смотрел на тебя.

— Она так сказала? Я ничего не помню.

— Ты не помнишь, что тебе снилось?

— Нет.

— Я не видел ничего необычного на хуторе, но я временами чувствую что-то странное, — признался Йоаким. — И на сеновале в коровнике я нашел стену, где...

— А как дела с ремонтом? — перебив его, сказал Микаэль.

— Что?

— Ты наклеил обои?

— Почти.

Йоаким понял, что Микаэлю совершенно не хотелось обсуждать с ним странные вещи, творившиеся на хуторе. Что бы с ним ни случилось той ночью, он решил это забыть.

— Как вы собираетесь отмечать Рождество? — спросил Йоаким, меняя тему. — Дома останетесь?

— Наверно, поедем на дачу. А Новый год отметим дома.

— Надеюсь, увидимся.

Больше продолжать разговор не имело смысла. Йоаким положил трубку и посмотрел в окно на тонкую ледяную пленку на море и пустой пляж. Здесь было так безлюдно, так одиноко. Внезапно ему захотелось вернуться на оживленные улицы Стокгольма.

— На хуторе есть потайная комната, — сказал Йоаким Мирье Рамбе, когда навестил тещу по ее приглашению вместе с детьми. — Комната без дверей.

— Вот как? Где же?

— На сеновале. Довольно большая. Я измерил шагами. Метра четыре в длину. Ты знала о ней?

Мирья покачала головой:

— С меня хватило и стены со всеми этими именами.

Она откинулась на спинку дивана и поднесла к губам чашку с кофе. Потом нагнулась вперед и достала из-под стола бутылку водки.

— Будешь? — предложила она, посмотрев на Йоакима.

— Нет, спасибо, я не употребляю алкоголь...

Мирья расхохоталась.

— Тогда я выпью и твою порцию тоже, — сказала она, наливая водку в стакан.

Мирья жила в просторной квартире по соседству с собором в Кальмаре. Ливия и Габриэль наконец-то познакомились с бабушкой. Они нервничали, когда входили в квартиру. Ливия с подозрением оглядела скульптуру обнаженного мужчины в прихожей. С собой у девочки были Форман и два плюшевых мишки, которых тоже познакомили с бабушкой. Мирья показала гостям ателье со стенами, увешанными пейзажами Эланда. На всех картинах небо было голубым и безоблачным.

Поведение Мирьи, никогда раньше не интересовавшейся внуками,

казалось Йоакиму в высшей степени странным. После кофе с пирожными она попыталась усадить Габриэля себе на колени, и в конце концов ей это удалось. Но мальчик просидел так не больше минуты, а потом убежал к Ливии в гостиную смотреть телевизор.

— Остались только мы, — вздохнула Мирья.

— Так спокойнее, — кивнул Йоаким.

На стенах в столовой висели две картины Торун, изображавшие шторм. На обеих было изображено, как шторм приближается к острову, готовый накрыть черным покрывалом маяки Олуддена. Как и картина у Йоакима дома, это были зимние пейзажи, мрачные и тревожные.

Йоаким искал взглядом следы Катрин. Ей всегда нравились светлые тона, мать же оклеила стены темными обоями в цветочек, закрыла окна тяжелыми шторами и застелила полы персидскими коврами.

Даже мягкая мебель была из черной кожи. У Мирьи не было ни фотографии Катрин, ни снимков других ее детей. Зато Йоаким насчитал с десяток больших и маленьких портретов самой Мирьи. На некоторых из них она была с мужчиной лет на двадцать моложе нее, с растрепанными светлыми волосами и жидкой бородкой.

Мирья проследила за взглядом Йоакима и, кивнув, сказала:

— Ульф. Он ушел играть в хоккей, вот почему вы его не застали.

— Так ты живешь с этим хоккеистом?

— А тебя это шокирует?

Йоаким молча покачал головой.

— Хорошо, потому что не все такие, как ты. Даже Катрин думала, что женщины в моем возрасте не нуждаются в сексе. Но Ульф не жалуется, а я и подавно.

— Скорее ты им гордишься.

— Не без этого, — сказала Мирья со смехом. — Любовь слепа.

Сделав глоток кофе, она зажгла сигарету.

— Женщина-полицейский из Марнэса продолжает расследование, — сказал Йоаким. — Она мне пару раз звонила.

Ему не было нужды объяснять, какое расследование он имеет в виду.

— Вот как... — произнесла Мирья.

— Конечно, Катрин это не вернет, но может дать ответы на вопросы.

— Я знаю, почему она утонула, — внезапно сказала Мирья.

Йоаким поднял глаза:

— Знаешь?

— Все дело в хуторе.

— Хуторе?

Мирья засмеялась сухим злобным смехом.

— На этом доме проклятие, — заявила она. — Он приносит несчастье и разрушает жизни всех семей, отважившихся в нем поселиться.

Йоаким посмотрел на тещу и произнес с недоумением:

— Как можно обвинять во всем дом?

Мирья затушила сигарету.

Йоаким решил сменить тему разговора.

— На следующей неделе у меня будут гости, — сказал он. — Старик, который много знает об истории этих мест. Герлоф Давидсон. Ты его знаешь?

— Нет, — ответила Мирья, покачав головой. — Но его брат Рагнар жил по соседству с хутором. Его я знала.

— Вот как... Герлоф обещал рассказать мне историю Олуддена.

— Я тоже могу рассказать, если тебе так интересно.

Она снова отпила кофе с водкой. Глаза Мирьи подозрительно блестели: видимо, спиртное уже начало действовать.

— Как вы оказались на Олуддене? — спросил Йоаким. — Ты и твоя мать?

— Арендная плата была низкая. А это было самое важное для мамы. Она покупала краски и кисти на свою скромную зарплату уборщицы, и нам постоянно не хватало денег.

— Хутор уже тогда был в таком плачевном состоянии?

— Да. Он тогда по-прежнему принадлежал государству, но время от времени сдавался в аренду за небольшие деньги... каким-нибудь крестьянам, которые не собирались в него вкладываться. Мы с мамой единственные согласились жить в пристройке зимой.

Она допила кофе с водкой. Из гостиной донесся детский смех.

Йоаким подумал около минуты и спросил:

— Катрин говорила с тобой об Этель?

— Нет, а кто это?

— Моя старшая сестра. Она умерла в прошлом году. Ровно год назад. Она была наркоманкой.

— Наркоманкой?

— Да, употребляла всякую дрянь, но в основном героин.

— Я никогда особо не употребляла наркотики, но соглашусь с Тимом Лири и Хаксли.

— В чем?

— В том, что наркотики расширяют сознание. Это очень полезно для нас, художников.

Йоаким неподвижно устремил взор на тещу. Ему вспомнился пустой взгляд Этель. Теперь он понимал, почему Катрин никогда не рассказывала об Этель матери. Йоаким быстро допил кофе и, бросив взгляд на часы, показывавшие четверть девятого, сказал:

— Нам, пожалуй, пора домой.

— Как вам понравилась бабушка? — спросил Йоаким у детей в машине по дороге на хутор.

— Она добрая, — ответила Ливия.

— Вот и хорошо.

— Мы снова туда поедem? — спросила девочка.

— Может быть, — кивнул Йоаким. — Но не скоро.

Он решил пока повременить с улучшением отношений с тещей.

— Моя дочь вчера звонила, — сказала старушка, сидевшая рядом с Тильдой на диване.

— Вот как? И что она сказала? — спросила ее товарка.

— Ей надо было излить душу.

— Излить душу?

— Ага, хоть раз в жизни, как она сказала. Еще она сказала, что я никогда ее не поддерживала. «Ты всегда думала только о себе и об отце» — так она говорила. Всегда. А я, говорит, всегда была на втором месте.

— То же самое твердит и мой сын, — пожаловалась другая старушка. — Точнее, не совсем то же самое. Звонит раз в год на Рождество и обвиняет меня в том, что я его избаловала. Говорит, я своей чрезмерной любовью испортила ему жизнь. Так что не бери в голову, Эльза!

Тильда посмотрела на часы. Ей неловко было подслушивать чужие разговоры. Прогноз погоды уже должен был закончиться, поэтому Тильда поднялась и постучала в дверь комнаты Герлофа.

— Войдите, — тут же сказал старик.

Герлоф сидел у радиоприемника, полностью одетый.

— Поехали? — Тильда протянула ему руку.

— А куда? — спросил он, словно действительно не помнил.

— В Олудден, — ответила Тильда.

— Ах да... но что мы там будем делать?

— Говорить. Владелец интересуется историей хутора. Я сказала, что ты можешь ему кое-что рассказать.

— Историей? — Герлоф поднялся. — Так меня теперь официально признали помешавшимся старичком, который, раскачиваясь в кресле-качалке, курит трубку и рассказывает истории о местных привидениях?

— Да что ты, Герлоф. Мы просто хотим помочь ему справиться с горем.

— С горем? В горе нет ничего веселого, сказал старичок, перепутав могилы.

Взяв трость, Герлоф направился к выходу со словами:

— Ладно, поедem, поговорим с ним.

Тильда, взяв старика под руку, спросила:

— Может, взять кресло на колесиках?

— Не нужно, — ответил Герлоф. — Сегодня ноги меня слушаются.

— Может, надо кого-то предупредить, что мы уезжаем?

— Нет, это их не касается.

Шла вторая неделя декабря, и Тильда с Герлофом были приглашены на кофе в Олудден, чтобы Йоаким и Герлоф могли наконец встретиться.

— Как дела в участке? — спросил Герлоф, когда они проезжали через центр.

— У меня только один коллега, но он большую часть времени проводит в Боргхольме.

— Почему?

Тильда молчала, не зная, как объяснить.

— Ты только не обижайся, но... Я недавно столкнулся с Бенгтом Нюбергом из «Эланд-постен», и знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— Что полицейский участок в Марнэсе уже окрестили бабским участком.

Герлоф покачал головой и продолжил:

— Раньше бабскими называли железнодорожные станции на острове, где работали одни женщины. Мужчины тогда не верили, что женщины способны справиться с такой серьезной работой.

— Уверена, они прекрасно справлялись, — заметила Тильда.

— Да, никто не жаловался, насколько я знаю.

Они выехали из города на пустую дорогу. Температура равнялась нулю, и все побережье казалось застывшим, как на картине, изображающей зимнюю природу.

— Как здесь красиво! — сказал Герлоф.

— Да, — согласилась Тильда. — Ты любишь свою родину.

— Да, я люблю остров, на котором родился.

— И ненавидишь материк.

— Нет, — возразил Герлоф. — Я не узколобый националист. Ничего не имею против материка, но мое сердце принадлежит Эланду. Мы, жители этого острова, должны сохранить его для потомков, это наш долг.

Постепенно Герлоф еще больше разговорился, и, когда они проезжали кладбище рядом с Рёрбю, он произнес:

— Кстати о привидениях... Хочешь послушать историю, которую отец рассказывал мне каждое Рождество?

— Конечно.

— Твоего прадеда и моего отца звали Карл Давидсон, — начал Герлоф. — Он батрачил в Рёрбю и однажды увидел что-то странное. В тот день его навестил старший брат, и мальчики загуляли до вечера. Дело

было накануне Нового года. Было холодно и много снега. Поздно вечером Карл с братом шли мимо церкви, как вдруг услышали за спиной шум саней. Бросив взгляд через плечо, брат Карла вскрикнул, схватил его за руку и оттащил с дороги прямо в сугроб. Карл даже не успел ничего сообразить...

— Я знаю эту историю. Папа мне рассказывал.

Но Герлоф продолжал, словно не слышал замечания Тильды:

— ...Это были самые маленькие сани, которые Карл когда-либо видел, запряженные четверкой лошадей. Они везли сено, и наверху копны копошились маленькие человечки, ростом не больше метра.

— Неужели гномы? — удивилась Тильда.

— Мой отец так их не называл. Он сказал, что это были маленькие человечки в серой одежде и шапках. Карл Давидсон с братом лежали в снегу, боясь пошевелиться: настолько странное зрелище предстало их глазам. Но сани пронеслись мимо мальчиков, за церковью завернули и исчезли в темноте... Отец клялся, что видел это собственными глазами, — закончил рассказ Герлоф.

— По-моему, ваша мама тоже видела гномов, — сказала Тильда.

— Да, в молодости она видела маленького серого человечка, прыгнувшего прямо в воду... Это было на юге Эланды. В нашем роду люди видели много странного. Может, ты тоже унаследовала этот дар?

— Надеюсь, что нет...

До хутора оставалось пять минут езды, но Герлоф пожелал размять ноги. Он показал на равнину за каменной стеной, сказав:

— Торфяник замерзает. Посмотрим?

Тильда остановила машину и помогла старику выйти. Озеро посреди торфяника покрылось тонкой пленкой льда.

— Это один из самых старых торфяников, сохранившихся на острове, — сказал Герлоф, оглядывая равнину. — Остальные осушили.

Тильда проследила за его взглядом и внезапно уловила движение в воде. Черный всплеск, от которого тонкий лед дрогнул и треснул.

— Здесь есть рыба? — с удивлением произнесла Тильда.

— Конечно, — кивнул старик. — Щуки и угри летом сюда приплывают по ручьям во время оттепели.

— Так тут можно ловить рыбу?

— Можно, но никто этого не делает. Когда я был маленьким, я слышал, что у здешней рыбы странный привкус.

— А почему торфяник называют жертвенным?

— Потому что в древние времена люди приносили здесь жертвы богам, — ответил Герлоф. — Археологи нашли тут золото и серебро и

скелеты сотен животных, брошенных в воду... И даже человеческие кости, — прибавил он после паузы.

— Человеческие жертвоприношения?

Герлоф снова кивнул и уточнил:

— Кости рабов или пленников... Наверно, так местные жители хотели задобрить богов. Как я понял, пленников живыми загоняли в болото при помощи длинных шестов... — Он обвел взглядом торфяник. — Наверно, поэтому угри продолжают приплывать сюда год за годом... Они помнят вкус мяса.

— Прекрати, Герлоф!

Тильда невольно сделала шаг назад, прочь от изгороди.

— Прости, — сказал старик. — Поедем дальше?

Заглушив мотор, Тильда вышла из машины и снова помогла выбраться Герлофу. Опираясь одной рукой на плечо молодой женщины, а другой — на трость, Герлоф подошел к дому и постучал в окно.

Через секунду дверь отворилась.

— Добро пожаловать, — сказал Йоаким Вестин.

Выглядел он еще хуже, чем раньше, но он улыбнулся гостям и даже обменялся с ними рукопожатиями. Видимо, он больше не злился на Тильду за ошибку, которую та допустила.

— Выражаю соболезнования, — проговорил Герлоф.

Вестин коротко кивнул, сказав:

— Спасибо.

— Я сам вдовец, — прибавил старик.

— Да?

— Да, но она долго болела... У моей Эллы был диабет, и потом проблемы с сердцем.

— И давно она скончалась?

— Да, много лет назад. Но воспоминания не отпускают до сих пор... и боль тоже...

Вестин посмотрел на Герлофа и сказал:

— Входите.

Дети играли в саду, и в доме было тихо и пустынно. Тильда поняла, что Йоаким все последние недели занимался ремонтом. Во всех комнатах были наклеены новые обои, и пахло свежей краской. Теперь дом больше напоминал жилое помещение.

— У меня такое ощущение, что я перенеслась в прошлое... в девятнадцатый век, — сказала Тильда, переступив порог гостиной.

— Спасибо, — кивнул Йоаким.

Он воспринял слова Тильды как комплимент, хотя молодая женщина имела в виду только размеры комнаты. Сама она ни за что не согласилась бы жить на хуторе.

— Где вы взяли мебель? — поинтересовался Герлоф.

— Мы объездили все антикварные магазины и барахолки здесь и в Стокгольме. Большие комнаты нужно обставлять крупной мебелью. Такую сейчас не делают. Поэтому мы купили старую и отремонтировали.

— Гениальное решение. В нынешние времена люди перестали ценить старинные вещи. То, что сломалось, они сразу выбрасывают, даже не пытаясь починить. Для них важнее покупать, чем беречь.

Герлофу нравится посещать старые дома, догадалась Тильда. Он ценил красивые вещи, потому что знал, скольких трудов стоило их изготовить. Она сама не раз видела, как он рассматривал свои главные сокровища: морской сундук и стопку льняных полотенец. Видно было, что они связаны с самыми дорогими воспоминаниями.

— К этому легко пристраститься, — заметил Герлоф.

— К чему?

— К ремонту старых домов, — с улыбкой ответил Герлоф.

Йоаким покачал головой:

— Это не зависимость. Просто нам не нужно менять кухню каждый год, как это делают теперь богачи... Это всего лишь второй наш дом. До этого мы жили в квартирах.

— А где был первый?

— На окраине Стокгольма. Красивая вилла, которую мы буквально подняли из руин.

— А почему вы переехали сюда? Вам тот дом не понравился?

Йоаким отвел взгляд.

— Дело не в этом. Тот дом нам очень нравился. Но это выгодно по экономическим причинам — менять жилье время от времени.

— Это как же?

— Берешь кредит и находишь в хорошем районе квартиру в плохом состоянии. Ремонтируешь ее по вечерам и выходным, пока живешь в ней. Потом находишь нужного покупателя и продаешь по гораздо более высокой цене, чем та, за которую ты ее купил. Берешь новый кредит и покупаешь в центре другую квартиру в плохом состоянии...

— И потом продаешь?

Йоаким кивнул:

— Спрос на недвижимость очень большой. Все хотят жить в

Стокгольме.

— Я не хочу, — возразил Герлоф.

— Но многие хотят. Цены все время растут.

— Так вам с женой нравилось приводить в порядок дома? — спросила Тильда.

— Мы познакомились во время осмотра квартиры, — рассказал Йоаким. — В той квартире жила старушка с кучей кошек. Прекрасная была квартира, но вонь там стояла невыносимая. Мы единственные выдержали там больше пяти минут. Потом мы пошли в кафе и разговорились. Пили кофе и обсуждали, что бы мы сделали с этой квартирой. Это и был наш первый совместный проект.

Герлоф обвел гостиную взглядом.

— И вы планировали сделать то же самое с Олудденом? — спросил он. — Отремонтировать и продать?

— Нет, мы планировали остаться здесь надолго. Сдавать комнаты дачникам, может быть, открыть небольшой пансион. — Йоаким выглянул в окно и добавил: — У нас не было четкого плана, но мы знали, что здесь нам понравится.

В голосе его снова послышалась усталость. А когда Йоаким умолк, тишина огромной гостиной показалась Тильде давящей.

Осмотрев дом, они устроились в кухне пить кофе.

— Тильда сказала, что вы интересуетесь историей хутора, — произнес Герлоф.

— Да-да, — кивнул Йоаким. — Вы что-нибудь знаете о нем?

— Немного. Вы хотите историй с привидениями?

Йоаким поколебался, словно боясь признаться, но через минуту ответил:

— Я хотел узнать, случались ли здесь раньше необычные вещи... Я чувствовал... Может, это мне только показалось, но я чувствовал присутствие мертвых на Олуддене. На хуторе и на маяке. И другие чувствовали то же самое.

Тильда ничего не сказала, но ей вспомнился тот октябрьский вечер, когда она одна ждала Вестина на хуторе. Тогда ей тоже показалось, что в доме кроме нее кто-то есть.

— Покойные всегда рядом с нами, — сказал Герлоф, сжимая в руках кофейную чашку. — Вы же не верите, что они отдыхают себе на кладбище?

— Но ведь похоронены они там?

— Не всегда. — Герлоф кивнул в сторону полей за домом. — Мертвые

на острове повсюду. С этим остается только смириться. Тут везде старые могилы, могильники каменного века. Захоронения железного и бронзового века. Курганы времен викингов... — Он перевел взгляд на окно, в которое было видно, как в тумане поблескивало море. — И там снаружи тоже кладбище. Все восточное побережье — кладбище для сотен кораблей, налетевших на мель и разбившихся вдребезги о скалы, и для всех утонувших моряков. Многие из них даже не умели плавать.

Йоаким покачал головой.

— Я раньше не верил в привидения. Прежде чем мы сюда переехали, я также не верил, что мертвые возвращаются... Но теперь я сам не знаю, во что верить. Здесь столько всего случилось.

В кухне воцарилась тишина.

— Что бы вы ни чувствовали, что бы вы ни думали, нельзя позволять мертвым управлять вами, — наконец тихо произнес Герлоф.

— Знаю, — кивнул Йоаким.

— И опасно пытаться призывать их... и задавать вопросы.

— Вопросы?

— Никогда не знаешь, какой получишь ответ.

Йоаким опустил взгляд в чашку.

— Я много думал об этих преданиях, в которых говорится о том, что они возвращаются, — признался он.

— Кто *они*? — спросил Герлоф.

— Покойные. Соседи рассказали мне историю о том, что каждое Рождество души умерших людей возвращаются домой. Вы слышали об этом?

— Да, это старая история, — ответил Герлоф. — Я слышал ее в разных местах, не только здесь. Считается, что покойные возвращаются, чтобы отпраздновать Рождество с близкими. И если кто-то пытался им помешать, это заканчивалось всегда плохо.

Йоаким прибавил:

— Некоторые верят, что в это время можно увидеть мертвых... Причем не только в церкви, но и дома тоже.

— На Рождество люди зажигают в окнах свечи, — продолжал Герлоф, — чтобы души умерших людей могли найти дорогу домой.

Йоаким подался вперед.

— Но это только те, кто умер на хуторе, или другие покойные тоже?

— Вы имеете в виду моряков? — спросил Герлоф.

— Да. Или других людей, умерших в другом месте. Они тоже возвращаются?

Герлоф бросил взгляд на Тильду и, покачав головой, сказал:

— Это только народное поверье... С Рождеством связано много преданий. Это ведь самое темное время в году. В народе зима давно ассоциируется со смертью. После Рождества дни становятся длиннее, и жизнь возвращается на остров.

Йоаким помолчал и произнес:

— Я жду этого... Жду, когда тьма сменится светом.

Пятью минутами позже они уже стояли на улице, прощаясь. Йоаким протянул руку.

— У вас тут хорошо, — сказал Герлоф, пожимая ее. — Но будьте осторожны в шторм.

— Шторм? Вы имеете в виду снежную бурю?

Герлоф кивнул:

— Она случается не каждый год, но я чувствую, что этой зимой ее не избежать. Во время бури нельзя выходить из дома, особенно детям.

— А как можно узнать, что она надвигается? — спросил Йоаким. — Как вы, местные, определяете, что приближается буря?

— Смотрим на градусник и слушаем прогноз погоды, — с улыбкой ответил Герлоф. — В этом году рано похолодало, это плохой знак.

— Хорошо, спасибо за предупреждение. Мы будем осторожны.

— Вот и молодцы, — сказал Герлоф и пошел к машине, опираясь на Тильду. Внезапно он остановился и обернулся.

— Один только вопрос, — обратился он к Йоакиму. — Как ваша жена была одета в день трагедии?

Улыбка пропала с лица Йоакима.

— Простите?

— Вы помните, во что она была тогда одета?

— Ничего особенно. Сапоги, джинсы и зимняя куртка.

— Они сохранились?

Йоаким кивнул. На лице его отразилось страдание.

— Мне вернули одежду из больницы. В пакете.

— Можно мне ее взять? — спросил Герлоф.

— Взять? Вы имеете в виду одолжить?

— Да, одолжить. Я ничего с вещами не сделаю, только посмотрю.

— Хорошо. Я их еще не распаковывал. Сейчас принесу.

Он вернулся в дом.

— Возьми у него пакет, Тильда, — велел Герлоф, усаживаясь в машину.

Когда Тильда вывела машину из ворот, Герлоф откинулся на спинку сиденья и вздохнул:

— Вот и поговорили. Видно, я все-таки старичок с трубкой, но что поделаешь...

У него на коленях лежал коричневый пакет с одеждой Катрин Вестин.

— Зачем тебе ее одежда? — спросила Тильда.

Герлоф опустил взгляд на пакет и сказал:

— Я вспомнил кое-что, когда мы стояли у торфяника. Как приносили людей в жертву.

— Что ты имеешь в виду? Что Катрин Вестин принесли в жертву?

Герлоф некоторое время разглядывал в окно торфяник.

— Я расскажу тебе больше после того, как осмотрю одежду, — наконец ответил он.

Когда они выехали на проселочную дорогу, Тильда сказала:

— Меня встревожил этот разговор.

— Встревожил? — переспросил Герлоф.

— Я тревожусь за Йоакима... И за детей. Такое ощущение, что Вестин верит во все то, о чем мы говорили в кухне.

— Да. Но ему было полезно поговорить. Он все еще горюет по своей жене. Что в этом удивительного?

— То, что он говорит о ней так, как будто она все еще жива... Как будто они скоро встретятся...

Прошло две недели с ограбления дома на пасторском хуторе, прежде чем братья Серелиус снова дали о себе знать. Одним темным декабрьским вечером они просто постучались в дверь к Хенрику, причем выбрав для этого самый неподходящий момент.

К тому времени стук в его квартире стал невыносимым, как капающая из крана вода, которую невозможно остановить. Сначала Хенрик думал, что все дело в старинной лампе, и после трех бессонных ночей отнес ее в машину. На следующее утро Хенрик съездил к сараю и оставил лампу там.

Однако наступившей ночью стук продолжился. Теперь он шел из стены в прихожей, но не из одной и той же: казалось, звук постоянно перемещается за обоями.

Значит, дело было не в лампе. Но тогда в чем? Что еще он с собой принес из леса или из того склепа, в который заполз впопыхах?

Или это какой-то дух просочился в квартиру через чертову спиритическую планшетку братьев Серелиус.

В те вечера, когда они сидели за кухонным столом, уставившись на идиотский стакан под пальцем Томми, Хенрик явно ощущал в комнате чье-то присутствие.

Но что бы это ни было, оно действовало Хенрику на нервы. Каждый вечер он бродил между прихожей и спальней, не в силах заставить себя выключить свет и лечь спать. Ему было страшно. По-настоящему страшно.

В отчаянии Хенрик даже позвонил своей бывшей девушке Камилле. Они не разговаривали несколько месяцев, но, похоже, она была рада его звонку. Они проговорили целый час.

В последние три дня нервы у Хенрика были на пределе, и появление на пороге Томми и Фредди не улучшило ситуацию. На Томми были солнечные очки. Руки его нервно подергивались, когда он сказал:

— Впусти нас.

Эту встречу нельзя было назвать радостной. Хенрик ждал, что братья Серелиус отдадут ему его долю, но, как оказалось, им не удалось продать ничего из награбленного. Зато они хотели совершить еще один налет, против которого был Хенрик. Более того, он не мог сейчас ничего обсуждать с ними, поскольку был занят, о чем и сказал.

— Да брось ты, — проговорил Томми.

— Кто там? — спросила Камилла из комнаты. Братья вытянули шеи,

чтобы разглядеть обладательницу женского голоса.

— Это мои приятели, — сказал через плечо Хенрик. — Из Кальмара. Они ненадолго.

Томми опустил очки и пристально посмотрел на Хенрика. Увидев выражение глаз Томми, Хенрик тут же вышел на лестничную клетку, прикрыв за собой дверь.

— Поздравляю! — сказал Томми. — Старая или новая?

— Это моя бывшая девушка, Камилла, — тихо произнес Хенрик.

— Она что, снова с тобой?

— Я позвонил ей, — ответил Хенрик. — Но она сама предложила встретиться.

— Как мило, — сказал Томми без тени улыбки. — И что мы теперь будем делать?

— С чем?

— С нашим сотрудничеством?

— Оно закончено. Осталось только поделить деньги.

— Нет.

— Да.

Они в упор посмотрели друг на друга.

— Мы не можем обсуждать это на лестнице, — сказал Хенрик. — Пусть один из вас зайдет.

Фредди неохотно пошел обратно к фургону. Хенрик втянул Томми в кухню и закрыл за ними дверь. Понизив голос, он проговорил:

— Давай закончим сейчас. И вы сразу уедете.

Но Томми по-прежнему больше интересовала Камилла, чем работа, и он громко спросил:

— Так она снова тут живет? Вот почему у тебя такой чертовски усталый вид?

Хенрик покачал головой:

— Нет, не в этом дело. Я не могу спать.

— Совесть заела, — усмехнулся Томми. — Но старик выживет. Они его подлатали.

— А кто его покалечил, вспомни!

— Ты его и покалечил. Ты пнул его, помнишь?

— Ты спятил? Я же был в прихожей все время.

— Ты ему всю руку расплющил своим сапогом, Хенке. Если нас найдут — всех засадят.

— Заткнись! — Хенрик бросил взгляд на закрытую дверь и, снова понизив голос, сказал: — Я не могу это сейчас обсуждать.

— Ты хочешь деньги или нет?

— Конечно хочу. Но только свою долю. Мне больше не надо.

— Как же не надо? А девчонка? Такие дорого обходятся.

Хенрик со вздохом произнес:

— Дело не в деньгах. Нам нужно срочно избавиться от краденого. Надо все продать.

— Мы и продадим. Но сперва провернем последнее дельце. Съездим на север, на тот хутор.

— Какой еще хутор?

— Хутор с картинами, о котором говорил Алистер.

— Олудден, — тихо сказал Хенрик.

— Вот именно. Какой вечер тебе подходит?

— Погоди... Я был там летом. Там нет никаких картин. И кроме того...

— Что?

Хенрик молчал, вспоминая пустынные комнаты Олуддена. С Катрин Вестин было приятно работать. Она жила там одна с двумя маленькими детьми. Но сам дом производил гнетущее впечатление, несмотря на то что Вестины все там прибрали и перекрасили. Ему не хотелось туда возвращаться, особенно сейчас, в декабре.

— Ничего, — ответил он. — Но я не видел там никаких картин.

— Наверняка они их прячут, — предположил Томми.

В комнате раздался стук. Хенрик дернулся. Но это стучали в дверь. Он открыл. За дверью стояла Камилла. Выражение лица у нее было обеспокоенное.

— Вы закончили? — спросила она. — Если нет, может, лучше я пойду домой, Хенрик?

— Закончили, — кивнул он.

Камилла была невысокой и хрупкой девушкой, почти на две головы ниже мужчин. Томми вежливо улыбнулся ей и протянул руку.

— Привет, я Томми, — произнес он таким любезным тоном, какого Хенрик раньше никогда у него не слышал.

— Камилла. — Девушка пожала протянутую руку.

Кивнув Хенрику, Томми пошел к выходу.

— Созвонимся, — сказал он на прощание.

Заперев дверь за Томми, Хенрик прошел в комнату и сел на диван рядом с Камиллой. Они снова включили фильм, который смотрели до прихода незваных гостей.

— Ты думаешь, мне стоит остаться, Хенрик? — спросила Камилла,

когда фильм закончился. Часы показывали одиннадцать.

— Если хочешь, конечно, оставайся.

В полночь они лежали рядом в постели, и Хенрик чувствовал себя так, словно последних шести месяцев не было. Просто чудо, что Камилла вернулась. Теперь все было так, как и должно было быть. Оставалось только решить проблему с братьями Серелиус.

И этим странным стуком в стене.

Хенрик прислушался, но в комнате слышалось только ровное дыхание Камиллы, заснувшей сразу, как только они легли. Тишина. Никакого стука.

Хенрику не хотелось о нем думать. Не хотелось думать ни о стуке, ни о братьях Серелиус, ни об Олуддене.

Камилла вернулась, но по-прежнему было непонятно, какие чувства она к нему испытывает. Хенрик не решался спросить. Но, в любом случае, она больше не жила с ним. А вернувшись с работы следующим утром, Хенрик нашел квартиру пустой. Он позвонил Камилле, но она не взяла трубку.

Вечером он снова лежал один в постели, но стоило ему погасить свет, как из прихожей донесся стук. Он шел прямо из стены. Упорный и раздражающий.

Хенрик приподнял голову с подушки.

— Заткнитесь! — прокричал он в темноту.

Стук прекратился, но через секунду возобновился.

Зима 1959 года

Пятидесятые. Зима близится к концу, но наш рассказ только начинается. Рассказ о Мирье и Торун в Олуддене, картинах и снежной буре. Мне было шестнадцать, когда мы приехали на хутор. У меня не было отца, но у меня была Торун. Она научила меня тому, чему должны научиться все девушки: никогда не зависеть от мужчины.

Мирья Рамбе

Больше всего на свете моя мать ненавидела двух мужчин — Сталина и Гитлера. Она родилась за два года до того, как разразилась Первая мировая война. Детство Торун провела в Стокгольме, но потом ей захотелось посмотреть мир. Она поступила в Художественную школу в Гётеборге, с намерением потом поехать в Париж, где ее все время принимали за Грету Гарбо, как рассказывала Торун. Картины ее привлекли внимание, но снова началась война, и Торун поспешила обратно в Швецию проездом через Копенгаген. Там она познакомилась с датским художником, с которым у нее был короткий, но страстный роман, прервавшийся с появлением в городе гитлеровских солдат. Вернувшись домой, Торун обнаружила, что беременна. По ее словам, она написала несколько писем будущему отцу ребенка, но тот ни разу так и не ответил.

Я родилась зимой 1941 года, когда весь мир замер в страхе. Торун жила в темном Стокгольме, где продукты выдавали строго по талонам и еды постоянно не хватало. Она переезжала с квартиры на квартиру, в основном останавливаясь у религиозных матрон, дававших приют матерям-одиночкам и требовавшим в ответ полного смирения. На пропитание себе и дочери Торун зарабатывала уборкой квартир богачей на Эстермальм. У нее не было ни времени, ни желания рисовать.

Ей было тогда очень тяжело. Нам обеим было очень тяжело.

Когда я слышала, как мертвые шепчутся в сарае в Олуддене, мне не было страшно. Потому что шепот покойников был детской шуткой по сравнению с тем временем в Стокгольме.

После окончания войны, когда мне было лет семь или восемь, мне стало вдруг больно мочиться. Ужасно больно. Торун сказала, что я слишком

много купалась, и отвела меня к бородатому доктору на одной из главных улиц Стокгольма. «Он милый, — сказала мама. — Принимает детей практически бесплатно».

Доктор любезно поздоровался. На вид ему было лет пятьдесят, и от него пахло спиртным. Он пригласил меня войти в кабинет, где также пахло алкоголем, и велел лечь на кушетку. Потом закрыл за собой дверь.

— Подними юбку, — сказал доктор. — И расслабься.

Мы были совсем одни в той комнате. Доктор остался доволен осмотром.

— Пикнешь об этом, отправлю в колонию, — сказал он, потрепав меня по голове.

Он оправил на мне юбку и протянул блестящую монетку в одну крону. На дрожащих ногах я вышла в приемную, где ждала Торун. Мне было еще хуже, чем раньше, но доктор сказал, что нет ничего серьезного, что я хорошая девочка и он выпишет мне лекарство. Мама жутко разозлилась, когда я отказалась принимать таблетки по рецепту доктора.

В начале пятидесятых мы с Торун оказались на Эланде. Это была одна из ее причуд. Не думаю, что у нее были истинные причины переехать на остров. Ей просто хотелось видеть что-то новое и нарисовать это. Эланд славится своими пейзажами и хорошим светом для создания картин. Мама говорила без умолку о Нильсе Крейгере, Готтфрид Каллстениус и Пэре Экстрёме. Казалось, она едет не на Эланд, а в Париж.

Сама я был рада только тому, что мы уехали подальше от того мерзкого доктора.

До Боргхольма мы добрались на пароме. Все наши пожитки уместились в три небольшие сумки. Торун еще несла мольберт и краски. Боргхольм оказался милым городком, но Торун там не понравилось. Люди казались ей чопорными и скучными. К тому же в деревне жить было куда дешевле, так что через год мы переехали в Рёрбю. По ночам нам приходилось укрываться тремя одеялами: так было холодно в доме.

Я пошла в школу. Дети высмеивали меня за мой столичный выговор. Я им не говорила, что думаю об их диалекте, но со мной никто так и не подружился.

Зато на острове я начала рисовать. Я рисовала белые создания с красным ртом. Торун считала, что это ангелы, но на самом деле я рисовала мерзкого доктора, насквозь провонявшего алкоголем, и его ухмыляющийся рот.

Когда я родилась, Гитлер был главным злодеем, но выросла я в атмосфере страха перед Сталиным и Советским Союзом. Если бы русские

только захотели, они могли захватить Швецию за четыре часа, отправив на нас самолеты с бомбами, говорила мне мать. Сначала они принялись бы за Готланд и Эланд, а потом и за всю страну.

Но в молодости четыре часа казались мне вечностью, поэтому я много думала о том, что буду делать в эти последние часы свободы. Если бы я услышала новости о том, что советские самолеты направляются к Эланду, то первым делом бросилась бы в продуктовую лавку в Рёрбю и съела столько шоколада, сколько смогла бы. Потом я набрала бы мелков и красок и спряталась бы дома. Я смогла бы прожить всю жизнь при коммунизме, если бы мне только позволили рисовать.

Мы переезжали из дома в дом, с хутора на хутор, и в комнатах всегда пахло скипидаром и краской. Торун подрабатывала уборщицей и в остальное время рисовала. Она рисовала на свежем воздухе в любую погоду.

Осенью 1959 года мы снова переехали, на этот раз цена была просто смехотворной. Наша новая комната располагалась в пристройке на хуторе Олудден — в каменном домике с белыми стенами. Летом там было прохладно, но все остальное время года в пристройке царил лютый холод.

Узнав, что мы будем жить возле маяка, я представляла прекрасные картины — маяки на фоне темного неба, море в шторм, мужественных зрителей.

Мы с Торун въехали в наш новый дом в октябре, и я сразу поняла, что ничего хорошего нас там не ждет. Хутор был открыт всем ветрам. Ветер задувал между строениями, пробирая до костей. Там было холодно и одиноко. И никаких мужественных зрителей. Накануне войны на остров провели электричество, а спустя десять лет маяк автоматизировали. Теперь зритель только изредка заходит, чтобы проверить, что все работает. Зрителя зовут Рагнар Давидсон, и он ведет себя так, словно хутор принадлежит ему.

Спустя пару месяцев случился мой первый шторм. В ту ночь я чуть не стала сиротой.

Это произошло в середине декабря. Я вернулась из школы и не нашла дома Торун. Но ее сумки и мольберта тоже не было. Я волновалась, потому что сумерки уже сгустились, ветер за окном усиливался и пошел снег.

Мне стало страшно. Я злилась на мать. Как можно было выйти в такую погоду! Никогда еще я не видела столько снега. Хлопья не падали на землю, они как кинжалы прорезывали воздух. Ветер бился в окна, грозя их выбить.

Через полчаса после начала шторма я наконец увидела темную

фигурку во дворе. Выбежала на улицу, подхватила Торун, втащила ее в комнату и привела к камину.

Сумка по-прежнему висит на ее плече, но мольберт унесло ветром. Опухшие глаза закрыты: в них попал песок, смешанный со льдом, и она не может разомкнуть веки. Я стаскиваю с матери мокрую одежду и растираю замерзшие руки и ноги.

Она рисовала на другой стороне торфяника, когда начался шторм. По дороге домой лед под ней треснул, и ей пришлось выбираться из воды.

— Мертвые лезли из болота... Они были такие холодные, такие холодные... Цеплялись за меня когтями, хотели забрать мое тепло, утянуть меня с собой.

Я дала ей горячего чая и уложила спать. Она проспала двенадцать часов подряд. Я стояла у окна и смотрела на снег. Проснувшись, Торун продолжала говорить о мертвых.

Глаза у нее болели, и веки опухли, но уже на следующий вечер Торун снова сидела перед холстом.

Стоило Тильде перестать думать о Мартине каждую минуту, как в ее крохотной квартире зазвонил телефон. Уверенная, что это Герлоф, Тильда взяла трубку.

Но это оказался Мартин.

— Хотел узнать, как ты, — проговорил он. — Все хорошо?

Тильда замерла. Желудок ее свело. Она стиснула трубку и устремила взор в окно на пустынную набережную.

— Все хорошо, — через силу произнесла Тильда.

— Хорошо или нормально?

— Хорошо.

— Тебя навестить?

— Нет.

— Тебе больше не одиноко на Эланде?

— У меня много дел.

— Хорошо.

Разговор оказался коротким. Мартин сказал, что еще позвонит, и повесил трубку. Тильда тихо прошептала: «Да...» Рана в сердце снова начала кровоточить.

«Это не Мартин, — сказала она себе. — Это его либидо. Ему просто нужен секс с кем-то помимо жены. Отношения его не интересуют».

Самое ужасное было в том, что больше всего на свете Тильде хотелось его увидеть, хотелось, чтобы он приехал к ней, и желательно прямо сейчас. Ей следовало давно отправить письмо его жене и избавиться от этой тяжести на сердце.

Тильда много работала. Она работала сутки напролет, стараясь заглушить любые мысли о Мартине. По вечерам она готовила сообщения на тему правил дорожного движения, которые потом делала в школах и на предприятиях. А еще оставались отчеты и патрулирование улиц.

Во вторник вечером она проезжала мимо Олуддена, но вместо хутора свернула на соседнюю ферму, принадлежавшую Карлсонам. Она встречалась с ними только раз, в тот день, когда трагически погибла Катрин Вестин и с ее мужем случился нервный срыв у них дома.

Мария Карлсон ее сразу узнала.

— Нет, мы редко видимся с Йоакимом, — сказала она, приглашая Тильду за стол. — Мы нормально общаемся, но он предпочитает

одинокчество. Но его дети играют вместе с нашим Андреасом.

— А как обстояло дело с его женой, Катрин? Вы часто с ней встречались?

— Она пару раз заходила на кофе, но основное время была занята ремонтом дома и детьми. Да и мы сами много работаем на ферме.

— А вы не видели, чтобы ее кто-то навещал?

— Навещал? Нет, только двое рабочих приезжали в конце лета.

— Никаких гостей на яхте или моторной лодке? — спросила Тильда.

Мария почесала голову и ответила:

— Не припомню. Отсюда хутор не виден.

Мария кивнула в сторону окна, и Тильда поняла, что она имеет в виду: весь вид загораживал сарай напротив дома.

— А шум мотора вы не слышали?

Мария покачала головой:

— Обычно лодки слышно, но я на них не обращаю внимания.

Выйдя на улицу, Тильда остановилась у машины и посмотрела на юг. Несколько красных рыбацких сарайчиков стояли на берегу, но ни одного человека там не было. И ни одной лодки в море.

Сев в машину, Тильда решила, что пора положить конец расследованию. Все равно оно никуда не ведет. Вернувшись в участок, она убрала папку с надписью «Катрин Вестин» в ящик с надписью «Прочее».

Весь стол ее был завален бумагами и заставлен грязными кофейными чашками. Стол же Ханса Майнера оставался чистым и пустым. Иногда ее так и подмывало положить туда стопку отчетов, но она сдерживалась.

Вечерами Тильда снимала форму, садилась в свой маленький «форд» и ездила по острову, слушая в машине записи бесед с Герлофом. Записи получились четкими, и Тильда замечала, с чем с каждой новой встречей Герлоф чувствовал себя все раскованнее.

Именно во время таких поездок Тильда обнаружила фургон, о котором говорила Эдла Густавсон.

Она поехала в Боргхольм, а оттуда по мосту в Кальмар, где объехала несколько парковок. Темного фургона там не было. Поездив по городу, Тильда включила радио и направилась к ипподрому, освещенному прожекторами. Там люди прожигали массу денег на скачках, но Тильду интересовала парковка. Внезапно что-то привлекло ее внимание, и она ударила по тормозам.

Рядом с ней стоял фургон черного цвета с надписью «Кальмар. Сварочные работы».

Записав номер машины, Тильда припарковалась не遠далеке и набрала номер дорожной полиции. Тильда попросила коллег узнать, кому принадлежит транспортное средство. Оказалось, его владелец — сорокасемилетний мужчина из деревни под Хельсингборгом, за которым не числилось никаких правонарушений. Машина прошла технический осмотр, но была снята с регистрационного учета в августе. Это было подозрительно.

Тильда заглушила двигатель и стала ждать.

«Рагнар также промышлял браконьерством, — звучал в наушниках голос Герлофа. — Например, он частенько ловил рыбу рядом с Олудденом, но никогда в этом не признавался».

Через пять минут публика начала выходить с ипподрома. Двое крупных парней лет двадцати пяти подошли к фургону. Тильда сняла наушники и наклонилась вперед. Один из парней был выше и мускулистее другого, но лиц в темноте она не различила. Тильда пожалела, что не взяла с собой бинокль. Грабители или нет?

«Обычные рабочие, дружок», — услышала она в голове самодовольный голос Мартина, но не обратила на него внимания. Фургон выехал с парковки. Тильда завела машину и последовала за ним на безопасном расстоянии. Фургон въехал в Кальмар и остановился у одного из многоэтажных домов недалеко от больницы. Мужчины вышли из машины и скрылись в подъезде. Тильда осталась в машине. Теперь она знала, где живут потенциальные грабители. Через минуту зажегся свет в окнах на втором этаже. Тильда записала адрес в блокнот. Конечно, можно было бы зайти в квартиру и поискать там украденные вещи, но у нее не было ордера на обыск, а для его выдачи одного свидетельства Эдлы о том, что фургон видели на острове, было недостаточно.

— Я прекратила расследование смерти Катрин Вестин, — сказала Тильда Герлофу, когда они пили у него кофе парой дней позже.

— Убийства, ты хотела сказать.

— Это не убийство.

— Нет, убийство.

Тильда на это ничего не сказала. Вздохнув, она достала диктофон из сумки.

— Давай...

Но Герлоф перебил ее, сказав:

— Я видел, как человека чуть не убили, даже не касаясь его.

— Вот как?

Тильда поставила диктофон на стол, но не стала нажимать клавишу записи.

— Это было в Тиммернаббене за пару лет до войны, — начал Герлоф. — Две шхуны пришвартовались рядом у причала, и двое моряков с них сильно повздорили. Стояли и кричали друг на друга. Потом один плюнул в другого, и тот этого уже не мог простить. Они стали бросаться камнями друг в друга, и в конце концов один встал на борт, чтобы попасть на другую шхуну. Но он не успел, так как противник встретил его ударом багра в грудь...

Сарик помолчал и продолжил:

— Это сегодня багры делают из пластмассы, а тогда это были крепкие деревянные шесты с железным крюком на конце. И когда моряк попытался перепрыгнуть на борт другой шхуны, он зацепился рубашкой за крючок, замер на секунду в воздухе и камнем рухнул в воду между шхунами. Он не мог выбраться, потому что рубашка все еще цеплялась за крюк, и другой моряк просто не давал ему вынырнуть. — Он посмотрел на Тильду. — Точно так же людей шестами загоняли в болото, принося в жертвы богам.

— Он выжил?

— Да, мы были там и остановили моряка с багром. Потом помогли несчастному выбраться из воды. Он чуть не захлебнулся. Промедли мы, и он бы погиб.

Тильда бросила взгляд на диктофон. Как жаль, что она его не включила.

Герлоф наклонился и, зашелестев чем-то под столом, сказал:

— Именно этот случай вспомнился мне, когда я осматривал одежду Катрин Вестин.

Из-под стола он вытащил серую толстовку с капюшоном.

— Убийца приплыл на лодке, — добавил Герлоф. — Причалил к дамбе, где ждала Катрин Вестин... Она ему доверяла. В руках у него был багор, это ее не насторожило, но это был старомодный багор — длинная деревянная палка с железным крюком, которым он зацепил кофту несчастной женщины и толкнул ее в воду. А потом держал голову Катрин под водой, пока женщина не умерла.

Герлоф развернул кофту, и Тильда увидела, что капюшон разорван чем-то острым.

Часто, глядя в окно по вечерам, Йоаким видел, как Распутин отправляется на охоту. Но иногда Йоакиму казалось, что он видит в темноте и другие создания — четвероногие и двуногие.

Кто это мог быть? Этель?

В первый раз он даже выбежал на веранду, чтобы лучше рассмотреть, но во дворе оказалось пусто. С каждым днем на хуторе было все темнее, и Йоакима не покидало чувство тревоги. Ветер гулял по двору, свистел в печных трубах, бился в стекла, от чего весь старый дом трясся и вздыхал. Близились Рождество. Если на хуторе и были призраки, то среди них не было Катрин. Она по-прежнему от него пряталась.

— Вот одежда, — сказал Герлоф, передавая через стол пакет.

— Вам это что-нибудь дало? — спросил Йоаким.

— Может быть.

— Но вы не хотите сказать что?

— Не сейчас. Мне нужно еще немного подумать.

Йоакиму раньше не приходилось бывать в доме престарелых. Его бабушка с дедушкой жили дома до конца, а последние свои часы провели в больнице. Но теперь он сидел и пил кофе в комнате Герлофа Давидсона в доме престарелых в Марнэсе. Единственным, что напоминало здесь о Рождестве, был подсвечник со свечами на подоконнике.

На стенах висели разные памятные предметы: доски с названиями кораблей, документы в рамках и черно-белые фотографии двухмачтовых парусников.

— Это фото кораблей, на которых я ходил, — пояснил Герлоф. — Их было три.

— Они сохранились?

— Один. Принадлежит парусному клубу в Карлскруне. Другие утеряны: один сгорел, а другой затонул.

Йоаким взглянул на пакет с одеждой Катрин и перевел взгляд на окно, за которым уже стемнело.

— Мне надо забирать детей из сада через час. Мы можем до этого поговорить?

— С удовольствием. В моем расписании на сегодня только доклад о недержании, а его я охотно пропустил бы.

Йоакиму давно хотелось поговорить с кем-то, кто знал об Олуддене. Пастор в Марнэсе ему не поверил, а Мирья Рамбе думает исключительно о себе. Только в Герлофе, навестившем его на хуторе, он нашел внимательного слушателя.

— Я не спросил тогда на хуторе... Вы верите в привидения?

Герлоф покачал головой:

— Я и верю, и не верю. Я слышал много историй о привидениях, но ни разу их не видел. И существует столько теорий насчет привидений, например что это всего-навсего результат действия магнитных полей в старых домах.

— Или повреждения роговой оболочки глаза, — вставил Йоаким.

— Вот именно, — сказал Герлоф и после небольшой паузы прибавил: — Я могу рассказать историю, которую еще никому не рассказывал. Это единственное странное происшествие, которое со мной случилось.

Йоаким кивнул.

— Первая лодка появилась у меня в семнадцать лет, — начал Герлоф. — Я уже пару лет работал в море и накопил денег. И отец мне помог. Я точно знал, что мне нужно: одномачтовая моторная лодка под названием «Ингрид-Мария» из гавани Боргхольма. Владельцу, Герхарду Мартену, было лет шестьдесят, и он всю свою жизнь занимался лодками. Но потом у него случился инфаркт, и доктор запретил ему выходить в море. «Ингрид-Мария» оказалась выставлена на продажу. Цена, как сейчас помню, была три тысячи пятьсот крон.

— Это же дешево! — заметил Йоаким.

— Да, даже по тем временам цена была неплохая. В тот вечер, когда мне нужно было передавать деньги Мартену, я зашел в гавань, чтобы взглянуть на мою красавицу. Дело было в апреле. Лед уже растаял. Солнце садилось, и в гавани никого не было, кроме старика Герхарда. Он мерил шагами палубу «Ингрид-Марии», словно не решаясь оставить лодку. Я поднялся к нему на борт. Не помню, о чем мы говорили, но он показал мне, что нужно будет отремонтировать. Потом попросил позаботиться о лодке, и мы распрощались. Я пошел к отцу забрать конверт с деньгами и поужинать...

Герлоф замолчал, рассматривая фотографии на стенах. А через некоторое время снова заговорил:

— В семь вечера я поехал на велосипеде в дом семьи Мартенов на севере Боргхольма, но, приехав, застал дома только жену Герхарда всю в слезах. Оказалось, что Герхард Мартен мертв. Подписав контракт на продажу лодки днем раньше, он встал рано утром, пошел на пляж и

выстрелил себе в висок из ружья.

— Утром?

— Да. Когда я встретил Герхарда Мартена в гавани, он был уже мертв. Я не могу это объяснить, но я действительно видел его на лодке. Мы даже обменялись рукопожатиями.

— Так вы видели призрака, — медленно произнес Йоаким.

Герлоф внимательно на него посмотрел.

— Может быть. Но это ничего не доказывает. Это не доказывает того, что существует жизнь после смерти.

Йоаким, снова посмотрев на пакет на столе, сказал:

— Я волнуюсь за мою дочь, Ливию. Ей шесть лет, и она разговаривает во сне. С ней и раньше это бывало, но с тех пор, как умерла моя жена, Ливия только о ней и говорит. И дочке снятся сны...

— Что в этом странного? Мне самому часто снится моя покойная жена, хотя она умерла много лет назад.

— Да... Но это все время один и тот же сон. Ливии снится, что мама пришла в Олудден, но не может войти в дом.

Герлоф молча слушал.

— И иногда ей снится Этель, — продолжил Йоаким. — Это волнует меня больше всего.

— Кто это? — спросил Герлоф.

— Этель была моей старшей сестрой. На три года старше меня. — Йоаким вздохнул. — Это моя собственная история с привидением.

— Расскажите, — попросил Герлоф.

Йоаким устало кивнул, чувствуя необходимость высказаться.

— Этель была наркоманкой, — сообщил он. — Она умерла зимой рядом с нашим домом... Год назад, за две недели до Рождества.

— Соболезную.

— Спасибо. Я солгал вам при прошлой встрече, когда вы спросили, зачем мы с женой продали виллу и переехали сюда. Причиной была смерть моей сестры. Мы больше не могли оставаться там...

Йоаким замолчал. Трудно было говорить о смерти Этель и последовавшей депрессии Катрин.

— Вы скучаете по сестре? — спросил Герлоф.

Йоаким задумался.

— Немного, — наконец ответил он.

Это прозвучало цинично, поэтому он прибавил:

— Я скучаю по той Этель, какой она была до того, как пристрастилась к наркотикам. По Этель, у которой было множество планов. Она мечтала

открыть салон красоты, стать учительницей музыки. Она ничего так и не осуществила. Наркотики медленно ее убивали. Это было все равно что смотреть на человека в горящем доме и быть не в состоянии ему помочь.

— С чего это началось? — деликатным тоном произнес Герлоф. — Я почти ничего не знаю о наркотиках.

— Она начала с гашиша. Курила на вечеринках и концертах. Этель играла на пианино и гитаре и постоянно тусовалась со своими ровесниками... Она меня тоже научила играть, — улыбнулся Йоаким.

— Вы ее любили.

— Да. Этель была веселой. Привлекательной. Мальчики ее обожали. А она обожала вечеринки и клубы. И метамфетамин. Употребляя наркотики, она похудела на десять килограммов. Она все реже появлялась дома. Потом умер от рака папа, и, я думаю, именно после этого она начала употреблять героин... Она стала похожа на скелет. Худая, бледная, голос хриплый...

Йоаким сделал глоток кофе и продолжил:

— Наркоманы не знают, что у них зависимость. Они не видят ничего плохого в том, чтобы выкурить косячок или съесть таблетку, но рано или поздно переходят на инъекции. Потому что так дешевле. И доза героина нужна меньше. Но все равно им нужно по меньшей мере пятьсот крон в день на наркотики. Это большие деньги. Поэтому они начинают воровать. Причем им неважно, у кого. Могут обокрасть даже родную мать, забрать фамильные драгоценности и отнести в ломбард...

Он посмотрел на подсвечник, помолчал и снова заговорил:

— На Рождество, когда мы ужинали у мамы, возле стола всегда стоял пустой стул. Этель обещала каждый раз, что придет, но всегда оставалась в городе искать наркотики. Для нее это было обычное повседневное занятие. И мы ничего не могли поделать. — Он так погрузился в свой рассказ, что даже не следил, как на него реагирует Герлоф. — Вы не представляете, каково знать, что твоя сестра ворует, чтобы достать денег на наркотики, и пытаться об этом не думать, но при этом каждое утро отправляться на работу, ужинать с семьей и ремонтировать дом по выходным. — Йоаким опустил глаза. — В такой ситуации можно или забыть, или идти на поиски. Мой отец часто искал Этель по ночам, пока не заболел. Я тоже. На улицах, площадях, в метро, в вытрезвителях... Мы быстро научились определять, где она может быть.

Йоаким замолчал, вспоминая те ужасные времена, бомжей, наркоманов, алкоголиков на темных улицах большого города.

— Это, должно быть, было очень тяжело, — проговорил Герлоф.

— Да, и все же я мог бы чаще ее искать, — со вздохом сказал Йоаким.

— Но могли и бросить это вообще.

Йоаким кивнул. Ему нужно было рассказать еще про один случай, самый тяжелый из всех.

— В ту зиму Этель была в реабилитационном центре, — снова продолжил он. — Когда она поступила туда, она весила сорок пять килограммов. Все тело ее было в синяках, под глазами залегли черные круги. Но когда она вернулась в Стокгольм, она выглядела лучше, набрала вес и уже три месяца не принимала наркотики. Мы разрешили ей пожить в комнате для гостей. Все было хорошо. Она играла с Ливией по вечерам. Им было хорошо вместе. — Йоаким помнил, как он и Катрин снова обрели надежду, как они отважились доверять Этель. Конечно, они все еще не приглашали домой гостей, но оставляли на его сестру детей, когда отправлялись на прогулку. — Однажды мы с Катрин пошли в кино. Вернувшись через пару часов, мы нашли виллу пустой. Только Габриэль лежал в колыбельке насквозь мокрый. Этель сбежала, забрав с собой мой мобильный телефон... и Ливию. — Он зажмурился. — Я сразу понял, куда направилась моя сестра. В город покупать наркотики. Как сотни раз прежде. Покупала ампулу за пятьсот крон, делала укол в туалете и ловила кайф, пока снова не начиналась ломка. Но на этот раз с Этель была Ливия.

Йоаким никогда не забудет холодный липкий страх, охвативший его тогда. Он в панике бросился к машине и поехал в центр. Он смертельно боялся, что с Ливией что-то может случиться.

— В конце концов я нашел ее, — сказал он, посмотрев на Герлофа. — На кладбище рядом с церковью Святой Клары. Она заснула рядом с чьим-то склепом. Рядом с ней сидела Ливия. На ней не было куртки, она была холодной как лед и не реагировала на мои слова. Я вызвал «скорую» и отправил Этель в больницу, а потом повез домой Ливию... Катрин вынудила меня сделать выбор. И я выбрал семью.

— Вы сделали правильный выбор, — заметил Герлоф.

Йоаким кивнул, хотя на самом деле он не хотел выбирать.

— С того вечера я запретил Этель приходить в наш дом, но она не слушалась. Мы не пускали ее внутрь, но она приходила два-три раза в неделю и стояла перед калиткой, смотря на дом. Иногда она вскрывала почту, ища в конвертах деньги или чеки. Иногда с ней был какой-нибудь парень... тощий как скелет, в отвратительных грязных лохмотьях.

Перед его внутренним взором возникла сестра, какой он ее видел в последний раз — с синим от холода лицом и спутанными волосами.

— Этель всегда кричала, — продолжил он. — Кричала всякие гадости о Катрин и обо мне. В основном о Катрин. Она вопила и вопила, пока

соседи не начинали звонить с жалобами, и мне приходилось выйти и дать ей денег.

— Это помогало?

— Какое-то время. Потом она снова возвращалась. Это превратилось в заколдованный круг. Мы с Катрин просыпались посреди ночи от ее криков... Но, выглянув в окно, видели только пустую улицу.

— Ливия была дома?

— Да.

— Она слышала крики?

— Думаю, да. Она ничего об этом не говорила, но не могла не слышать.

Йоаким снова зажмурился.

— Это было ужасное время. И Катрин начала желать Этель смерти. Она говорила об этом в постели. Что хочет, чтобы Этель употребила наркотик в таком количестве, чтобы ее организм с ним не справился. Ведь рано или поздно передозировка случается у всех наркоманов. Боюсь, мы оба на это надеялись.

— И так и случилось?

— Да. Телефон зазвонил в двенадцать ночи. Я сразу понял, что это касается Этель. Это всегда касалось Этель. — Всего год прошел, подумал Йоаким, а кажется, будто десять лет. — Звонила наша мать Ингрид. Она рассказала, что Этель нашли утонувшей неподалеку от нашей виллы. Катрин в тот вечер слышала, как она кричала у калитки и как потом крики стихли. Она говорила, что, когда выглянула в окно, Этель уже не было. Она пошла к морю. Этель присела на дамбе, чтобы сделать себе укол, и, отключившись, упала в ледяную воду. Она умерла мгновенно.

— Вас дома не было?

— Я вернулся позже. Мы с Ливией были на дне рождения.

— Наверно, это к лучшему.

— Я надеялся, что на этом все закончится. Но я продолжал просыпаться по ночам. Мне мерещились крики Этель с улицы. А у Катрин началась депрессия. Дом был отремонтирован, но мы не могли чувствовать себя в нем спокойно. И мы начали говорить о том, чтобы переехать, скорее всего на Эланд. Вот так мы оказались здесь.

Йоаким замолчал и посмотрел на часы. Двадцать минут пятого. Ему казалось, что он говорил целую вечность.

— Я должен ехать забирать детей, — сказал он.

— Кто-нибудь спрашивал вас о том, как вы себя чувствовали после того, что случилось? — спросил Герлоф.

— Я? Я чувствовал себя нормально.

— Мне так не кажется.

— Вы знаете, мы никогда это не обсуждали в нашей семье. Даже проблему Этель мы не обсуждали. Никто не захочет рассказывать людям, что его сестра наркоманка. Катрин единственная знала... Это я втянул ее во всю эту историю.

— Чего хотела Этель? — спросил Герлоф. — Почему она все время приходила к вам под окна? Ей нужны были деньги на наркотики?

Йоаким надел куртку.

— Не только это, — медленно произнес он. — Она хотела вернуть свою дочь.

— Дочь?

Йоаким заколебался. Об этом трудно было говорить, но все же он ответил:

— Ее отец погиб от передозировки. Я и Катрин были ее крестными родителями, и нам поручили заботу о ней. Год назад мы ее удочерили. Ливия теперь официально наша дочь.

— Но на самом деле она ребенок Этель?

— Больше нет.

Тильда сообщила о найденном фургоне в центральный полицейский участок и попросила за ним присматривать. Но Эланд — большой остров, и за всеми транспортными средствами не уследишь.

О чем она не сообщила, так это о словах Герлофа об убийстве на хуторе Олудден. У нее не было никаких доказательств того, что к дамбе действительно приставала лодка, а одной порванной кофты было недостаточно.

— Я вернул одежду Йоакиму Вестину, — сообщил Герлоф Тильде по телефону.

— Ты рассказал ему о своей... теории?

— Нет, случай был неподходящий. Его психика расшатана, сейчас он поверит во все что угодно... Даже в то, что ее убил призрак.

— Призрак?

— Призрак сестры Вестина — наркоманки.

Герлоф рассказал Тильде всю историю несчастной семьи Вестинов.

— Так вот почему они уехали из столицы, — проговорила Тильда. И заключила: — Бежали от воспоминаний.

— Это была одна из причин. Им нравился Эланд.

Тильда вспомнила, как плохо выглядел Йоаким, когда они его навещали.

— Мне кажется, ему нужно поговорить с психологом... или со священником.

— Так я на роль исповедника не гожусь? — усмехнулся Герлоф.

Почти каждый вечер Тильда проходила мимо почтового ящика и каждый раз была близка к тому, чтобы достать из сумки письмо, адресованное жене Мартина, и отправить его. Это было все равно что носить с собой топор: от нее зависело счастье другого человека, и это ощущение безграничной власти было для нее ново. Конечно, счастье Мартина тоже теперь зависело от нее. Он продолжал звонить и спрашивать, как у нее дела. Тильда отвечала односложно, боясь, что бывший любовник спросит, нельзя ли ее навестить.

Две недели прошли спокойно, но потом позвонили из Стенвика, что на западном побережье. Мужчина на местном диалекте сообщил, что его зовут Джон Хагман. Имя было ей знакомо: Герлоф его упоминал.

— Я слышал, вы ищете грабителей, — прибавил он.

— Да, — подтвердила Тильда, — я хотела вам позвонить.

— Герлоф мне сказал.

— Вы видели грабителей?

— Нет.

Хагман молчал. Тильда вынуждена была спросить:

— Может, вы видели что-то странное?

— Да, они были в деревне.

— Недавно?

— Не знаю. Осенью... Залезли в несколько домов.

— Я приеду. Как мне вас найти?

— Здесь только я и остался.

Тильда вышла из машины в небольшой деревне в ста метрах от пролива. Оглядевшись по сторонам, она подумала о своих предках, когда-то живших в этих местах. Как они смогли выжить в этом пустынном и каменистом месте, открытом всем ветрам?

Невысокий пожилой мужчина в синем комбинезоне и коричневой кепке вышел ей навстречу.

— Хагман, — назвалса он.

И, вытянув руку, показал пальцем на коричневую виллу с большими окнами:

— Там. И в соседний дом они залезли тоже.

Одно из окон сзади дома было открыто. Подойдя ближе, Тильда обнаружила, что оно взломано. На веранде не было следов — только щепки и штукатурка. Тильда заглянула внутрь дома. Там царил беспорядок: одежда и вещи были раскиданы по полу.

— У вас есть ключ, Джон? — обратилась Тильда к Хагману.

— Нет, — ответил тот.

— Тогда придется лезть в окно.

Тильда оперлась руками в перчатках на подоконник и влезла на него. Спрыгнув на пол, она оказалась в чулане. Щелкнув выключателем, молодая женщина поняла, что электричество отключено. Но и без света она видела, что здесь побывали воры. Они вскрыли все ящики и коробки, вывернув содержимое на пол. И когда она вышла в гостиную, под ногами у нее оказалось битое стекло, как и недавно на хуторе Хагельбю.

Тильда пригляделась. Среди битого стекла лежали небольшие деревянные детали, в которых с трудом угадывались остатки деревянного корабля из бутылки.

Парой минут позже она выбралась обратно через окно. Хагман ждал ее снаружи.

— Они были здесь, — сказала она. — Много всего побили и испортили.

Тильда показала пластиковый пакет с остатками кораблика, которые она бережно собрала с пола:

— Это Герлоф сделал.

Хагман с грустью взглянул на пакет и кивнул:

— У него тут дом. Он делал эти модели и продавал дачникам.

Тильда сунула пакет в карман со словами:

— И вы не видели и не слышали ничего подозрительного по ночам?

Хагман покачал головой.

— Никаких чужих машин?

— Нет. Дачники уезжают в августе. В сентябре здесь были только работники одной фирмы. Они клали пол.

— Работники? — переспросила Тильда.

— Да, они работали в доме несколько дней, но, уезжая, все тщательно закрыли.

— Вы уверены, что это была не сварочная компания? «Кальмар. Сварочные работы»?

Хагман покачал головой:

— Нет, они клали пол. Молодые ребята.

Тильда вспомнила новый блестящий пол на хуторе в Хагельбю и подумала, что наконец-то нашла что-то общее между ограблениями.

— Вы с ними говорили?

— Нет.

Тильда прошла с Хагманом по деревне и записала, в каких домах были разбиты или взломаны окна.

— Нужно сообщить владельцам, — сказала она, возвращаясь к машине. — У вас есть их координаты?

— Только самых приличных из них, — ответил Хагман.

Вернувшись в участок, Тильда обзвонила дома, хозяева которых сообщали об ограблении осенью. В четырех из них в последнее время клали новый пол или полировали. И все владельцы пользовались услугами местной эландской фирмы «Марнэс. Паркет и пол».

Она позвонила даже на хутор Хагельбю. Хозяин, Гуннар Эдберг, был уже дома. Рука у него была по-прежнему в гипсе, но чувствовал он себя лучше. Он и его жена тоже нанимали фирму из Марнэса.

— Они все сделали очень быстро. Летом за пять дней. Но мы их не видели — мы были в Норвегии.

— Но вы выдали им ключ, хотя не были с ними знакомы?

— Это надежная фирма, — ответил Эдберг. — Мы знаем владельца. Он живет в Марнэсе.

— У вас есть его телефон?

Получив номер, Тильда позвонила в фирму «Марнэс. Паркет и пол». Ей нужно было только узнать имена всех рабочих, укладывавших пол на Эланде за последние три года. Она подчеркнула, что их ни в чем пока не подозревают и что она будет признательна, если хозяин ничего им не станет сообщать.

Владелец фирмы назвал имена рабочих: Никлас Линделл и Хенрик Янсон — и дал адреса обоим.

«Хорошие парни, — заверил он. — Надежные, аккуратные, способные. Иногда работают в паре, иногда поодиночке. Пол в домах они обычно кладут, когда хозяева в отъезде. На дачах же работают, когда уже закончен сезон. У них всегда много работы».

Поблагодарив, Тильда попросила список домов, в которых Никлас Линделл и Хенрик Янсон работали летом и осенью. Владелец фирмы ответил, что эта информация у него есть только в офисе в компьютере и что он пришлет ее по факсу.

Положив трубку, Тильда ввела фамилии Линделл и Янсон в полицейскую базу. Оказалось, что Хенрик семь лет назад был оштрафован за то, что вел машину, не имея водительских прав. На момент правонарушения ему было семнадцать лет. Больше ничего она не нашла. В это время заработал факс, и Тильда получила список адресов, где работала фирма «Марнэс. Паркет и пол». Тильда сразу определила, что из двадцати двух заказчиков семеро сообщили об ограблениях. Линделл клал пол только в двух домах, а вот Хенрик Янсон работал во всех.

Тильда ощутила азарт, который охватывает охотника при появлении оленя. Затем она заметила среди адресов Олудден. В августе Хенрик Янсон работал на хуторе. В скобках было отмечено: циклевка пола, первый этаж.

Что это значило? Хенрик Янсон жил в Боргхольме, и, если верить календарю, сегодня он клал пол в Бюкселькроке, поэтому не имело смысла разговаривать с ним сейчас. Ей нужно собрать больше доказательств, прежде чем вызывать человека на допрос. Внезапно ее мысли прервал звонок телефона. Тильда взглянула на часы. Почему-то она сразу поняла, кто звонит.

— Полицейский участок Марнэса. Давидсон.

— Привет, Тильда, — произнес Мартин. — Как ты?

Интуиция ее не обманула.

— Хорошо, — ответила она, — но я сейчас занята. У меня важные

дела.

— Подожди, Тильда.

— Пока.

Она положила трубку, даже не пытаясь узнать, что Мартин хотел ей сообщить. Как хорошо, что у нее появилось что-то, о чем можно думать, помимо Мартина Альквиста. Сейчас важнее всех мужчин для нее укладчик полов Хенрик Янсон. Когда она его поймает, она задаст ему два вопроса: почему он покалечил пенсионера и почему разбил кораблик, сделанный Герлофом?

Зима 1960 года

Лето в тот год выдалось дождливое, и, как следствие, зима была суровой. Намного холоднее предыдущей. В январе и феврале школы и детские сады были закрыты по понедельникам, потому что дороги не успевали очистить от снега.

Мирья Рамбе

Торун продолжала рисовать, несмотря на то что зрение ее сильно испортилось после той бури. Читать она больше не могла, но продолжала рисовать.

Очки не помогали. В Боргхольме мы раздобыли галогеновую лампу, которая освещала крохотную комнатку на Олуддене ярким белым светом. Ощущение было такое, словно мы живем в фотостудии, — но благодаря этой лампе мама могла работать. Она сидит посреди комнаты, залитой белым светом, и рисует свои самые мрачные полотна.

Она нервно водит кистью по полотну — я слышу этот специфический звук, как будто крыса скребется за стеной. Мама рисует шторм, в который попала прошлой зимой. Она очень близко наклоняется к мольберту, буквально утыкается в него носом, отчего его кончик у нее всегда испачкан. Рисуя, она так пристально вглядывается в мазки, что я знаю: она все еще не может забыть мертвых в торфянике в тот день.

Она рисует картину за картиной, но никто не хочет их покупать — поэтому они хранятся в сухом чулане, свернутые в рулоны.

Я тоже рисую, когда остаются краска и бумага, но это бывает все реже и реже. Денег нет, и Торун уже не может работать уборщицей из-за плохого зрения.

В начале ноября Торун исполнилось сорок девять. Она отметила день рождения одна бутылкой красного вина. Торун говорит, что ее жизнь закончилась.

А моя, кажется, так и не начиналась.

Мне восемнадцать лет. Я окончила школу и пока убираю вместо Торун в надежде на лучшее. Только сейчас я поняла, что пятидесятые закончились, а я этого даже не заметила. Лишь обнаружив старые журналы,

я поняла, что в пятидесятых были не только Сталин и атомные бомбы, но и золотые годы тинейджеров в белых носках, с вечеринками и рок-н-роллом. Всего этого в деревне у нас, конечно, не было. Радиоприемник был таким старым, что единственным звуком, который мы слышали, был треск. Летом на острове было хорошо, но за тремя месяцами спокойного моря и солнца следовали девять месяцев темноты, холодного ветра, размытых дорог, мокрой одежды и замерзших ног. Единственным утешением для меня в тот год был Маркус.

Маркус Ландквист приехал из Боргхольма осенью и поселился на Олуддене. Маркусу девятнадцать лет, он на год старше меня. Он подрабатывал на фермах, ожидая призыва в армию.

Маркус не был моей первой любовью, но он был первым, с кем я осмелилась на что-то большее, чем просто невинный флирт. Все мои предыдущие влюбленности ограничивались тем, что я стояла и смотрела на понравившегося мне мальчика в школьном дворе, втайне надеясь, что он подойдет ко мне и дернет за косичку.

Маркус самый красивый парень в деревне. По крайней мере, для меня. Он высокий, и у него прекрасные светлые волосы, которые мне очень нравятся.

— Ты знаешь, что на хуторе Олудден водятся привидения? — спросила я, когда мы первый раз столкнулись на кухне.

— Вот как?

Он не выразил ни удивления, ни интереса, но я уже начала говорить, и нужно было продолжить.

— Мертвые живут в сарае, — сказала я. — Они шепчут сквозь стены.

— Это просто ветер, — заявил Маркус.

Это не было любовью с первого взгляда. Мы начали общаться. Я изображала из себя скромницу, Маркус молчал и бросал на меня жаркие взгляды. Я чувствовала, что нравлюсь ему. По вечерам я думала о Маркусе перед сном и мечтала, что мы вдвоем сбежим с хутора.

Мы единственные на хуторе, у кого есть хоть какая-то надежда на лучшее будущее. Торун уже сдалась, а остальным престарелым обитателям хутора достаточно работы в поле днем и сплетен — вечером.

Иногда они пьют самогон с рыбаком Рагнарсом Давидсоном. До меня доносится их смех из кухни в доме.

Мы все вместе живем на Олуддене, но каждый живет своей отдельной жизнью, в своем маленьком мире, отгороженном от всех остальных. В ту зиму я обнаружила сеновал над коровником. Там почти не осталось сена, зато полно всяких вещей, оставленных прежними обитателями хутора. В

течение десятков лет сеновал превратился в настоящий музей, наполненный старыми веслами, сундуками, книгами и удочками. Мне приходится отставлять коробки в сторону, чтобы пробраться вглубь сеновала. Там на дальней стене вырезаны имена и годы.

Каролина, 1868.

Петер, 1900.

Грета, 1943.

И много других имен. Почти на каждой доске вырезано имя.

Я стою и читаю их одно за другим, пораженная тем, как много людей погибло на хуторе Олудден. И мне кажется, что они здесь, рядом со мной, на сеновале.

Больше всего мне хочется показать сеновал Маркусу.

Сумерки сгустились над сушей и морем.

Одинокий фонарь на повороте зажигался все раньше и раньше, и Йоакиму казалось, что весь день стоит ночь. Несмотря на это, Йоаким не прекращал работу по дому, пытаясь почувствовать гордость за то, что он сделал своими руками.

Первый этаж был практически готов. Обои наклеены, двери и окна окрашены, пол отшлифован, мебель — та, что была, — расставлена. Йоакиму следовало купить новую мебель, но денег не хватало, а работу он так и не начал искать. Пока в его распоряжении были только шкаф восемнадцатого века и столовый гарнитур. К потолку Йоаким подвесил большую хрустальную люстру, а на подоконниках расставил старинные подсвечники.

Фасадом Йоаким еще не успел заняться, да и денег не было, — но он надеялся, что предыдущие обитатели хутора на него не в обиде. Ему даже хотелось, чтобы они оценили плоды его трудов. Иногда ему казалось, что он слышит их шаги на втором этаже и голоса, шепчущие в пустых комнатах. Но только не Этель. Ей сюда вход воспрещен. Слава богу, она перестала являться Ливии во снах.

— Вы приедете ко мне на Рождество? — спросила мать Йоакима, когда он позвонил ей в середине декабря.

В голосе Ингрид слышно было волнение, и Йоакиму не хотелось ее разочаровывать.

— Нет, — поспешил он ответить, глядя в окно.

Дверь в коровник снова была открыта. Он ее не открывал.

Можно было, конечно, сказать себе, что это дело рук детей или дверь открыл ветер, но Йоаким знал: это был знак от Катрин.

— Нет?

— Нет, — повторил он. — Мы решили остаться здесь на Рождество. На хуторе.

— Одни?

«Нет», — подумал Йоаким, но вслух произнес:

— Одни. Если, конечно, мать Катрин Мирья не заглянет, но мы об этом еще не говорили.

— А вы не могли бы...

— Мы приедем на Новый год, — пообещал Йоаким. — Тогда и

обменяемся подарками.

Рождество все равно будет мрачным, где бы он его ни праздновал.

Какой праздник без Катрин.

Рано утром Йоаким сидел в детском саду и смотрел, как дети отмечают День святой Люсии. Одетые в белоснежные наряды, с искусственными свечами в волосах, шестилетние девочки нервно улыбались своим родителям, снимавшим праздник на видео.

Йоакиму не нужна была видеокамера, потому что он никогда не забудет, как пели Ливия с Габриэлем. Он смотрел на детей и вертел на пальце обручальное кольцо, гадая, как счастлива была бы Катрин, будь она сейчас рядом.

На следующий день после праздника на остров налетел первый зимний шторм. Крупные градины ударяли в окна, грозя их пробить. В море бушевали волны, ломая хрупкий первый лед, успевший образоваться у берега, заливая каменную дамбу и закручиваясь в воронки около маяков.

Когда шторм был в самом разгаре, Йоаким позвонил Герлофу Давидсону, знавшему о погоде все.

— Кажется, начался первый зимний шторм, — сказал Йоаким.

Герлоф фыркнул в трубку, сказав:

— Это шторм? Нет, это не шторм. Шторм еще будет... И мне кажется, это случится еще до Нового года.

На рассвете ветер стих, и выглянуло солнце. Проснувшись, Йоаким обнаружил, что весь двор укрыт снежным покрывалом. Кусты под окном тоже оделись в белоснежный наряд, а у берега вода образовала ледяную кромку. За ней море быстро схватывало тонкой голубой пленкой льда, пронизанного черными прожилками трещин. Местами лед еще не схватился, и там зияли черные проруби. Прищурившись, Йоаким устремил взор на линию горизонта, но ее скрывал слепящий яркий свет.

После завтрака раздался телефонный звонок. Это была Тильда Давидсон, родственница Герлофа. Она сказала, что звонит по делу.

— Я хотела кое-что уточнить, Йоаким. Вы говорили, что никто не навещал вашу жену на хуторе. Но ведь она нанимала рабочих?

— Рабочих?

Вопрос был неожиданным, и Йоаким задумался.

— Я слышала, вы ремонтировали пол, — продолжила Тильда.

Теперь он вспомнил.

— Точно, — подтвердил Йоаким. — Но это было еще до моего приезда. Один парень приезжал шлифовать пол.

— Из Марнэса?

— Кажется, да. Фирму порекомендовал агент по продаже недвижимости. У меня где-то остался счет-фактура.

— В нем нет нужды. Вы помните, как звали работника фирмы?

— Нет, с ним общалась жена.

— Когда он у вас работал?

— В середине августа. За пару недель до того, как мы привезли мебель.

— Вы его видели?

— Нет. Только Катрин. Она уже жила здесь с детьми.

— И больше он к вам не заезжал?

— Нет, пол уже готов, — ответил Йоаким.

— Еще один вопрос. У вас не было незваных гостей осенью?

— Незваных? Что вы имеете в виду? — спросил Йоаким, думая только об Этель.

— Грабителей, — пояснила Тильда.

— Нет, слава богу. А почему вы спрашиваете?

— Много домов ограбили за осень.

— Знаю, читал в газетах. Надеюсь, вы поймаете воров.

— Мы над этим работаем.

Тильда положила трубку.

Следующей ночью Йоакима что-то разбудило.

Этель...

Тот же страх, что и раньше. Он поднял голову с подушки и посмотрел на часы. Двадцать четыре минуты второго.

Он запретил себе думать об Этель и прислушался. Может, Ливия снова кричит? Но в доме было тихо. Несмотря на это, Йоаким все же надел джинсы и кофту и вышел в коридор, не зажигая свет. Слышно было только тиканье часов, из спален детей не доносилось ни звука.

Тогда Йоаким прошел в прихожую и выглянул в окно. Одинокaя лампа освещала пустынный двор. И тут Йоаким заметил, что дверь в коровник снова открыта. Не до конца. Всего на полметра. Но Йоаким был уверен, что хорошо закрыл.

Дверь нужно закрыть.

Обувшись, он вышел во двор.

Небо было чистым и звездным, и красный огонек на южной башне ритмично мигал в такт биения сердца Йоакима. Подойдя к коровнику, он заглянул внутрь. Там было темно как в могиле.

— Эй! — крикнул Йоаким в темноту.

Никакого ответа.

Или? Ему показалось, что он слышит какой-то слабый звук в сарае. В темноте он нащупал рукой выключатель на стене и щелкнул им. Бледный свет залил помещение. Йоаким хотел крикнуть еще раз, но передумал. Снова раздался звук. Тихий, но упорный.

Йоаким подошел к крутой лестнице. Света лампы не хватало для освещения сеновала, но это не остановило Йоакима. Он начал подниматься вверх.

Он уверенно прошел по сеновалу, обходя старые вещи на полу. Теперь он знал лабиринт наизусть. Надо будет здесь прибраться. Но не сейчас. Сейчас его интересовала дальняя стена в конце сеновала.

Оттуда доносился звук.

Йоаким встал перед стеной, но не успел он прочитать имена, как снова раздался звук. Йоаким посмотрел вниз на пол. Это мяукал Распутин.

Кот сидел у стены, облизывая лапы. Он удивленно посмотрел на Йоакима, помешавшего его туалету. Вид у кота был довольный. И понятно было почему. Он хорошо поработал ночью. Перед Распутиным на полу лежали десять маленьких коричневых крыс, с которыми он расправился незадолго до его прихода. Распутин выложил убитых крыс в один ряд вдоль стены.

Это было похоже на жертвоприношение.

— Люди слишком много тревожатся по пустякам, — говорил Герлоф. — Ныне службу спасения вызывают даже при виде гусей за бортом. Раньше люди были умнее. Если уж лодка отделилась от берега и поднялся ветер, то, ничего не поделаешь, моряки просто заходили в ближайшую гавань, вытаскивали лодку на берег и спали, пережидая шторм. А как ветер стихнет, шли дальше.

Герлоф замолчал и погрузился в свои мысли. Тильда протянула руку и выключила диктофон, сказав:

— Хорошо. Правда, хорошо получилось, Герлоф?

— Да-да, хорошо, — признал старик.

Перед ним и Тильдой на столе стоял стаканчик глэгга.^[7] Неделя выдалась снежная, и Тильда решила захватить с собой бутылку вина, чтобы согреться.

Она подогрела сладкое красное вино в кухне, добавила изюма и миндаля и на подносе отнесла глэгг в комнату Герлофа. Когда Тильда вошла и поставила поднос на стол, старик уже достал откуда-то бутылку настойки и плеснул немного в стаканы.

— Как ты будешь отмечать Рождество? — спросил Герлоф, когда они допили глэгг, и Тильда ощутила, как внутри нее разливается блаженное тепло.

— В тихом семейном кругу, — ответила молодая женщина. — Я поеду к маме.

— Это хорошо.

— А ты, Герлоф? Не хочешь поехать со мной?

— Спасибо за приглашение, но я лучше останусь здесь есть манную кашу. Дочери пригласили меня к себе, но я не выдержу такой долгой поездки.

За столом стало тихо.

— Еще что-нибудь запишем на диктофон? — спросила Тильда.

— Можно.

— Ты так здорово рассказываешь. Я столько узнала о моем дедушке.

Герлоф кивнул:

— Я не рассказал самого главного.

— Чего же?

Герлоф явно колебался. Наконец он сказал:

— Рагнар в детстве многому меня научил... Он рассказывал о погоде и ветре, о рыбе и сетях... Научил меня самым разным вещам... Но, когда я повзрослел, я понял, что не могу во всем ему доверять.

— Нет?

— Я узнал, что мой брат нечестный человек.

Между стариком и молодой женщиной снова повисла тишина.

— Рагнар был вором, — продолжил Герлоф после паузы. — Обычным вором. К сожалению, другими словами это назвать нельзя.

Тильда подумала было отключить диктофон, но не стала.

— Что же он воровал? — спросила она тихо.

— Он крал все, что только мог. Выходил по ночам в море и проверял чужие сети... Еще помню, однажды в Олудден привезли полуметровые медные трубы. Один ящик с трубами остался стоять на улице, и Рагнар его прихватил. Ему не нужны были трубы, но у него был ключ от маяка. Так что он спрятал ящик там. Он наверняка до сих пор так там и стоит. Брат украл просто потому, что не мог упустить подходящего случая. Он никогда не проходил мимо того, что плохо лежало. Вот так вот.

Герлоф сидел, наклонившись вперед; вид у него был взволнованный.

— Разве ты никогда не брал чужого? — спросила Тильда.

Старик покачал головой:

— Нет. Иногда я лгал насчет цен за перевозку другим фрахтовщикам. Но я никогда ничего не крал и никому намеренно не причинял боли. Я верю в то, что люди должны помогать друг другу.

— Ты прав, — признала Тильда. — На этом и держится общество.

Герлоф снова кивнул и сказал:

— Я редко вспоминаю старшего брата.

— Почему?

— Он так давно умер. Воспоминания постепенно стирались из памяти...

— Когда ты видел его в последний раз?

Прошла пара минут, прежде чем Герлоф вспомнил:

— У него дома. Зимой тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Я поехал к нему, потому что он не отвечал на звонки. Мы поссорились. Если это можно назвать ссорой. Мы просто стояли и говорили друг другу гадости. Это был наш способ ссориться.

— Из-за чего вы поссорились?

— Из-за наследства. Не то чтобы оно стоило того, но...

— Какого наследства?

— Наследства, оставленного родителями.

— А что с ним случилось?

— Оно исчезло. Рагнар его забрал, не сказав мне ни слова. Он был очень жаден до денег... Особенно чужих.

Тильда смотрела на диктофон, не зная, что сказать.

— Рагнар очень скверно со мной обошелся, — продолжал Герлоф, качая головой. — Он забрал все вещи из родительского дома в Стенвике, распродал их на аукционе, дом продал дачникам и забрал себе все деньги. И отказывался это обсуждать. Только злобно смотрел на меня, как будто недоумевая, что я отважился подозревать его в чем-то.

— Он действительно забрал все?

— Я успел взять только пару памятных для меня вещей, а все деньги заграбастал Рагнар. Он считал, что мне они ни к чему.

— А почему ты ничего не сделал?

— А что я мог сделать? Подать в суд на родного брата? Здесь на острове мы так не поступаем. Вместо этого мы перестали общаться. Даже с братьями такое случается.

— Но...

— Рагнар считал, что все принадлежало ему по праву первородства. Он же был старшим братом. Он всегда брал то, что хотел, и не желал ни с кем делиться. Мы расстались врагами. А осенью он вышел на лодке в море во время шторма и замерз по дороге домой. — Герлоф вздохнул. — Братская любовь... Об этом написано еще в Библии. Помнишь историю про Каина и Авеля? Даже брат может стать врагом.

Тильда с грустью взглянула на диктофон и выключила его.

— Я, наверно, сотру последнюю запись. Не потому, что я не верю тебе, Герлоф, но...

— Пожалуйста, — сказал старик.

Когда Тильда убрала диктофон в сумку, Герлоф заметил:

— Мне кажется, я теперь знаю, как это устройство работает. По крайней мере, знаю, на какие клавиши нужно нажимать... Ты не могла бы оставить его мне на время? — прибавил он.

— Диктофон?

— Я хотел бы кое-то записать.

— Конечно. — Тильда вынула диктофон. — Записывай сколько хочешь. Вот чистые кассеты.

Вернувшись в участок, Тильда нажала кнопку автоответчика. Она начала прослушивать сообщение, но, узнав голос Мартина, со вздохом выключила автоответчик. Мартин подождет.

Приближалось Рождество. Ливию и Габриэля отпустили на каникулы, и Йоаким решил в честь этого свозить их в Боргхольм.

На улицах города было много народу. Все запасались подарками к празднику. Йоаким с детьми заехали в супермаркет, чтобы купить продукты на Рождество.

— Что будем есть на праздник? — спросил Йоаким.

— Жареную курицу с картошкой фри! — крикнула Ливия.

— Морс, — заявил Габриэль.

Йоаким купил курицу, картошку и морс детям, а себе колбасу, пиво, хлеб, фарш для фрикаделек и копченого угря, выловленного в водах Балтийского моря. Он не забыл купить и килограмм любимого сыра Катрин, который она всегда ела на Рождество с хлебом и маслом. Это была странная покупка, но еще более странным было то, что неделей раньше Йоаким купил покойной жене подарок на Рождество. Он поехал в Боргхольм выбирать подарки детям и в витрине магазина увидел светло-зеленую тунику. Как раз такую, какая понравилась бы Катрин. Он пошел в магазин игрушек, а по дороге назад купил тунику.

— Упакуйте, пожалуйста... Это подарок, — сказал он продавщице и вскоре получил красный пакет, перевязанный белой лентой.

На парковке перед продуктовым магазином продавали елки. Йоаким купил огромную королевскую ель высотой до потолка. Привязав елку к багажнику, он поехал домой.

Было холодно. Десять градусов ниже нуля. Но ветра не было. Земля покоилась под легким снежным покровом, и лед у берега начал нарастать. Пар вырывался изо рта Йоакима белыми облачками, когда он, напрягая силы, вносил подарки и елку в дом. Наверняка в ветвях сотни насекомых, но холод должен был их убить, решил Йоаким.

И подумал: «Это самый лучший способ умереть — заснуть и замерзнуть, так и не проснувшись».

Йоаким установил елку в зале, где уже стоял обеденный стол со стульями. Но даже так комната казалась пустой. Ощущения праздника не было.

В последние дни перед Рождеством семейство Вестин было занято уборкой и подготовкой к празднику. Из коробки они достали подсвечники,

рождественский вертеп, красно-белые праздничные полотенца, звезды, соломенного козла и такого же поросенка, которых поставили под елку.

Ливия и Габриэль помогали отцу наряжать елку. В саду они делали бумажные украшения и гирлянды и деревянные фигурки, которые теперь развесили как сумели — то есть на нижние ветви. На верхние Йоаким повесил шарики, дождик, посыпал хвою блестками, а на верхушку елки водрузил звезду из золотой фольги. Подсоединил электрическую гирлянду — и елка была готова.

В последнюю очередь он достал из сумок подарки детям и положил под елку вместе с подарком Катрин.

В комнате повисла тишина.

— Мама вернется? — спросила Ливия.

— Может быть, — проговорил Йоаким.

Дети перестали спрашивать о Катрин, но он знал, что они по ней скучают. Особенно Ливия. Для детей не существует границы между возможным и невозможным. Эти границы придумали взрослые. Нужно только очень сильно чего-то хотеть, чтобы это стало возможным.

Как было бы чудесно увидеть Катрин еще один, пусть последний, раз. Попрощаться с ней как подобает.

Метеорологи предупредили, что к острову приближается шторм, но, выглянув утром в окно, Йоаким не заметил на небе ни облачка. Солнце ярко светило, ветра почти не было, и температура повысилась до шести градусов ниже нуля. Но затем он перевел взгляд на место под кухонным окном, где обычно собирались птицы, и убедился в том, что шторм действительно будет.

Несмотря на то что в кормушках было достаточно зерна и сухарей, поблизости не видно было ни одной птицы. Распутин, сидевший рядом с Йоакимом, тоже с явным разочарованием разглядывал кормушки.

На море тоже было пустынно. Ни лебедей на воде, ни чаек над волнами. Где же все птицы укрылись? Им не нужно слушать прогноз погоды, они чувствуют приближение шторма инстинктивно.

За день до Рождества Йоаким позволил Ливии и Габриэлю лечь спать позже обычного. Он бы предпочел отвезти их в сад и остаться одному на хуторе, но у детей были каникулы, а значит, ближайшие две недели они проведут дома.

— Мама вернется сегодня? — спросила утром Ливия, вылезая из постели.

— Не знаю, — ответил Йоаким.

Но атмосфера на хуторе изменилась. Он это чувствовал, и дети это чувствовали. В воздухе застыло ожидание.

После завтрака Йоаким достал из упаковки свечи, купленные в Боргхольме. Раньше он и Катрин сами делали свечи вместе с детьми, но зато магазинные были ровные и красивые. Они одинаково хорошо смотрелись на подоконниках, на столе и в подсвечниках. Свечи для покойников.

Когда Йоаким, Ливия и Габриэль обедали, солнце еще светило, но сразу после обеда начало садиться. Йоаким тепло одел детей и повел на прогулку. Проходя мимо коровника, он бросил взгляд на дверь, но ничего не сказал. Молча они спустились к берегу. Небо по-прежнему оставалось чистым, но на горизонте оно потемнело, обещая приближение шторма.

У берега лед был тонкий и белый, а дальше в море — темно-синий... Детям нравилось кидать камешки на лед и смотреть, как они скользят по направлению к черным трещинам.

— Вам не холодно? — спросил Йоаким.

Габриэль кивнул. Нос у него был красный.

— Тогда идем домой.

Это был самый короткий день в году. Часы показывали половину третьего, а двор уже погрузился в темноту. Йоаким чувствовал, как с моря подул ветер.

Вернувшись в дом, он зажег свечи. С дороги их должно быть видно. Возможно, и с торфяника тоже.

После того как Ливия и Габриэль заснули, Йоаким надел куртку и, вооружившись карманным фонариком, вышел во двор. Ему снова надо было в коровник. В последние недели он туда заглядывал почти каждый день.

Небо все еще было ясным, под ногами похрустывала сухая снежная корка. Остановившись перед дверью, Йоаким оглянулся. Во дворе было темно, но все равно Йоакиму показалось, что за углом кто-то прячется. Худая женщина со спутанными волосами и злым взглядом. «Держись от меня подальше, Этель», — пробормотал Йоаким, распахивая дверь.

Войдя внутрь, он напряг внимание, надеясь услышать мяуканье Распутина, — но в коровнике было тихо.

Йоаким не сразу пошел к лестнице. Сначала он обошел пустые стойла на первом этаже, где раньше зимой держали скот. На дальней стене кто-то прибил ржавую подкову. Йоаким пригляделся к предмету, который якобы приносит счастье.

Свет от лампы сюда не доходил, и Йоаким достал фонарик. Осветив потолок, Йоаким предположил, что именно над ним находится потайная комната. Потом он опустил фонарик ниже. Кто-то чисто подмел каменный пол. Не во всем сарае, а только вдоль стены. Там было чисто. Ни соломинки, ни паутины, ни остатков сухого навоза.

Это могла быть только Катрин.

На стене, как занавес, висели старые рыболовные сети, и стена словно выгибалась наружу. Посветив фонариком, Йоаким приподнял сеть и увидел, что часть деревянной стены разобрана и видна каменная кладка. Но внизу стены, у самого пола, было отверстие не больше полуметра высотой. Шириной же отверстие было около двух метров. Движимый любопытством, Йоаким встал на колени и заглянул внутрь, но увидел только землю. Тогда он опустился на четвереньки и пополз. Он полз, пока не уткнулся в известняковую стену. Она была ледяной на ощупь. Страхнув паутину, Йоаким попробовал подняться и осмотреться. К своему удивлению, он обнаружил, что может встать. Поднявшись, он посветил вокруг себя фонариком и понял, что оказался в небольшом пространстве между внутренней и внешней стенами коровника и что в паре метров от него находится лестница, ведущая наверх.

Кто-то был здесь до него. Это видно было по следам в пыли. Катрин? Мирья говорила, что не слышала ни о какой тайной комнате. Конец лестницы исчезал в темноте. Йоаким посветил вверх и увидел в потолке четырехугольное отверстие, похожее на люк. Наверху было темно, но он без колебаний начал подниматься по лестнице.

Выбравшись через отверстие, он оказался на деревянном полу. Слева от него была некрашенная деревянная стена. Йоаким узнал доски и понял, что нашел потайную комнату за сеновалом. Выпрямившись, он посветил фонарем прямо перед собой. В бледном свете фонарика он увидел несколько рядов скамеек.

Церковные скамьи, понял Йоаким.

Он оказался в другом конце комнаты, больше всего напоминавшей часовню с высоким потолком, четырьмя скамьями и узким проходом сбоку.

Деревянные скамьи высохли и потрескались от времени. Сделаны они были из простого некрашеного дерева и напоминали своим видом средневековые изделия. Видимо, скамьи поставили сюда тогда же, когда построили коровник, потому что в комнате не было двери, через которую их можно было бы внести.

В часовне не было ни алтаря, ни кафедры, ни креста. Только на самом

верху под остроугольной крышей виднелось небольшое закопченное окно, под которым на гвозде висела какая-то картинка. Подойдя ближе, Йоаким разглядел страницу, вырванную из семейной Библии с гравюрами Доре. На ней была изображена женщина, скорее всего Мария Магдалина, которая с печалью и недоумением смотрела на камень, когда-то прикрывавший вход в пещеру, откуда исчезло тело Христа. Теперь камень лежал на земле, и взгляду женщины представляла пустая могила.

Йоаким долго смотрел на рисунок, потом обернулся и заметил, что на скамьях позади него что-то лежит. В слабом свете фонарика он увидел письма. Засохшие цветочные букеты. Пару детских туфель.

На одной из скамей лежало что-то белое, и, нагнувшись, Йоаким увидел вставную челюсть. Памятные вещи.

Там были плетеные корзинки с записками. Присев на одну из скамей, Йоаким достал записку из корзинки и прочел в свете фонарика:

Карл, забытый всеми, но не мной и Господом Богом нашим.

Сара

В другой корзинке лежала пожелтевшая открытка с улыбающимся ангелочком. Перевернув ее, Йоаким прочитал на обороте написанные чернилами строки:

Мое сердце тоскует по моей любимой сестре Марии. Молю Бога ежедневно о том, чтобы мы снова встретились.

Горящий Нильс Петер

Йоаким бережно вернул записку на место.

Эта комната была специально построена и обставлена для умерших людей. Их собственная церковь.

На другой скамье лежала какая-то книга. Йоаким поднял ее и понял, что это тетрадь с плотно исписанными страницами. Почерк был слишком мелкий, чтобы разобрать в темноте слова, но на титульной странице можно было различить название — «Книга штормов».

Йоаким сунул тетрадь в карман.

Поднявшись, он в последний раз огляделся по сторонам и вдруг

увидел дыру в стене позади скамей. Подойдя ближе, Йоаким узнал свою работу. Это он сам проломил стену, когда пытался попасть в потайную комнату две недели назад.

Тогда он сунул руку в отверстие и нащупал что-то мягкое. Теперь Йоаким понял, что это была свернутая синяя джинсовая куртка, которую он уже видел раньше.

Расправив куртку и прочитав надписи «Relax» и «Pink Floyd», Йоаким сразу понял, чья это куртка. Он видел ее сотню раз, когда выглядывал из окна Яблочной виллы на улицу.

Это была джинсовая куртка Этель, его покойной сестры.

Зима 1961 года

Это я обнаружила сеновал над коровником; я заманила туда Маркуса, и мы вместе там все исследовали. Это был мой первый и, наверно, самый лучший роман.

И, к сожалению, самый короткий.

Мирья Рамбе

Вечерами мы с Маркусом пробираемся на сеновал и в свете керосиновой лампы роемся в сундуках со старыми документами и разными вещами.

Это только на первый взгляд кажется, что на сеновале один мусор. Мы нашли там потрясающие вещи, способные много рассказать об истории хутора. Каждая семья смотрителя маяка оставила здесь следы своего пребывания. Все, что хранилось здесь, когда-то было частью их повседневной жизни, от которой теперь не осталось даже воспоминаний.

Через пару недель мы отнесли на сеновал все покрывала, какие только смогли найти в доме, и соорудили из них палатку. Добыв хлеба, вина и сигарет, мы прямо там устраивали пикники. Это было единственное наше развлечение на хуторе.

Я показала Маркусу стену с именами покойников, вырезанных на ней. Мы пальцами проводим по надписям и гадаем, какой смертью умерли эти несчастные.

Наши имена мы вырезали на полу, одно возле другого. После трех пикников на сеновале Маркус отважился поцеловать меня в губы. Большого я ему не позволила: меня все еще преследовали воспоминания о кошмарном докторе из столицы, — но одного поцелуя было достаточно, чтобы я ходила пьяная от счастья целую неделю.

Отныне я могу рисовать Маркуса открыто. И внезапно Олудден перестал казаться мне концом света, теперь мне кажется, что здесь только начало, начало нашей новой с Маркусом жизни и что отсюда мы сможем поехать, куда только захотим. Нам надо только пережить эту долгую суровую зиму.

Лето заставляет себя ждать, но в мае солнце уже светит вовсю, и луга зеленеют свежей травой. И именно сейчас Маркусу нужно ехать: его

призвали в армию на материк. Он уедет, но без меня.

Мы обещаем писать друг другу. Каждый день.

Я провожаю его на железнодорожную станцию в Марнэс. Молча стоим мы на перроне и ждем прибытия поезда. В этом году дорогу планируют закрыть, и настроение у пассажиров мрачное.

Маркус уехал, но Рагнар Давидсон продолжает причаливать к Олуддену.

Иногда мы даже обсуждаем с ним искусство, на самом примитивном уровне. Все началось с того, что я шла по коридору и заметила, что дверь в одну из комнат открыта. Войдя, я обнаружила там Рагнара разглядывающим картины на стенах.

Вероятно, он впервые увидел картины Торун, и они ему не понравились. Рагнар покачал головой.

— Как вам? — спросила я.

— Все какое-то серое и черное, — отвечает он, снова качая головой. — Слишком мрачно для меня.

— Так выглядит шторм в ночи, — говорю я.

— Тогда как по мне, он хреново выглядит.

— Это символические картины... — пытаюсь объяснить я. — Это шторм, но одновременно это душа, раненая душа... Душа женщины...

Давидсон только качает головой.

— Дерьмо, — заявляет он, плюясь.

Видимо, он не читал книг Симоны де Бовуар. Я, конечно, тоже не читала, но я хотя бы о ней слышала.

В последней попытке защитить талант Торун я говорю:

— Когда-нибудь они будут стоять больших денег.

Давидсон смотрит на меня как на помешанную, потом проходит мимо и выходит из комнаты.

Войдя в свою комнату, я вижу Торун у окна, и понимаю, что она все слышала. Она почти ослепла, но сейчас смотрит в окно. Я пытаюсь заговорить с ней, но Торун трясет головой.

— Рагнар прав. Это все мусор, — бормочет она.

После отъезда Маркуса я перестала подниматься на сеновал. Слишком многое там напоминает мне о нем. Мне грустно и одиноко. Конечно, мы пишем письма друг другу, как и обещали. Я пишу длинные письма, а в ответ получаю короткие.

Маркус в своих письмах рассказывает, чем он и другие новобранцы занимаются в армии; он пишет редко, но я продолжаю каждый день

опускать в почтовый ящик письма, полные моих чувств и планов на будущее. И вопросов. Когда мы снова увидимся? Когда у него отпуск? Когда он уйдет в самоволку?

Он не может пока ответить, но обещает, что скоро мы встретимся. Скоро.

Я чувствую, что мне нужно поехать повидать Маркуса. Но разве я могу уехать на материк и бросить Торун одну, слепую и беспомощную. Это невозможно.

Хенрик знал, что полиция им интересуется.

Два раза за последнюю неделю ему звонили из полиции и оставляли сообщение на автоответчике с просьбой явиться в участок, чтобы ответить на несколько вопросов. Он не пошел.

Конечно, рано или поздно они постучатся в дверь, но ему нужно было время, чтобы скрыть все следы своих преступлений. В первую очередь нужно было избавиться от краденых вещей, хранящихся в сарае на берегу.

— Нельзя их там больше держать, — сказал он по телефону Томми. — Вы должны все вывезти.

— О'кей, — безучастно произнес Томми. Хенрик не заметил, чтобы он нервничал. — Мы приедем в понедельник. В районе трех.

— И привезете бабки?

— Конечно, — ответил Томми. — Спокуха, парень.

Во вторник было Рождество, поэтому в понедельник Хенрик закончил работать уже в два и сразу поехал к сараю в Энслунде.

По радио метеорологи обещали сильный ветер и снег и давали штормовое предупреждение на Балтике. Это удивило Хенрика, потому что, глядя по сторонам из машины, он находил погоду хорошей; только далеко на горизонте виднелись серые тучи, но к тому времени, как они достигнут острова, он уже будет дома.

Внизу у моря было по обыкновению безлюдно. Припарковав машину рядом с белой лодкой, Хенрик вышел и огляделся по сторонам. В прошлые выходные он был здесь с Камиллой. Ей очень хотелось заглянуть в сарай, и только каким-то чудом Хенрику удалось ее отговорить. Вместо этого они вытащили лодку из воды, погрузили на лодочный прицеп и закрепили и прибрались рядом с сараем. Они тогда не успели накрыть лодку брезентом, и Хенрик собирался сделать это сейчас. Вдохнув аромат водорослей, он на секунду подумал о дедушке и начал состыковывать прицеп с машиной. Закончив, Хенрик пошел в сарай, где ему впервые пришла в голову идея припрятать что-нибудь для себя. В сарае было много больших и маленьких предметов, украденных Хенриком и его поделщиками. Вряд ли братья их пересчитывали. Они не заметили бы пропажу одной или двух ценных вещей.

Лодка Хенрика не была зарегистрирована, поэтому он мог спокойно поставить ее в съемном гараже в Боргхольме и хранить там награбленное.

Решение было принято быстро. Он взял пару ваз — в ломбарде за них дали бы пятьсот крон — и отнес в лодку.

На улице пошел снег. Белые хлопья мягко опускались на землю. Спрятав вазы под брезент, Хенрик вернулся в сарай и прихватил ящик с выдержанным виски. Под конец он взял еще с десятков мелких предметов и спрятал под сиденьями в машине. Хенрик тщательно расправил брезент, чтобы он полностью покрывал лодку и все внутри нее, и закрепил веревкой.

Готово.

Снег продолжал идти, покрывая землю тонким белым покрывалом.

Вдали показался черный фургон. Через минуту братья Серелиус остановились рядом с машиной Хенрика. Хлопнула дверца. Потом другая.

— Привет, Хенрик!

Братья широко улыбались. Одеты они были тепло: черные куртки, зимние ботинки и шерстяные охотничьи шапки.

Томми к тому же поверх шапки надел лыжные очки, словно он собрался на горнолыжный курорт. На плече его висело ружье.

Братья были под кайфом. Это было видно по расширенным зрачкам. Никаких сомнений. К тому же у Томми дрожал подбородок и вся шея была расцарапана. Дело плохо.

— Заехали поздравить тебя с Рождеством, дружище! — громко сказал Томми.

Не дождавшись ответа, он расхохотался.

— Ну и вещи забрать, конечно, — прибавил он, все еще хохоча.

— Вещи, — повторил Фредди.

— Добычу, — уточнил Томми.

— А бабки? — спросил Хенрик.

— Конечно. Разделим по-братски. — Томми улыбался во весь рот. — Ты что, думаешь, мы воры?

Это была старая шутка, и Хенрик натянуто улыбнулся, хотя ему было совсем не смешно. Они даже не обсудили, как будут делить награбленное. Но Фредди уже скрылся в сарае. Через секунду он вышел с телевизором в руках.

— Вот именно — по-братски, — сказал Хенрик.

Томми подошел к прицепу.

— Вот решил убрать лодку на зиму, — пояснил Хенрик. — Вы поедете дальше?

— Да... В Копенгаген. Но сперва обчистим тот дом у маяка. — Томми указал рукой на север. — Сопрем картины, о которых говорил Алистер. Ты

с нами?

Хенрик покачал головой:

— Нет, я не успею. Мне надо еще завезти домой лодку.

Фредди уже поставил телевизор в фургон и снова исчез в сарае.

— Ну-ну, — произнес Томми, все еще изучая прицеп. — Где ты ее собираешься хранить? За мастерской в Боргхольме? — Он дернул за брезент и спросил: — А ее там никто не тронет?

— Нет, там безопасно, — ответил Хенрик.

Он услышал, как гулко бьется его сердце. Надо было лучше завязать брезент. Чтобы отвлечь Томми от прицепа, Хенрик сменил тему, сказав:

— Знаешь, что я видел тут осенью?

— Нет.

Томми все еще разглядывал прицеп.

— Это было в октябре, — продолжил Хенрик. — Я был тут и занимался лодкой, когда увидел моторку, идущую с севера. Она причалила к дамбе на Олуддене. Я видел мужчину за штурвалом. А вечером женщину из Олуддена нашли мертвой на том же самом месте, где стояла лодка. Я много об этом думал.

Он говорил быстро, слишком быстро. Но, по крайней мере, это заставило Томми повернуться.

— О ком ты говоришь? — спросил он.

— О женщине с хутора. Катрин Вестин, которой я делал полы летом.

— Олудден... Куда мы собираемся... Так ты говоришь, что видел убийство?

— Нет, только моторную лодку. Но это выглядело подозрительно, потому что сразу после этого нашли труп.

— Вот черт, — сказал Томми, но видно было, что рассказ Хенрика не произвел на него никакого впечатления. — Ты кому-нибудь рассказал об этом?

— Кому? Копам, что ли?

— Не... Они бы тебя спросили, чем ты тут занимался. А если бы еще в сарай заглянули, то тебе была бы крышка.

— Нам, — уточнил Хенрик.

Томми снова повернулся к прицепу с лодкой и проговорил:

— Фредди по дороге рассказал одну занятную историю...

— Какую?

— О парне и девушке... Они были в отпуске в США и остановились в лесу передохнуть. И там им попался скунс. Они никогда раньше не видели скунса и решили, что он очень милый. Девушка сразу пожелала взять его

домой в Швецию, но парень сказал, что таможня не пропустит дикое животное. Тогда девушка сказала, что спрячет его в трусах. «А это идея, — сказал парень. — Но что мы будем делать с запахом?»

Томми сделал театральную паузу и почесал шею. После чего прибавил:

— «А что с запахом? — ответила девушка. — От скунса тоже пахнет».

И расхохотался. Затем резко повернулся и взялся за брезент.

— От скунса тоже пахнет, — повторил он.

Хенрик поднял руку:

— Погоди...

Но Томми его не слушал. Он рванул брезент в сторону, открывая спрятанные Хенриком вещи.

— Ха, — выдохнул Томми, разглядывая предметы в прицепе. Затем показал на землю: — Ты забыл про следы на снегу, Хенке. По ним видно, что ты тут с полчаса бегал туда-сюда.

Хенрик покачал головой:

— Я взял пару вещей.

— Пару? — Томми развернулся и пошел к нему.

Хенрик отшатнулся.

— И что? — крикнул он. — Я имею на это право. Я планировал каждую поездку, я прятал награбленное, а вы только...

— Хенке, — остановил его Томми, — ты слишком много болтаешь.

— Я болтаю? Ты....

Но Томми не дал ему закончить. Удар пришелся в живот, и Хенрик покачнулся. Позади него был большой камень, и он опустился на него, уронив голову на грудь.

Куртка была прорвана насквозь. Томми быстро обыскал карманы Хенрика и вынул ключи от машины.

— Сиди тихо, или зарежу, — процедил он сквозь зубы.

Хенрик не двигался. Боль накатывала на него волнами. Он согнулся пополам, и его стошнило.

Томми отошел от него на пару шагов, поправил ружье на плече и сунул в задний карман отвертку.

Хенрик закашлялся и приподнял голову:

— Томми...

Тот покачал головой:

— Ты что, правда думаешь, что нас зовут Томми и Фредди? Это только кликухи.

Силы покидали Хенрика. Он сидел на камне, не в состоянии говорить.

Фредди продолжал загружать награбленное в фургон. Наконец он захлопнул дверцу и сказал:

— Готово.

— Хорошо. — Томми выпрямил спину, почесал щеку и, бросив взгляд на Хенрика, сказал: — Придется тебе назад ехать на автобусе. Или что у вас тут ходит? Лошади с повозками?

Хенрик не ответил. Он молча сидел на камне и смотрел на братьев. Фредди спокойно сел за руль грузовика, а Томми уселся в «сааб» Хенрика.

Они украли его машину и его лодку, а он не мог ничего сделать — только смотреть, как машины исчезают за поворотом.

Наконец он отнял руку от живота и увидел, что ладонь была в крови.

Но крови не так уж и много, решил Хенрик. Однажды он сдавал кровь в Боргхольме, и тогда из него выкачали пол-литра. По сравнению с тем случаем сейчас у него просто царапина. А стошнило его, скорее всего, от шока.

Все не так страшно, как кажется. Усилием воли Хенрик заставил себя подняться с камня. Боль пронзила живот, но Хенрик мог идти. Кажется, печень не была задета. С моря дул холодный ветер. Хенрик подумал о том, как его дед умер здесь в одиночестве, но отмел эти мысли. Прижимая руку к животу, он пошел к сараю. Дверь была открыта, и он остановился на пороге.

В сарае было пусто. Томми и Фредди забрали все, даже старую лампу. Может, теперь пришла их очередь слушать стук по ночам. Тяжело дыша, Хенрик вошел внутрь и прошел к столярному столу. Там лежал старый топор дедушка Алгота, а в углу стояла коса. Прихватив топор и косу, Хенрик снова вернулся на улицу.

Замок упал в снег, и Хенрику не удалось его найти, поэтому он просто притворил за собой дверь и пошел через снег к берегу, прочь от дороги. Склонив голову, он шел навстречу ветру. Теплая куртка и шапка защищали от холода, но открытые части тела буквально обжигало ледяным ветром.

Хенрик продолжал идти.

Братя Серелиус, или как там их на самом деле зовут, ранили его в живот и украли его машину. Но они сказали, что собираются в Олудден. Там он их и найдет.

Тильда звонила в дверь Хенрика Янсона в Боргохольме. Звонила долго и настойчиво. Она стояла перед дверью подозреваемого вместе с Матсом Торстенсоном, коллегой из боргохольмского участка.

До рождественского сочельника оставался всего один день, и с Хенриком следовало давно уже разобраться, но в участок он так и не явился, хотя она несколько раз звонила ему домой. Поэтому пришлось ехать за ним лично, чтобы отвезти в участок.

В квартире было тихо. Тильда снова позвонила, но никто так и не открыл. Она прижалась ухом к двери, прислушалась, потом подергала ручку. Заперто.

— В отъезде, — предположил Торстенсон. — Празднует Рождество с родителями.

— Его начальник сказал, что Хенрик сегодня на работе и что у него короткий день.

Она снова позвонила в дверь, и в эту минуту хлопнула дверь в подъезде и послышались шаги на лестнице. Тильда и Торстенсон одновременно обернулись, но это была девушка; половину ее лица скрывал красный вязаный шарф, в обеих руках она несла пакеты с подарками. Бросив взгляд на полицейских, она направилась к двери напротив, но Тильда преградила девушке дорогу, сказав:

— Мы ищем твоего соседа... Хенрика. Ты не знаешь, где он?

Девушка взглянула на соседскую дверь:

— На работе?

— Мы там уже были, — быстро произнесла Тильда.

Девушка задумалась.

— Может, в сарае, — наконец сказала она.

— А где этот сарай? — спросила Тильда.

— Где-то на восточном берегу... Он приглашал меня летом купаться, но я отказалась.

— Спасибо за помощь, — кивнула Тильда. — Счастливого Рождества.

Девушка тоже кивнула и со вздохом посмотрела на пакеты с подарками.

На часах была половина третьего, но небо уже посерело, а температура опустилась до десяти градусов ниже нуля.

— Моя смена заканчивается через пятнадцать минут, — сообщил

Торстенсон, открывая дверь машины. — Потом мне нужно в центр за подарками.

Он бросил взгляд на часы. В мыслях он уже был дома с семьей и пил глэгг перед телевизором.

— Я только позвоню, — сказала Тильда.

Ее тоже ждал пятидневный отпуск, но она не могла перестать думать о Хенрике Янсоне. Сев в машину, Тильда снова позвонила начальнику Хенрика и узнала, что его сарай находится в Энслунде к югу от Марнэса. Недалеко от Олуддена.

Тильда посмотрела на коллегу:

— Я отвезу тебя в участок, а потом заеду в Энслунде. Это недалеко.

— Я с тобой, если хочешь, — сказал Торстенсон.

Он был хорошим парнем и наверняка искренне предлагал помощь, но Тильда все равно покачала головой:

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Если Янсон там, я отвезу его в участок. А если нет, то тоже отправлюсь за подарками.

— Веди машину осторожно. Надвигается снежная буря, — предупредил Торстенсон.

— Я знаю, и у меня зимняя резина.

Тильда завезла коллегу в участок и собиралась уже отъезжать, когда в дверях снова показался Торстенсон. Он энергично махал ей рукой. Опустив окно, Тильда высунула голову:

— В чем дело?

— К тебе гости.

— Гости?

— Твой преподаватель.

— Преподаватель?

Ничего не понимая, Тильда заглушила мотор, вышла из машины и вошла в участок. За стойкой ресепшн было пусто: большинство полицейских уже ушли на каникулы. В окнах горели фонарики.

— Я успел! — крикнул Торстенсон широкоплечему мужчине, сидевшему в кресле в комнате ожидания. Мужчина был одет в серую рубашку поло и зимнюю куртку; он улыбнулся Тильде, когда та вошла.

— Я был неподалеку, — сказал он, поднимаясь. В руках у него был сверток, перевязанный лентой. — Хотел только пожелать счастливого Рождества.

Это был Мартин Альквист.

Тильда попыталась изобразить улыбку.

Мартин уже широко улыбался.

— Не хочешь выпить кофе? — предложил он.

— Спасибо, но я немного занята.

Тильда взяла сверток — на ощупь он напоминал коробку конфет, — кивнула Матсу Торстенсону и вышла на улицу. Мартин последовал за ней. Тильда резко обернулась. Больше не было нужды притворяться.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — с раздражением сказала она.

— В смысле? — удивился Мартин.

— Звонишь все время, даришь подарки... Зачем?

— Я только хотел узнать, как ты себя чувствуешь.

— Хорошо. Можешь ехать домой... К жене и детям. Скоро сочельник.

Он продолжал улыбаться.

— Я все устроил, — произнес он. — Сказал Карин, что переночую в Кальмаре и вернусь завтра утром.

Мартина всегда волновало только одно — чтобы его не уличили во лжи.

— Вот и прекрасно, — кивнула Тильда. — Поезжай в Кальмар.

— Но я хочу остаться здесь, на Эланде, — вскинув брови, сказал Мартин.

Тильда вздохнула и пошла к машине. Открыв дверцу, бросила подарок на заднее сиденье и сказала:

— У меня нет времени на разговоры. Нужно найти одного парня.

Сев в машину, она завела мотор и поехала прочь.

Через пару минут увидела в зеркале заднего вида синюю «мазду». Мартин ехал за ней следом.

Тильда пожалела, что не прогнала его еще на парковке.

К восточному побережью Тильда добралась только к четырем. Уже стемнело, небо было серо-черным, и снег шел безостановочно. Белые хлопья больше не кружили в воздухе, плавно опускаясь на землю: они ударялись в окна машины и налипали на зеркала.

Она свернула к Энслунде. Позади нее все еще виднелась машина Мартина.

В свете фар Тильда увидела следы шин на снегу перед ней, но там, где дорога заканчивалась, было пусто. Только много следов на снегу — грубых ботинок или мужских сапог, — которые уже начало заносить снегом.

«Мазда» остановилась рядом.

Тильда надела фуражку и вышла из машины. Сильный ветер чуть не сбил ее с ног. В темноте это безлюдное место выглядело угрожающе. Волны зло бились о берег, разбивая лед и выбрасывая его на голый берег.

Мартин подошел к Тильде.

— Тот, кого ты ищешь, должен был быть здесь? — произнес он с сомнением. — В такую погоду?

Тильда только кивнула. Ей не хотелось с ним разговаривать.

Мартин решительным шагом направился к сараю. Видимо, он забыл, что он преподаватель, а не полицейский. Ничего не сказав, Тильда пошла за ним следом.

Подойдя ближе, они слышали неравномерный стук: это одну из дверей открывал и закрывал ветер. Следы вели к сараю.

Мартин прошел внутрь и сказал:

— Это его сарай.

— Видимо, да, — проговорила Тильда.

— Воры всегда боятся других воров и хорошо запирают двери. Раз Хенрик Янсон не закрыл свой сарай, значит, ему помешало что-то непредвиденное.

Она тоже зашла в сарай. Увидела столярный стол, старую сеть, удочки, инструменты.

— Никого нет дома, — веселым тоном произнес Мартин.

Тильда оставила его шутку без внимания. Молодую женщину привлекли яркие пятнышки на полу.

— Мартин! — громко сказала она.

Он повернул голову и тоже посмотрел на пол.

— Что ты думаешь?

Мартин наклонился.

— Свежая кровь, — констатировал он.

Тильда оглянулась по сторонам. Кого-то ранили. Возможно, выстрелом или ударом ножа. Но пострадавший смог отсюда уйти.

Тильда покинула сарай и пошла к морю; ветер почти сбивал ее с ног. На снегу виднелись следы. Они вели вдоль берега на север.

Тильда хотела было пойти по следам, но поняла, что это бесполезно: следы скоро занесет снегом.

Дойти отсюда можно было только до фермы Карлсонов и хутора Олудден. Хенрик Янсон, если это его следы, направился в одно из этих мест. Сильный порыв ветра чуть не сбил Тильду с ног. Она развернулась и пошла к своей машине.

— Куда ты? — крикнул Мартин.

— Секрет, — ответила молодая женщина, сядя в машину. Тильда включила двигатель и поехала, не проверяя, следует ли за ней Мартин. Связавшись с дежурной частью в Боргхольме, она сообщила о ранении в

Энслунде и сказала, что едет на север. Никто не ответил. Снег тем временем усиливался. Тильда включила дворники, чтобы очистить ветровое стекло, и бросила взгляд на зеркало заднего вида: «мазда» с включенными фарами следовала за ней.

Тильда увеличила скорость и посмотрела в окно: снег превратился в сплошную бело-серую пелену, заслонявшую собой горизонт.

Йоаким стоял у окна в кухне и смотрел, как падает снег. Рождество обещало быть снежным. Он перевел взгляд на дверь в коровник. Дверь была закрыта, и дорожку к ней замело снегом. Йоаким не был в коровнике уже несколько дней, но мысли его постоянно возвращались к потайной комнате. Часовне для мертвых. Часовне со скамьями.

Там, на одной из скамей, среди писем и подарков, он нашел куртку Этель, которую так и оставил там лежать. Это Катрин ее туда положила. В этом не могло быть никаких сомнений. Она нашла комнату осенью и оставила куртку на скамейке, не сказав ничего Йоакиму. Он даже не знал, что куртка была у Катрин.

У его жены были от него секреты.

Только позвонив матери, он узнал, что это она послала куртку в Олудден. Раньше он думал, что Ингрид сложила все вещи покойной дочери в коробку и отнесла на чердак.

— Нет, я завернула ее в бумагу и отправила по почте Катрин... Это было в августе... — рассказала она по телефону.

— Но зачем?

— Катрин сама захотела. Позвонила летом и попросила одолжить куртку. Она хотела в чем-то убедиться и попросила прислать куртку по почте. Я так и сделала... Разве она не рассказывала тебе об этом? — прибавила Ингрид.

— Нет.

— Вы не разговаривали об Этель?

Йоаким молчал, не зная, что ответить. Ему хотелось сказать, что он и Катрин говорили обо всем, что они полностью доверяли друг другу, — но перед глазами стояло лицо Катрин в день смерти Этель.

Они обнимала Ливию, но на лице Катрин было написано облегчение, словно она радовалась тому, что произошло.

Когда за окном совсем стемнело, Йоаким принялся за приготовление рождественского ужина. Конечно, сегодня было только двадцать третье декабря, но для него было важно начать праздновать как можно скорее. То же было и в прошлом году. Сестра утонула в начале декабря, но это не помешало Йоакиму и Катрин отметить Рождество. Напротив, они закупили еще больше еды и подарков, и вся Яблочная вилла светилась огнями.

Но, разумеется, это не помогло. Он постоянно чувствовал незримое

присутствие Этель. И каждый раз, поднимая бокал с безалкогольным сидром и чокаясь с Катрин, он думал о сестре. Смахнув слезы, Йоаким потянулся за книгой «Лучшее рождественское угощение» и отыскал нужный ему рецепт.

За окном было темно. Но в кухне ярко горели лампа и свечи на окне, и Йоаким ловко орудовал ножом и лопаткой. На сковороде жарились колбаски и фрикадельки. На столе уже были нарезанный сыр, тушеная капуста и теплые ребрышки. Йоаким подогрел окорок, почистил картошку и испек хлеб. На тарелки он выложил угря, селедку и красную рыбу, а в центр стола поставил любимые кушанья детей — жареную курицу и картошку фри.

Под стол Йоаким поставил мисочку с тунцом для Распутина. Когда все было готово и часы показывали пять, Йоаким позвал Ливию и Габриэля и объявил:

— Пора ужинать.

Дети подбежали к столу.

— Сколько еды! — воскликнул Габриэль.

— Это рождественский стол, — с улыбкой сказал Йоаким. — Берите тарелки и накладывайте то, что вам нравится.

Ливия и Габриэль так и сделали. Дети взяли по кусочку курицы с картошкой фри, добавили немного вареной картошки и соуса, но рыбу и капусту не тронули. Вместе с детьми Йоаким вышел в гостиную и сел за большой стол под хрустальной люстрой. Налив в заранее приготовленные бокалы сидр, он пожелал детям счастливого Рождества. Он ждал вопроса, почему на столе стоит четвертая тарелка, — но дети ничего не спрашивали.

Нет, он не верил, что Катрин вернется именно сегодня, но, глядя на ее место за столом, он представлял, что она там сидит, и от этого ему было легче.

Какое же Рождество без Катрин?

Точно так же каждое Рождество его мать ставила на стол тарелку для Этель.

— Папа, я могу теперь идти? — спросила Ливия через десять минут.

— Нет, — быстро ответил Йоаким. Тарелка дочери была пустой.

— Но я все доела.

— Посиди еще немного.

— Но я хочу смотреть телевизор.

— Я тоже! — сказал Габриэль, хотя в его тарелке оставалась еда.

— Там показывают лошадей, — настойчиво сказала Ливия, как будто

это был очень важный аргумент.

— Посиди еще немного, — произнес Йоаким строже, чем намеревался. — Это важно. Мы же празднуем Рождество вместе.

— Ты глупый, — заявила Ливия. Йоаким вздохнул.

— Мы празднуем, — повторил он, но уже не так решительно.

Дети насупились. Но все-таки остались за столом. Наконец Ливия встала и пошла за добавкой. Габриэль поспешил за ней. Оба вернулись с фрикадельками.

— Там столько снега, — заметила Ливия. Взглянув в окно в гостиную, Йоаким увидел сплошную стену из снега.

— Хорошо, — кивнул он. — Можно будет кататься на санках.

К Ливии вернулось хорошее настроение. Лошади были забыты, и Ливия с Габриэлем начали обсуждать подарки. При этом они игнорировали четвертый стул за столом и даже не упоминали лишний подарок под елкой. Только Йоаким не мог отвести от стула взгляда.

Чего он ждал? Что дверь откроется и войдет Катрин?

Старинные часы на стене пробили половину шестого. За окном была темнота. Прожевав последнюю фрикадельку, Йоаким посмотрел на Габриэля и увидел, что у сына слипаются глаза. За вечер он съел больше обычного и теперь клевал носом, готовый заснуть прямо в гостиной.

— Габриэль, не хочешь сейчас вздремнуть? — спросил Йоаким. — А потом вечером ляжешь спать попозже?

Габриэль кивнул, но потом, подумав, добавил:

— А мы поиграем? Мы с тобой? И с Ливией.

— Конечно, — ответил Йоаким.

Он понял, что сын не помнит Катрин. Йоаким и сам не помнил ничего из своих первых лет жизни, но все равно было странно, что Габриэль так быстро забыл маму.

Задув свечи, Йоаким убрал еду в холодильник, а потом отвел Габриэля в спальню. Ливии спать не хотелось. Она хотела смотреть на лошадей, и Йоаким отнес телевизор к ней в комнату.

— Я на минутку выйду, — сказал он.

— Куда? — удивилась Ливия. — Ты не хочешь смотреть на лошадей?

Йоаким покачал головой и сказал:

— Я скоро вернусь.

Зайдя в гостиную, он взял подарок Катрин из-под елки и отправился в прихожую, где тепло оделся и положил в карман фонарик. Теперь все готово.

В прихожей он остановился перед зеркалом и посмотрел на свое

отражение. В комнате было темно, но все равно ему показалось, что сквозь него просвечивают очертания комнаты. Он выглядел как привидение. Один из духов Олуддена. Он перевел взгляд на английские обои и старую соломенную шляпу на стене, символизировавшую жизнь в деревне. И внезапно все показалось ему таким бессмысленным. Зачем только он и Катрин ремонтировали все эти квартиры одну за другой. Каждое их новое жилище было больше предыдущего, и стоило им закончить один ремонт, как они тут же принимались за другой, уничтожая все следы жильцов, обитавших там прежде. Зачем?

Его мысли прервал какой-то звук. Повернув голову, Йоаким увидел на коврике перед дверью Распутина.

— Хочешь на улицу?

Йоаким вышел на веранду, но кот остался в доме. Мяукнув, Распутин скрылся в кухне. Ветер был таким сильным, что окна в застекленной веранде дрожали.

Открыв дверь, Йоаким поразился силе ветра, сбивавшего с ног. Снежинки были больше похожи на острые иголки, впивавшиеся в открытые участки тела. Прищурившись, Йоаким устремил взор на море. Никогда еще он не видел его таким черным. Тучи нависали низко над водой, и снежная пелена стирала все контуры, превращая пейзаж в смещение темных тонов.

Приближался шторм.

Йоаким пошел по дорожке к коровнику. Он вспомнил предостережение Герлофа о том, что в бурю легко заблудиться, но до коровника было всего несколько метров, и снег был не таким сильным, чтобы не увидеть дом.

Дойдя до коровника, Йоаким потянул на себя дверь.

Внутри было пусто.

Внезапно отблеск света привлек его внимание, и Йоаким повернул голову. Это был свет маяка. Йоакиму было видно красное мигание наверху южной башни.

Йоаким вошел внутрь коровника, подталкиваемый в спину ветром. Он поспешил закрыть за собой дверь. Нащупав рукой выключатель, Йоаким щелкнул им, и сарай осветился бледным желтым светом, не разгонявшим темные тени, укрывшиеся в углах.

Снаружи бушевал ветер, но крепкие стены стояли прочно. Эта постройка выдержала много штормов. Вверху на сеновале была стена с именем Катрин, но Йоаким пошел прямо к каменной стене, в которой, как он теперь знал, было отверстие.

Опустившись на пол, он прополз в узкое отверстие, зажав в одной руке фонарик, а в другой — подарок для Катрин.

Оказавшись по другую сторону стены, Йоаким поднялся на ноги и включил фонарик. Свет был слабым — пора менять батарейки, подумал Йоаким, — но лестницу можно было различить.

Йоаким заколебался. К острову приближался шторм, и Ливия с Габриэлем были одни в доме. Но Йоаким все же поднял ногу и поставил на первую ступеньку. Во рту у него пересохло, но не от страха, а от предвкушения. Шаг за шагом приближался он к черному отверстию в потолке. Он чувствовал, что находится именно там, где нужно. Рядом с Катрин.

Зима 1962 года

Маркус вернулся на остров и хотел со мной встретиться, но только не в Олуддене. Он назначил мне свидание в кондитерской в Боргхольме.

Торун, уже почти ослепшая, попросила меня купить по дороге картошки и муки — в те годы это было нашей единственной едой. Я последний раз встретила с Маркусом в городе, где, несмотря на начало декабря, еще не ощущалась зима.

Мирья Рамбе

На улице ноль градусов. Снега нет. На мне старое зимнее пальто, в котором я чувствую себя деревенской простушкой, осмелившейся показаться в таком виде в городе.

Маркус приехал, чтобы навестить родителей в Боргхольме и встретиться со мной. Он в серой военной форме, с наутюженными складками, стильный и мужественный.

В кондитерской, где мы договорились встретиться, городские дамы при виде меня морщат нос и окидывают меня с головы до ног критическим взглядом.

Кондитерские в шведских городках в то время — не место для молодежи.

— Мирья! — приподнимается из-за стола Маркус.

— Привет! — отзываюсь я.

Он неловко обнимает меня, и я замечаю, что в армии он начал пользоваться одеколоном.

Мы не виделись несколько месяцев, и сначала нам неловко, но постепенно мы разговорились. Мне нечего рассказать: на Олуддене со времени отъезда Маркуса ничего не изменилось, — поэтому я спрашиваю его о солдатской жизни, приходилось ли ему ночевать в палатке, и он отвечает, что да. Они были в Норланде, говорит Маркус, и там было минус тридцать градусов. Чтобы согреться, они всю палатку обложили снегом, так что она походила на иглу.

Потом мы оба замолчали.

— Я хотела бы продолжать с тобой встречаться... — говорю я. — Если

ты хочешь... Весной я могла бы переехать поближе к Кальмару, а потом, когда твоя служба кончится, мы могли бы поселиться в одном городе...

— Весной... — повторяет Маркус, улыбаясь, и гладит меня по щеке рукой. Потом улыбается еще шире и шепчет: — Не хочешь посмотреть дом моих родителей, Мирья? Он тут за углом. Их сегодня нет дома...

Кивнув, я поднимаюсь из-за стола.

Мы занимаемся любовью первый и последний раз в старой детской комнате Маркуса. Кровать слишком маленькая для двоих, поэтому мы стянули матрас и положили на пол. В доме тихо, слышно только наше дыхание. Сначала мы боялись, что родители вернуться, а потом про них забыли.

Маркус со мной осторожен, хотя видно, как ему не терпится. Мне кажется, что для него это тоже в первый раз, но я стесняюсь спрашивать.

Осторожна ли я? Вряд ли. Я не предохранялась, потому что мне и в голову не пришло, что это нужно делать. Я не думала ни о чем, кроме Маркуса, и это было чудесно.

Через полчаса мы расстаемся на улице. Это короткое прощание на холодном ветру и неуклюжая, из-за зимней верхней одежды, попытка обнять друг друга.

Маркус возвращается собирать вещи. Вечером у него паром, а я иду одна к автобусной остановке.

Мне одиноко, но я чувствую тепло в сердце. Я предпочла бы поезд, но железную дорогу закрыли. Остается только автобус.

Пассажиры молчаливы. Атмосфера в салоне автобуса мрачная. Я чувствую себя зрителем маяка, на полгода отправляющимся работать на окраину мира.

Автобус высаживает меня к югу от Марнэса. В лавке в Рёрбю я покупаю еду для себя и Торун и иду домой. Выйдя на дорогу, ведущую на хутор Олудден, я вижу, как сгущаются серые тучи на горизонте. Ветер усилился, и я ускоряю шаг. При приближении шторма нужно сидеть дома, иначе случится то, что едва не случилось с Торун на торфянике. Добравшись до хутора, я вижу свет только в наших с Торун комнатках. Прежде чем войти в дом, я бросаю взгляд на маяк. Странно, но сегодня горят оба маяка. От северной башни идет слабое белое свечение. Поставив сумку на порог, я иду по направлению к маяку. И тут рядом со мной падает что-то белое. Я наклоняюсь и сразу понимаю, что это холст. Одна из картин Торун.

— Мирья, ты дома? — слышу я мужской голос. — Где ты была?

Поворачиваюсь и вижу идущего за мной рыбака Рагнара Давидсона.

Он несет в охапке картины Торун — штук пятнадцать.

Вспоминаю его слова в доме: они все такие серые... Темные цвета...
Дерьмо...

— Рагнар, — говорю я. — Что ты делаешь? Куда ты собрался с мамиными картинами?

Он проходит мимо и, не останавливаясь, отвечает:

— К морю.

— Что?!

— У меня нет для них места. Я арендовал чулан на Олуддене, чтобы хранить там копченую рыбу.

Я с ужасом смотрю на него, потом на идущий от башни белый призрачный свет, разворачиваюсь и бегу обратно в дом — к Торун.

Над морем поднялся штормовой ветер; Тильде в один момент показалось, что он может подхватить машину и унести далеко прочь, но она крепко держалась за руль.

Надвигается шторм, подумала она.

В свете фар не было видно ничего, кроме сплошной стены из белого снега. Снизив скорость, Тильда подалась к ветровому стеклу, чтобы хоть что-то различать. Всю равнину справа и слева от дороги покрывало снежное одеяло. Снег облепил кусты и деревья, и по обоим краям дороги быстро росли сугробы. Тильда знала, чем чреват шторм. За считанные часы он мог превратить весь остров в ледяную пустыню, засыпав дороги так, что ни одна машина не смогла бы по ним проехать. Бывало, что даже снегоочистительные машины застревали в сугробах.

Тильда ехала на север, и следом за ней ехал Мартин. Он не сдавался. Но Тильда решила не обращать на него внимания. Колеса начали увязать в снегу. Складывалось впечатление, что дорогу под машиной покрывала вата. Тильда искала взглядом фары встречных автомобилей, но видно было только снег.

Где-то в районе торфяника дорога исчезла в снегу, и Тильда безуспешно искала взглядом дорожные столбы: их либо сдуло ветром, либо их вообще тут не было. Сзади приближалась машина Мартина, и, наверно, именно это заставило Тильду сделать ошибку. Молодая женщина слишком долго смотрела в зеркало заднего вида и пропустила поворот. Тильда вывернула руль, но было поздно. Машина дернулась в сторону, ткнулась передним бампером в сугроб и заглохла. А еще через секунду раздался звук битого стекла, ее машину толкнуло вперед, и она еще глубже увязла в дорожной канаве у торфяника. Это сзади в машину Тильды врезалась «мазда» Мартина.

Тильда медленно выпрямилась, проверяя, все ли в порядке. Вроде ребра целы. Она повернула ключ зажигания, пытаясь оживить машину, но безуспешно.

— Дерьмо, — выдохнула Тильда.

Она велела себе успокоиться. В зеркале она увидела, как Мартин выходит из машины, шатаясь на ветру. Она тоже открыла дверь, впустив внутрь ледяной воздух. Пейзаж вокруг нее слился в одно темное пятно, напомнившее Тильде картину в доме на хуторе Олудден. Молодая женщина

вышла из машины. Ветер хватал ее за куртку и толкал в сторону болота, но она упрямо шла вперед, держась за крышу машины.

Тильда оценила повреждения. Машина боком съехала в канаву. Правое колесо висело в воздухе, а левое увязло в снегу, уже успевшем засыпать крышу и капот.

Придерживая одной рукой фуражку, а другой хватаясь за крышу машины, Тильда пошла к «мазде» Мартина. Она уже решила, как будет с ним обращаться. Не как с учителем и не как с любовником, а как с обычным штатским.

— Ты ехал слишком близко! — крикнула она.

— Ты резко затормозила, — услышала Тильда в ответ.

— Тебя никто не просил ехать за мной, Мартин.

— У тебя же есть рация. Вызови буксир.

— Не командуй мной.

Тильда повернулась к Мартину спиной, хотя знала, что он прав. Надо позвонить. Даже если все дороги на Эланде завалены снегом, все равно нужно позвонить.

Мартин сел в свою машину, а Тильда вернулась в свою. В салоне было тепло и относительно тихо. Она набрала дежурную часть, и на этот раз ей ответили.

— Один два один семь, — назвалась она.

— Понял, — сказал дежурный.

Тильда узнала голос. Это был Ханс Майнер. Говорил он быстрее обычного.

— Как дела? — спросила Тильда.

— Полный хаос, — ответил Майнер. — Они собираются закрыть мост.

— Перекрыть мост?

— На ночь.

Значит, ситуация серьезная. Только в экстремальных случаях движение по мосту перекрывали.

— А ты где находишься? — спросил Ханс.

— Возле Жертвенного торфяника на западной дороге. Я слетела в канаву.

— Нужна помощь? — Тильде послышалась тревога в голосе коллеги. — Мы пришлем кого-нибудь, но, возможно, придется подождать. Рядом с руинами замка авария, грузовик вынесло на встречную, и все наши машины там.

— А снегоочистители?

— Только на главных дорогах. Это бесполезно. Слишком быстро

дороги снова замечает.

— То же самое здесь.

— Ты справишься, один два один семь?

Тильда заколебалась. Ей не хотелось говорить, что с ней Мартин.

— У меня нет кофе, но я справлюсь, — ответила она. — В случае чего доберусь до ближайшего дома.

— Понятно, все запишу, — сказал Майнер. — Удачи, Тильда. До связи.

Убрав микрофон, Тильда решила проверить, что делает Мартин. Она посмотрела в зеркало, но его уже успело залепить мокрым снегом. Тогда она взяла мобильный телефон и набрала номер в Марнэсе. Ветер за окнами шумел так громко, что не было слышно ответа.

Тильда, повысив голос, повторила:

— Герлоф?

— Да, это я. — Голос старика прозвучал так, словно он был за тысячи километров от Тильды.

— Это я, Тильда! — крикнула молодая женщина.

В телефоне что-то потрескивало, и сигнал был очень слабый, но она расслышала вопрос:

— Только не говори, что ты на улице в такую погоду?

— К сожалению, да. Я в машине. На побережье, недалеко от Олуддена.

Герлоф что-то сказал, но она не расслышала.

— Что? — крикнула Тильда.

— Я сказал, что это плохо.

— Да.

— Как ты?

— Все нормально. Я только...

— Как ты себя чувствуешь, Тильда? — перебив ее, спросил Герлоф. — Что у тебя на сердце?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты несчастна? Скажи мне... В сумке с диктофоном лежало письмо...

— Письмо?

Внезапно Тильда поняла, о каком письме говорит Герлоф. Она думала только о работе и Хенрике Янсоне и совсем забыла про письмо...

— Это письмо было адресовано не тебе, Герлоф, — сказала она с раздражением.

— Да, но оно... — В телефоне раздался треск и потом снова голос: — ...не запечатано.

— Так ты его прочитал?

— Первые предложения. И конец...

Тильда зажмурилась. Она так устала, что у нее даже не было сил злиться на Герлофа.

— Порви его, — сказала она.

— Порвать?

— Да, порви и выброси!

— Так и сделаю. Но как ты себя чувствуешь?

— Паршиво.

Герлоф сказал что-то, но она не разобрала слов.

Тильде хотелось все ему рассказать, но она не могла. Она не могла сказать, что Мартин продолжал спать с ней, даже когда его жена забеременела. Она не могла сказать, что ей, любовнице, было приятно, что он столько времени проводит с ней, а не с семьей. Даже в тот вечер, когда у Карин начались схватки, он был у Тильды. Мартин поехал в больницу только ночью и выдумал какую-то причину того, почему он пропустил рождение сына.

Тильда со вздохом произнесла:

— Мне надо было прекратить это раньше.

— Конечно, — признал Герлоф. — Но лучше поздно, чем никогда.

— Да.

Тильда посмотрела в окно, залепленное снегом. Скоро машина превратится в сугроб.

— Надо отсюда выбираться, — сказала она Герлофу.

— А ты можешь вести в такой снегопад?

— Нет, машина застряла в канаве.

— Тогда иди в Олудден. Но береги глаза. Шторм приносит лед, смешанный с песком. Это страшнее игл... И не садись отдыхать, как бы ты ни устала.

— Не буду. Увидимся, — сказала Тильда, завершая разговор. В последний раз вдохнув теплый воздух, она открыла дверцу и вышла из машины. Ветер хватал ее за одежду, свистел в уши, рвал и тянул. Но Тильде удалось запереть машину и осторожно, как водолазу под толщей морской воды, пробраться к машине Мартина. Тот опустил стекло в двери и спросил, стараясь перекричать ветер:

— Помощь будет?

Тильда покачала головой:

— Мы не можем здесь оставаться.

— Что?

Тильда показала на восток, сказав:

— Там есть хутор.

Мартин кивнул и закрыл окно. После этого вышел из машины, запер ее и последовал за Тильдой.

Она перешагнула через канаву, потом через каменную изгородь. Тильда шла медленно, стараясь не смотреть вперед. Стоило поднять лицо, как ветер швырял в него снегом с песком. Дуло так, что сбивало с ног, и Тильде лишь каким-то чудом удавалось не только удерживаться на ногах, но еще и продвигаться вперед.

Она пожалела, что надела ботинки, а не сапоги. Лыжи тожегодились бы. Молодая женщина обернулась, чтобы проверить, где Мартин.

— Пошли! — крикнула она, видя, как он дрожит. У него не было шапки, и куртка была слишком тонкой, чтобы защитить от штормового ветра.

«Сам виноват, что так оделся», — подумала она, но протянула руку. Мартин, не говоря ни слова, принял помощь. Обхватив друг друга руками, они продолжили путь к Олуддену.

Хенрик безуспешно боролся со снегом.

Низко опустив голову, он упрямо шел по сугробам, уже сам не зная куда. Он надеялся, что дошел до луга за Олудденом, но убедиться не мог. Стоило ему поднять глаза, как в них тут же впивались ледяные иглы. Идиот, думал Хенрик. Надо было остаться в сарае. Нельзя выходить на улицу в зимний шторм.

Хенрику вспомнился тот кошмарный вечер, когда ему было семь лет и он навещал бабушку и дедушку. Ему тогда казалось, что их дом окружала стая рычащих львов, в любую минуту готовых ворваться в окна и двери.

Когда он проснулся на следующее утро, львы исчезли. Во дворе было тихо, и, выглянув в окно, он увидел, что все вокруг превратилось в белоснежную пустыню.

— Ночью был шторм, — сообщил дедушка Алгот.

Сугробы доходили до окна. Входную дверь так завалило снегом, что ее нельзя было открыть. Повсюду, куда ни посмотри, сверкал ослепительно-белый снег.

— Как ты узнал, что будет шторм, дедушка? — спросил он.

— Никто никогда не знает, когда будет шторм, — ответил дедушка. — Он всегда приходит внезапно.

Теперь Хенрик сам в этом убедился. У него не было никаких сомнений в том, что здесь, на берегу Балтийского моря, его застиг тот самый ужасный зимний шторм, которого так боятся и моряки, и островитяне. Никогда еще он не видел такого снегопада.

Тяжелая коса затрудняла движение, и Хенрик вынужден был бросить ее в снегу, но топор он не выпустил. Он шел медленно. Делал три шага, потом отдыхал, потом снова три шага, запрещая себе садиться на промерзшую землю.

Через некоторое время ему пришлось делать остановку после каждого шага. Сквозь шум ветра до Хенрика доносился треск льда, ломаемого волнами. По крайней мере, ему казалось, что это трескается лед на море: он не мог открыть глаза, чтобы проверить.

Боль в животе притупилась. Видимо, холод остановил кровотечение, или он так окоченел на ветру, что перестал ощущать боль. Подсознание играло с ним злые шутки. Хенрику казалось, что его душа вылетела из тела и парит рядом, издеваясь над его неуклюжими попытками перебороть

шторм. Хенрик подумал о Катрин, хозяйке Олуддена. С ней было так приятно работать. Милая женщина, похожая на Камиллу.

Камилла.

Хенрику вспомнилось тепло ее тела, когда они спали рядом в кровати. Но мысли о Камилле тут же унес холодный ветер.

Было поздно поворачивать назад к сараю, да и вряд ли он сможет найти дорогу. Оставалось только идти к маяку. Но где этот чертов маяк? Хенрик открыл глаза и сквозь снежную стену различил слабый свет впереди. Значит, он идет правильно.

Вдохнуть — выдохнуть, вдохнуть — выдохнуть.

Внезапно в бок ему ударил ветер, сбив с ног. Хенрик рухнул на колени, выронив топор. Ему стоило огромных трудов выудить его из сугроба и сунуть под куртку рукояткой вниз. Топор предназначался братьям Серелиус. Его нельзя было терять.

Хенрик пополз на коленях на север, точнее, туда, где, как он думал, был север. У него не осталось выбора. Нельзя было останавливаться. Если в шторм остановишься, чтобы отдохнуть, — непременно замерзнешь и умрешь.

«Воры заслуживают смерти, — вспомнились ему слова дедушки Алгота. — Они хуже коровьего навоза и рыбьей требухи».

Хенрик покачал головой.

Дедушка всегда ему доверял. Но Хенрик всегда его обманывал. И не только его. Он обманывал учителя, друзей, родителей, работодателя, владельцев домов, которые ремонтировал, Камиллу. Пока они были вместе, он так долго обманывал ее, что ей это надоело.

Удар отверткой в живот. Он это заслужил.

Внезапно кто-то схватил его за одежду. Хенрик в панике дернулся, высвобождаясь из плена тростника, за который зацепился курткой.

Остановившись, Хенрик прилег на снег и зажмурился. Если перестать бороться и заснуть, все кончится. И боль в животе, и угрызения совести.

Какая она, смерть? Холодная? Теплая?

Перед глазами его возникли братья Серелиус. Они издевательски ухмылялись. Хенрик вздрогнул и начал подниматься.

Йоаким слышал, как ветер бьется в стены коровника, пытаясь сорвать с места вековые бревна, но знал, что он вне опасности. Поднявшись по лестнице, он снова оказался в потайной комнате за сеновалом.

Здесь было тихо. Высокий потолок напоминал о церкви. Батарейка в фонарике почти села, и Йоаким с трудом различал очертания церковных скамей и лежавших на них предметов. Он был в часовне для покойников на хуторе Олудден. Там, куда они возвращались каждое Рождество.

У Йоакима больше не осталось никаких сомнений, кроме одного: когда они придут — сегодня ночью или завтра? Но это не играло никакой роли. Он будет здесь. Будет ждать Катрин.

Йоаким медленно прошел между рядов, разглядывая предметы на скамейках. Остановившись перед курткой Этель, он осветил на нее фонариком. Она лежала там же, где он ее нашел. Йоаким не осмелился ее передвинуть. Книгу, написанную Мирьей Рамбе, он унес в спальню и даже начал читать, но куртку Этель он не хотел видеть в своем доме. Больше всего он боялся, что Этель снова начнет являться Ливии в кошмарных снах.

Протянув руку, он коснулся пальцами джинсовой ткани, как будто та могла дать ответы на мучающие его вопросы. Когда он приподнял один из рукавов, что-то с легким шуршанием слетело на пол. Записка. Нагнувшись, Йоаким поднял клочок бумаги и в свете фонаря прочитал написанные на нем слова.

«Пусть эта обдолбанная сука исчезнет».

Йоаким пошатнулся. Рука, державшая записку, дрогнула.

Обдолбанная сука.

Он снова перечитал записку. Она была адресована не Этель. Записка была адресована ему или Катрин.

«Пусть эта обдолбанная сука исчезнет».

Он никогда не видел этой записки раньше.

Бумага не была повреждена водой. Буквы были четкими. Записка не могла быть в кармане куртки Этель, когда та упала в воду. Записку положили сюда позже, догадался Йоаким. Возможно, это сделала Катрин, получив куртку по почте от матери Йоакима. Но зачем?

Он вспомнил те вечера, когда Этель стояла перед их домом и кричала. Он часто видел, как соседи испуганно выглядывают на улицу из-за штор.

Записка от соседей. Наверняка Катрин нашла ее в почтовом ящике и,

прочитав, поняла, что так больше не может продолжаться. Соседи больше не в состоянии выносить эти крики.

Этель достала всех. С ней надо что-то делать.

Йоаким без сил опустился на скамью рядом с курткой Этель. Он сидел, глядя на бумажку в руке, пока не услышал странный звук за спиной. Звук шел из отверстия в полу. В коровнике кто-то был.

Зима 1962 года

Если северный маяк на Олуддене светит, это значит, что кто-то скоро умрет. Я слышала это предание, но даже не вспомнила о нем, когда вернулась домой из Боргхольма и увидела свет наверху северной башни. Слишком сильным был шок, вызванный тем, как бесцеремонно Рагнар уносил из дома картины Торун. Несколько холстов он выронил; они упали на снег, я пыталась их подобрать, но их тут же унесло ветром. Две картины — вот и все, что мне удалось спасти в тот вечер на хуторе.

Мирья Рамбе

Я стремительно вбегаю в дом и мчусь в чулан, хотя уже знаю, что увижу там — пустые белые стены. Все картины Торун исчезли, кроме пары рулонов на полу. У порога уже сложены сети, принесенные Рагнаром. На столе стоит наполовину опорожненная бутылка и стакан; раньше их тут не было. Подойдя к столу, я поднимаю стакан и принимаюсь. Это самогон. Вероятно, дело рук Давидсона.

Тут и там на хуторе стоят бутылки с подобным содержимым, и теперь я знаю, что мне делать.

Давидсона нигде не видно, когда я выбегаю во двор и мчусь к коровнику. В коровнике темно, но я знаю это помещение как свои пять пальцев. Я легко нахожу среди старых вещей в углу канистру, на которой кто-то нарисовал черный крест. Поднимаю ее и отношу обратно в дом для прислуги.

В чулане я выливаю самогон из бутылок Давидсона прямо на ворох вонючих сетей у порога и наполняю бутылки бесцветной жидкостью из канистры. Канистру я прячу в шкаф в углу чулана. Сажусь на пол и жду.

Через пять или десять минут я слышу, как открывается входная дверь. Усилившийся ветер с грохотом захлопывает ее за вошедшим.

Тяжелые сапоги стучат по полу: мужчина стряхивая снег. Я чувствую запах пота и дегтя. Рагнар Давидсон входит в чулан и видит меня.

— Где ты была? — спрашивает он. — Ты утром просто испарилась.

Я не отвечаю. Единственное, о чем я в состоянии думать, это как я

скажу Торун о том, что случилось с картинами. Она не должна узнать.

— По парням бегала, вестимо, — сам отвечает на свой вопрос Давидсон.

Он проходит мимо меня, и я решаю дать ему последний шанс. Поднимаю руку, говорю:

— Мы должны спасти картины.

— Это невозможно, — заявляет Рагнар Давидсон.

— Вы должны мне помочь.

Он качает головой, подходя к столу:

— Они уже на полпути в Готланд, Мирья. Ветер и волны о них позаботятся.

Рыбак наполняет стакан и поднимает. Я могла бы его предупредить, но я молчу. Просто смотрю, как он опустошает стакан в три глотка и ставит на стол. После чего причмокивает губами и говорит:

— Чем хочет заняться наша крошка Мирья?

Хенрика разбудил голос дедушки. Алгот склонился над ним, лежащим в сугробе, и закричал:

— Вставай! Ты что, хочешь, умереть?!

Хенрик почувствовал, как дедушка тяжелым сапогом пнул его в бок. Снова и снова.

— Вставай! Поднимайся, чертов вор!

Хенрик медленно приподнялся, вытер снег с лица и поднял глаза на дедушку. Но того уже не было. Зато Хенрик увидел, как вдали прорезал темноту мигающий луч маяка, окрашивая снег в кроваво-красный цвет. Дальше виднелся другой свет — белый, немигающий. Это светил северный маяк на Олуддене.

Словно во сне, Хенрик поднялся на ноги. Его цель была рядом. Джинсы намочили. Оказалось, он потерял сознание недалеко от воды, и его намочили брызги волн. Повернувшись спиной к морю, Хенрик пошел вперед. Он не чувствовал ни рук, ни ног, но продолжал идти. Руки болтались на ветру, как плети. Но шеей он еще ощущал ледяную сталь топора, засунутого под куртку рукояткой вниз.

Дедушкин топор. Он помнил, что сунул его под куртку, — но не помнил зачем. Хенрик напряг память. Братья Серелиус. Ноги сами понесли его вперед.

Перед ним возникли две серые башни, у подножия которых клокотала черная вода, покрытая белой пеной. Ведущая к маякам дамба превратилась в ледяной айсберг. Хенрик был на месте. Он остановился. Что делать дальше? Нужно попасть на хутор. Где хутор? Кажется, слева. Он повернул влево и, подгоняемый ветром в спину, пошел вперед. Идти теперь было легче. Снег под ногами превратился в твердый наст. Спиной Хенрик ощущал ледяное дыхание шторма. Через сотню метров перед ним вырисовывались очертания домов. Путь преградил забор, за которым, как корабли в море, поднимались постройки Олуддена. Хенрик нащупал в заборе щель и протиснулся во двор.

На месте. Двор принял его в свои объятия. Он в безопасности. Ветер на хуторе был легким бризом по сравнению с тем, что творилось на берегу. Но весь двор был засыпан снегом. Сугробы были Хенрику почти по пояс, и ветер то и дело сметал с крыш белую пудру и швырял ему в лицо. Завидев стеклянную веранду, Хенрик пошел к крыльцу. Напрягая последние силы,

он поднялся по ступенькам, сделал вдох и посмотрел вверх. Дверь была взломана. На месте замка зияла черная дыра. Братья Серелиус успели раньше него.

Хенрик забыл об осторожности. Он дернул дверь, ввалился в прихожую и упал на ковер. Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Тепло. В доме было тепло. В тишине он слышал свое дыхание.

Выпустив топор из рук, Хенрик начал осторожно растирать пальцы, холодные как лед. Постепенно тепло начало возвращаться в его тело, отзываясь болью в окоченевших пальцах рук и ног. Рана в животе тоже начала пульсировать. Хенрик был весь мокрый, но он знал, что нужно вставать.

Медленно поднявшись, он пошел вперед. В доме было темно, но на подоконниках горели свечи и кое-где были включены лампы. Он заметил, что обои на стенах новые, потолок побелен и оконные рамы окрашены. Много изменилось здесь с лета.

Повернув вправо, Хенрик оказался в кухне, где он летом клал пол.

Серый кот сидел на подоконнике. В воздухе ощущался запах фрикаделек. Заметив кран, Хенрик рванул к нему. Холодная вода обожгла окоченевшие руки. Стиснув зубы, Хенрик терпел боль и ждал, пока чувствительность вернется к пальцам. Кот не обращал на него никакого внимания, его больше занимал шторм за окном.

На стойке стояла подставка с кухонными ножами из нержавеющей стали. Хенрик выбрал самый большой нож и вышел из кухни. Он оказался в длинном коридоре. Сбоку от Хенрика была комната. Детская. В кровати сидела маленькая девочка лет пяти-шести, сжимавшая в руках игрушку и красную вязаную кофту. На полу перед ней стоял выключенный переносной телевизор. Хенрик открыл рот, но не издал ни звука.

— Привет, — выговорил он наконец.

Голос его был хриплым и дрожащим.

Девочка молчала.

— Ты кого-нибудь здесь видела? — спросил он. — Других дядей?

Девочка покачала головой:

— Я их слышала... Они разбудили меня топотом, но я побоялась выходить.

— Правильно, — кивнул Хенрик. — Оставайся здесь. Где твои мама и папа?

— Папа пошел к маме.

— Где мама?

— В коровнике.

Хенрик не успел обдумать ответ. Девочка показала на нож и спросила:

— Зачем вам нож?

Хенрик опустил глаза. Только сейчас он понял, как угрожающе выглядит с огромным ножом для разделки мяса в руке.

— Не знаю, — проговорил он.

— Вы хотите нарезать хлеба?

Хенрик закрыл глаза. Пальцы его ног, к которым возвращалась чувствительность, горели.

— Что вы будете делать? — спросила девочка.

— Не знаю... Но ты должна сидеть здесь.

— Я могу пойти к Габриэлю?

— Кто это?

— Мой брат.

Хенрик устало кивнул:

— Конечно.

Девочка съерзнула с постели и, не выпуская из рук кофту и игрушку, прошмыгнула мимо него.

Собрав последние силы, Хенрик повернулся. Он услышал, как закрылась соседняя дверь, и пошел в другую сторону. Искать братьев Серелиус. Он шел вниз по коридору, стараясь вспомнить расположение комнат и прислушиваясь к звукам в доме. Ему показалось, что он слышит какой-то ритмичный звук наверху, как будто окно хлопало на ветру.

В углу коридора лежал плоский темный предмет. Хенрик подошел ближе. Он увидел на полу спиритическую планшетку. Кто-то швырнул ее на пол, отчего она треснула прямо посередине. Рядом валялся стакан. Хенрик вернулся на веранду. Через налипший на окна снег он увидел какое-то движение во дворе. Нагнувшись, он поднял с пола дедушкин топор.

Две тени приближались к дому, и в руке одной из них было что-то темное. Оружие? Он не знал, кто это, но все равно занес топор и, когда дверь открылась, опустил его на голову вошедшего.

Тильда упрямо шла вперед, увязая в сугробах.

Мартин шел рядом. Они молчали. В шторм невозможно говорить.

Они шли по полю, но куда шли, Тильда не знала. Каждый раз, когда она пыталась открыть глаза, в них словно вонзались тысячи ледяных иголок. Фуражку ее давно унесло ветром. Уши окоченели, Тильда их почти не чувствовала. Вдруг нос ее уловил знакомый запах. Пахло горящими в печке или камине дровами. Очевидно, запах шел из Олуддена. Значит, она и Мартин идут правильно.

Прямо перед ней внезапно возник похожий на вал сугроб. Тильда поняла, что под снегом скрывается каменная изгородь. Молодая женщина перебралась через невысокую изгородь, затем это сделал Мартин. За изгородью снега было меньше, словно они ступали по дороге. Внезапно Тильда услышала какой-то звук: казалось, что-то врезалось в стену. Еще через минуту она увидела две машины, полностью засыпанные снегом. Проведя рукой по одной из них, Тильда стряхнула снег и увидела знакомую надпись: «Кальмар. Сварочные работы». Тот самый фургон.

Рядом Тильда увидела прицеп с перевернутой ветром лодкой. Брезент, когда-то ее укрывавший, сорвало ветром, и по снегу были разбросаны самые разнообразные предметы: акустические колонки, бензопилы, настенные часы, керосиновые лампы...

«Украденные вещи», — догадалась Тильда.

Мартин что-то крикнул, однако она не расслышала его слов. Собрав последние силы, Тильда подергала ручки фургона. Со стороны водителя было заперто, но дверь со стороны пассажира ей удалось открыть. Забравшись на сиденье, Тильда откинулась на спинку и сделала глубокий вдох. Мартин сунул голову в дверь. Лицо и волосы у него были облеплены снегом.

— Как ты? — спросил Мартин.

Растирая уши, Тильда слабо кивнула:

— Все в порядке.

В машине было тепло, и можно было нормально дышать. Оглядевшись, она заметила, что вся машина завалена украденными вещами: шкатулками с драгоценностями, блоками сигарет и бутылками со спиртным. Повернувшись к Мартину, Тильда увидела, что одна из панелей на двери отходит и из-под нее торчит белый пакет.

— Тайник, — сказала Тильда. Мартин проследил за ее взглядом. Взявшись за кончик пакета, он потянул его вниз, и тогда вся панель отвалилась и упала в снег, так что взору открылось множество белых пакетиков. Взяв один из них, Мартин проткнул его ногтем, поднес белый порошок на кончике пальца ко рту и лизнул.

— Это метамфетамин, — констатировал он.

Тильда знала, что Мартин прав. Именно он рассказывал ученикам в полицейской школе о разных наркотиках. Тильда сунула пакетик в карман, сказав:

— Улика.

Мартин что-то хотел спросить, но она жестом велела ему молчать. Ей было не до разговоров. Вместо этого она достала пистолет из кобуры.

— Он нам понадобится, — сказала молодая женщина, вылезая из машины. Тильда прошла мимо Мартина, обошла фургон и прицеп с лодкой и пошла дальше. Теперь она видела свет маяка, пробивавшийся через снежную пелену. Они были почти рядом. Вскоре Тильда увидела жилой дом, некоторые окна в котором были тускло освещены.

«Свечи», — догадалась Тильда. Во дворе стояла машина Йоакима Вестина, засыпанная снегом. Значит, вся семья дома. В худшем случае их держат в доме как заложников, но Тильде не хотелось думать о самом худшем. Перед ней оказался коровник, обогнув который Тильда наконец оказалась защищенной от ветра. Облегченно вздохнув, она вытерла снег с лица рукавом. Теперь нужно было выяснить, сколько людей на хуторе и что они делают. Расстегнув куртку, Тильда достала из внутреннего кармана фонарик. С пистолетом в одной руке и фонарем в другой, она медленно заглянула за угол коровника.

Снег, видно было только снег. Снегом завалило стены до самых окон. Снежные наросты свешивались с крыши, и по двору гулял ветер. Мартин подошел к ней сзади и заглянул через плечо.

— Это сюда мы направлялись? — крикнул он.

Тильда кивнула:

— Олудден.

Жилой дом был в десяти метрах от коровника. В окнах горел свет, но не видно было ни одной живой души. Тильда начала медленно пробираться к дому. Снег доходил ей до пояса, но Тильда не сдавалась, крепко сжимая в руках пистолет.

В снегу виднелись свежие следы. Кто-то совсем недавно пересек двор и поднялся на крыльцо. Дойдя до крыльца, Тильда посмотрела на входную дверь. Она была взломана.

Молодая женщина медленно поднялась по ступенькам, взялась за дверную ручку и потянула на себя. И в этот момент перед ней мелькнула серебристая молния. Тильда зажмурилась, но не успела ни нагнуться, ни закрыться руками.

«Топор», — успела она подумать, прежде чем ощутила удар в лицо.

Раздался хруст костей, и жгучая боль пронзила голову Тильды. Словно издалека до нее донесся крик Мартина, когда она падала со ступенек прямо в снег.

Убийца вышел из-за деревьев, подошел прямо к Этель и прошептал:

— Пойдешь со мной? Если ты пойдешь со мной, я покажу тебе, что у меня в кармане. Нет, это не деньги. Это кое-что получше. Пойдешь со мной к воде, и я дам тебе дозу героина. Совершенно бесплатно. Думаю, ложка, шприц и зажигалка у тебя найдутся?

Этель только кивнула.

Йоаким вздрогнул, отгоняя кошмарное видение. За стеной бушевал шторм. Йоаким оглянулся по сторонам, возвращаясь к реальности. Он сидел на передней скамье в часовне, держа на коленях подарок для Катрин.

Катрин?

В часовне было темно. Батарейка в фонарике села, и единственным светом, проникавшим в щели в стене, был слабый свет от лампы в коровнике. А грохот? Это шторм терзает побережье.

Шторм достиг своего апогея. Йоакиму казалось, что коровник колышется. Ветер за окном свистел как сирена, оглушая Йоакима. Подняв глаза вверх, он увидел, как дрожат мощные балки. Вся постройка трещала и поскрипывала под напором ветра. Складывалось впечатление, что в любую минуту шторм может разнести коровник в щепки. Но в темноте часовни слышны были и другие звуки. Медленные шаги по деревянному полу. Тревожные движения в темноте. Тихий шепот. Позади него скамьи начали заполняться. Йоаким не видел лиц вошедших, но он чувствовал идущий от них холод. Посетителей было много. Они толпились в проходе и рассаживались по скамьям. Йоаким напрягся, но не двинулся с места. Шорох стих, но слышно было, как кто-то медленно идет по проходу между скамьями. Он слышал скрип шагов по деревянному полу, чувствовал слабое движение воздуха. Краем глаза он увидел, как тень с бледным лицом встала возле него.

— Катрин? — прошептал он, не поворачивая головы.

Тень медленно опустилась на скамью рядом с ним.

Йоаким осторожно протянул руку и нащупал женские пальцы. Они были ледяные, но он нежно их сжал.

— Я здесь, — прошептал он.

Никакого ответа. Тень склонила голову, словно в молитве.

Йоаким опустил глаза. Увидев рядом с собой джинсовую куртку, он

прошептал:

— Я нашел куртку Этель. И записку от соседей. Я думаю, Катрин... я думаю... Что ты убила мою сестру.

Никакого ответа.

Зима 1962 года

Мы сидели в чулане и смотрели друг на друга, я и рыбак Рагнар Давидсон.

Я так устала. Мне удалось спасти только несколько картин Торун, которые лежали рядом со мной на полу. Остальные Рагнар Давидсон выбросил в море, отдав на растерзание шторму.

Мирья Рамбе

Давидсон наполнил стакан.

— Точно не хочешь? — спросил он меня.

При виде моих презрительно поджатых губ он делает глоток, ставит стакан на стол и причмокивает. Видимо, в голове он прокручивает много вещей, которые он хотел бы со мной сделать, — но уже поздно. Живот его свело резкой болью. Я вижу, как он дергается, наклоняется вперед и прижимает руки к животу.

— Черт, — бормочет рыбак.

На лице его появляется гримаса страха. Он снова дергается, словно понимая, что произошло.

— Черт, — повторяет он. — Я думаю...

Рагнар замолкает, отводит взгляд, и тут все тело его сотрясает судорога.

Я сижу и молча смотрю на него. Мне нет нужды спрашивать, как он себя чувствует, — потому что я уже знаю ответ: яд начал действовать.

— В бутылке был не самогон, Рагнар, — говорю я наконец.

Рагнару больно. Он делает шаг назад, натывается на стену и сползает на пол, стискивая зубы.

— Я налила туда кое-что другое, — прибавляю я.

Давидсон поднимается на ноги и идет к двери мимо меня. Внезапно ко мне возвращаются силы.

— Убирайся! — кричу я ему вслед. Хватаю пустую канистру и бью его по спине. — Прочь!

Рагнар идет к выходу. Я бегу за рыбаком. Вижу, как он идет к забору, открывает калитку и идет вниз к морю.

Южная башня мигает кроваво-красным глазом, северная погасла.

В темноте я вижу у дамбы моторную лодку Рагнара. Я могу его остановить, но я просто стою и смотрю, как он пытается отвязать веревку, замирает, нагибается. Его рвет прямо в воду.

Рагнар выпускает веревку из рук, волны подхватывают лодку и уносят прочь от дамбы. Он не пытается спасти лодку, ему слишком плохо. Бросив на нее прощальный взгляд, он поворачивает назад.

— Рагнар! — кричу я.

Если он попросит меня о помощи, я помогу ему, но он меня не слышит. Не останавливаясь, рыбак ступает на берег и идет на север в сторону дома. Еще через пару минут он скрывается в темноте.

Я возвращаюсь в дом для прислуги к Торун. Она как обычно сидит на стуле у окна.

— Мама, привет! — говорю я.

Не поворачивая головы, она спрашивает:

— Где Рагнар Давидсон?

Я со вздохом отвечаю:

— Ушел. Он был здесь... Но уже ушел.

— Он выбросил картины?

Затаив дыхание, я смотрю на Торун.

— Картины? — переспрашиваю я со слезами на глазах. — Откуда ты знаешь?

— Рагнар сказал, что выбросит их.

— Нет, мама, — отвечаю я. — Они в чулане. Принести?..

— Лучше бы он их выбросил.

— Что? Что ты говоришь?

— Я попросила Рагнара бросить их в море.

Проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что она сказала, — и у меня внутри что-то лопается и по телу разливается едкая жидкость. Я бросаюсь к Торун.

— Ну и сиди здесь, чертова старуха! — кричу я. — Сиди здесь до самой смерти! Чертова слепая...

Я отвешиваю ей пощечину за пощечиной, и Торун покорно принимает удары. Она все равно не может защититься, потому что ничего не видит.

Я бью и бью мать по лицу. Шесть, семь, восемь, десять... На двенадцатой пощечине моя рука останавливается. В тишине слышно только мое прерывистое дыхание и свист ветра за окном.

— Почему ты оставила меня с ним? — спрашиваю я. — Ты же слышала, как от него воняет? Видела, как там было грязно? Ты не должна была оставлять меня одну с ним, мама!..

И, помолчав, добавляю:
— Но ты была слепа уже тогда.

После этого я больше не могла оставаться на Олуддене, Я уехала с хутора и больше не вернулась. С Торун я перестала общаться. Я устроила так, чтобы ее забрали в дом престарелых, но мы никогда больше не виделись. На следующий день пришли новости о том, что паром между Эландом и материком потерпел крушение. Несколько пассажиров утонули в ледяной воде. Среди них был Маркус Ландквист. Еще одной жертвой шторма был рыбак Рагнар Давидсон, которого нашли на берегу мертвым. Я не чувствовала вины за его смерть. Я вообще ничего не чувствовала.

Мне кажется, в доме для прислуги никто больше не жил после нас с Торун. И мне кажется, даже в жилом доме никто не жил больше двух месяцев летом. Стены его насквозь пропитались горем, отпугивая новых жильцов.

Шестью неделями позже, уже переехав в Стокгольм, чтобы поступать в школу живописи, я обнаружила, что беременна.

Катрин Лунный свет Рамбе родилась через восемь месяцев. Она была первым из моих детей, и у нее были глаза отца.

— Эй! — крикнул Хенрик человеку на снегу. — Вы в порядке?

Идиотский вопрос. Человек лежал в снегу неподвижно с залитым кровью лицом. Хенрик моргнул. Все случилось слишком быстро. Он думал, что это братья Серелиус, и, когда один из них открыл дверь, опустил занесенный топор. Но не лезвием, а обухом вниз, это он точно помнил.

Внезапно в свете уличного фонаря он увидел, что в снегу перед ним лежит женщина.

В паре метров от нее стоял мужчина; он тут же рванулся вперед и упал на колени в снег рядом с женщиной.

— Тильда! — закричал мужчина. — Тильда, очнись!

Женщина попыталась приподнять голову. Хенрик вышел на крыльцо и прищурился, стараясь рассмотреть женщину в темной униформе. Полиция. Женщина упала прямо в сугроб, и из ее носа и рта кровь тонкой струйкой стекала в снег. Хенрику на мгновение показалось, что все вокруг замерло.

Только снег продолжал падать крупными хлопьями.

Боль в животе Хенрика вернулась и теперь пульсировала с новой силой.

— Эй! — произнес он. — Как вы?

Никто не ответил, но мужчина поднял выроненный Хенриком топор и шагнул к крыльцу.

— Брось его! — крикнул он Хенрику, поднимаясь на ступеньку.

Позади мужчины женщина закашлялась, и ее начало рвать кровью в снег.

— Что? — непонимающе произнес Хенрик.

— Брось, я сказал.

Только тут Хенрик понял, что мужчина имеет в виду нож. Хенрик по-прежнему сжимал его в руке и не хотел его отпустить. Братья Серелиус поблизости, ему нужно чем-то себя защитить.

Женщину больше не рвало. Она осторожно поднесла руку к лицу, ощупывая нос. Кровь уже начала застывать на морозе, превращая лицо в черную маску.

— Как тебя зовут? — крикнул мужчина.

Женщина подняла голову и громко сказала, стараясь перекричать ветер:

— Хенрик! Хенрик Янсон.

Ей три раза пришлось крикнуть, прежде чем мужчина услышал имя.

— Брось нож, Хенрик! — сказал он. — И мы поговорим.

— Поговорим?

— Ты виновен в ограблении, Хенрик, — продолжала женщина. — Ограблении со взломом. И нанесении телесных повреждений. И вандализме.

Хенрик ничего на это не сказал. Он слишком устал. Сделав шаг назад, он покачал головой:

— Это все Томми и Фредди.

— Что?

— Это все эти чертовы братья, — добавил Хенрик едва слышно. — Я только их сопровождал. Это было совсем не так, как с Могге... Я и не думал...

Внезапно что-то просвистело у него прямо над ухом. Как пуля, прорезавшая воздух. Хенрик обернулся и увидел в окне веранды отверстие с неровными краями.

«Неужели это шторм? Может, это шторм разбил окно? Или в меня стреляли из пистолета? Но у полицейского в руках вроде не было пистолета», — в отчаянии подумал Хенрик. Но, выглянув в разбитое окно, он увидел, что у коровника кто-то стоит, держа наперевес предмет, похожий на ружье. Хенрик пригляделся. Несмотря на густой снег, он тут же узнал старый маузер.

Возле коровника стоял Томми в черной маске грабителя. Он что-то крикнул, вскинул ружье, и оно дернулось у него в руках. Один раз. Еще один. И тут же мужчина, стоявший перед Хенриком, пошатнулся и скатился по ступенькам вниз.

Тильда видела, как Мартина ранило.

Это было после того, как ее ударили топором. Она не потеряла сознание. Мозг бодрствовал и реагировал на все происходящие. Боль, падение, пистолет, выпавший из руки. Снежный сугроб, принявший ее в свои объятия. Сломанный нос. Горячая кровь во рту. Тильда лежала, не в силах пошевелиться после долгого блуждания в шторм.

«Для одного вечера достаточно, — подумала молодая женщина. — С меня хватит».

— Тильда!

Это над ней склонился Мартин. Позади него на крыльце она увидела мужчину. В руках у него был огромный нож, и мужчина что-то кричал, но Тильда не могла разобрать слов. Время остановилось. Она погрузилась в туман, из которого ее вырвал рвотный позыв. С трудом Тильда повернула голову, и ее вырвало кровью прямо в снег.

Откашлявшись, Тильда приподняла голову и попыталась собраться с мыслями. И в этот момент она услышала, как Мартин приказывает мужчине бросить нож.

На лестнице был Хенрик Янсон. Вор, которого они искали.

— Хенрик!

Тильда выкрикнула его имя несколько раз, одновременно стараясь припомнить, в чем его обвиняют. Но вместо ответа она услышала выстрел.

Он был произведен из коровника, находящегося напротив жилого дома. Послышался глухой щелчок, и в стекле рядом с Хенриком образовалось темное отверстие. Хенрик повернул голову и в недоумении уставился на дыру в стекле.

Мартин продолжал подниматься по ступенькам, говоря с преступником спокойно и уверенно, как он и учил в полицейской школе.

Тильда поняла, что они не слышали выстрела; она хотела предупредить об опасности, но не успела: раздались новые выстрелы. Она видела, как Мартин пошатнулся, колени его подогнулись, и он скатился по ступенькам и тяжело рухнул на снег в паре метров от нее.

— Мартин!

Он лежал ничком, и Тильда подползла к нему. Она расслышала слабый стон.

— Мартин?

«Дыхание, кровотечение, шок», — вспомнила Тильда. Много раз она слышала на занятиях по оказанию первой помощи раненым, что в подобных ситуациях следует делать.

Дыхание? Трудно было понять, но не похоже было, чтобы Мартин дышал.

Она расстегнула на нем куртку и окровавленную кофту и нашла то, что искала: отверстие от пули слева от позвоночника. Из раны обильно вытекала кровь. Неужели пуля задела артерию?

Раненому нельзя было лежать на улице, но Тильда не могла втащить Мартина в дом. И у нее не было времени. Сунув руку в карман, она вытащила пакет с бинтом.

— Мартин? — крикнула она, прижимая бинт к ране.

Никакой реакции. Глаза были открыты, но он не видел ее — Мартин был в состоянии шока.

Пульс не чувствовался.

Перевернув Мартина на спину, Тильда начала делать ему массаж сердца. Надавить. Подождать. Снова надавить. Безрезультатно. Мартин больше не дышал и не реагировал на массаж. Снег падал ему прямо в открытые глаза.

— Мартин?

Тильда сдалась. Упав рядом с Мартином в снег, она зарыдала.

Все не так. Мартин не должен был быть здесь. Не должен был за ней ехать.

Снова раздались выстрелы. Тильда пригнула голову.

Пистолет? Она уронила его, когда падала в снег.

«Зиг-Зауэр» черного цвета, и его не составит труда найти в снегу. Тильда начала торопливо рыться в сугробах вокруг себя.

К ней направлялся человек в черной шапке с прорезями для глаз и ружьем в руках. Он заметил Тильду в то же мгновение, как она заметила его, и что-то крикнул. Тильда молчала, продолжая шарить рукой в снегу. Наконец она нащупала что-то твердое и тяжелое, выскальзывавшее из пальцев. Тильда крепко сжала пистолет и вытащила из снега.

Стряхнув с дула снег, она сняла пистолет с предохранителя и направила на мужчину.

— Полиция! — крикнула она.

Мужчина в маске что-то сказал, но ветер унес его слова. До Тильды донеслось только что-то похожее на «убба-убба».

Мужчина замедлил шаг и пригнулся, но не остановился.

— Стой на месте! Опустить ружье на землю! — От страха ее голос

превратился в жалобный писк. — Я буду стрелять!

И она выстрелила. Это был предупредительный выстрел в воздух, столь же жалкий, как и ее испуганный голос.

Мужчина остановился, но ружье не выпустил. Опустившись на колени в десяти метрах от Тильды, он поднял ружье и направил на нее. Тильда быстро нажала на спусковой крючок. Раздался выстрел. Мужчина бросился на землю, прячась за сугробом, и в это мгновение погас свет. Свет в окнах и фонарь погасли одновременно. Электричество отключилось, и хутор погрузился в темноту.

И Этель пошла. Вдоль темных тропинок между деревьями, спускавшихся к морю. Она шла вниз, где в черном зеркале моря отражался свет окон жилых домов и фонарей.

Там она послушно присела в тени лодочного сарая на причале и получила обещанную награду. Потом нужно было только повторить привычную процедуру — нагреть коричневый порошок в ложке, наполнить шприц и ввести иглу в вену.

Свобода.

Убийца терпеливо ждал, пока голова Этель опустится на грудь и сознание девушки отключится. Потом ему нужно было только подойти и столкнуть безжизненное тело с причала. Прямо в ледяную воду.

Йоаким обнаружил, что все еще сидит на скамье. В часовне было темно, но в слабом белом свечении, похожем на лунный свет, он различал деревянные балки, закопченное окошко и рисунок разверстой могилы Иисуса. За стеной все еще бушевал шторм.

И Йоаким был не один. Рядом сидела Катрин. Краем глаза он видел ее бледное лицо. За его спиной рассаживались по скамьям другие тени. Он слышал, как скрипят половицы и старые скамьи и как нетерпеливо ждут прихожане своей очереди получить благословение. За его спиной тени начали подниматься. Йоаким, повинувшись импульсу, тоже поднялся, но его не оставляло ощущение того, что он не должен был быть в часовне. Ему здесь не место. Особенно в эту ночь. В любую минуту его могут обнаружить.

— Вставай! — шепнул он. — Доверься мне!

Йоаким потянул Катрин за ледяные пальцы, заставляя встать, и наконец она повиновалась. Он услышал за спиной шаги. Тени начали собираться в узком проходе. Их было так много, что всем не хватало места. Комната все больше и больше заполнялась тенями.

У Йоакима не было иного выхода, кроме как стоять на месте, крепко сжимая ледяные пальцы жены.

В комнате стало холоднее, и он вздрогнул. За спиной шуршала одежда, половицы поскрипывали, тени медленно его окружали.

Йоаким понял, что им нужно было тепло. Благословенное тепло. Но им нужно было больше, чем Йоаким мог дать. Он почувствовал, как

дрожит от холода. Тени тянулись к нему из темноты, вовлекая его в свой смертельный танец, и Йоаким не мог ничего поделать.

— Катрин, — прошептал он в отчаянии.

Но ее больше не было рядом с ним. Холодные пальцы выскользнули из его руки, и Катрин растворилась среди других теней в часовне.

— Катрин?

Ее больше не было. В отчаянии Йоаким вертел головой из стороны в сторону, пытаясь пробиться через окружавшую его толпу, но никто не отступил в сторону, чтобы дать ему дорогу.

Внезапно до него донесся какой-то звук с улицы, похожий на крик. И за ним несколько хлопков, как будто кто-то выстрелил из пистолета. Йоаким застыл на месте и прислушался. В часовне было тихо. Он больше не слышал ни шепота, ни скрипа шагов в проходе. Свет от лампы в коровнике, проникавший в щели между досками, внезапно погас.

«Отключили электричество», — догадался Йоаким. Он стоял один в полной темноте. Казалось, все его покинули и скрылись во тьме. Еще через минуту он увидел сквозь щели в стене дрожащий желтый свет, быстро набирающий силу.

Тильда несколько раз закрыла и открыла слипшиеся от снега веки, скатала снежок и прижала его к сломанному носу. Потом осторожно поднялась на дрожащих ногах, не выпуская из руки пистолет. Голова у нее раскалывалась, нос горел, но ей удалось встать.

Двор погрузился в темноту. Тильда видела только очертания сугробов, за которыми как темный собор возвышался коровник. Электричество отключили. Должно быть, не только на хуторе, но и на всем северном Эланде. Это уже случалось раньше, когда сломанные штормом деревья падали на провода.

В паре метров от нее неподвижно лежал Мартин. Лица его не было видно, но безжизненное тело уже начал засыпать снег. Достав из кармана мобильный телефон, Тильда набрала дежурную часть. Номер был занят. Она попробовала связаться с участком в Боргхольме, но сигнал не проходил.

Спрятав телефон в карман, Тильда обвела взглядом двор. Мужчины, стрелявшего в нее, нигде не было видно. Она ответила на выстрел. Может, мужчина ранен.

Тильда перевела взгляд на крыльцо. Хенрик Янсон тоже исчез. Направляя пистолет на коровник, Тильда попятилась к крыльцу. Быстро поднялась по ступенькам, пригнувшись, и заглянула в открытую дверь. Первое, что она увидела на веранде, была пара мужских ботинок. Темная фигура в верхней одежде лежала на ковре, слышалось тяжелое дыхание.

— Хенрик Янсон? — спросила Тильда.

Через пару секунд последовал ответ:

— Да?

— Не двигайся, Хенрик, — приказала Тильда.

Она переползла через порог и направила пистолет на Хенрика. Тот лежал, не двигаясь, и не пытался скрыться. Одной рукой он держался за живот, другой вцепился в ковер.

— Ты ранен, Хенрик? — спросила Тильда.

— В живот... отверткой.

Тильда кивнула. Насилие. Ей хотелось завопить, но вместо этого она вышвырнула в снег нож Хенрика, потом быстро его обыскала. Больше оружия не было.

Вытащив из кармана последний стерильный бинт, она протянула его

Хенрику.

— Там на улице Мартин, — прошептала она. — Его застрелили.

— Он тоже полицейский? — спросил Хенрик.

Тильда вздохнула:

— Да, он преподаватель из полицейской школы.

Хенрик вскрыл бинт, сказав:

— Идиоты.

— Кто, Хенрик? Кто застрелил Мартина?

— Томми и Фредди, — пробормотал он.

Тильда недоверчиво посмотрела на Хенрика, и он пожал плечами:

— Они так себя называют... Томми и Фредди.

Тильда вспомнила мужчин перед ипподромом.

— Так вы работаете вместе?

— Работали.

Хенрик приподнял кофту и, прикрепляя бинт к животу, заметил:

— Это Томми меня ранил.

— Какое у них оружие, Хенрик?

— Охотничье ружье. Маузер. Может, еще что-то.

Тильда наклонилась и помогла Хенрику прикрепить бинт. После этого приказала:

— Ложись на живот.

— Зачем? — с недоумением произнес Хенрик.

— Я должна надеть на тебя наручники, — ответила Тильда, отцепляя наручники от пояса.

Хенрик опешил.

— Если они тебя застрелят, то придут за мной, — наконец проговорил он. — У меня не будет ни единого шанса.

Подумав, Тильда прицепила наручники к поясу и сказала:

— Я вернусь.

Отвернувшись, она спрыгнула с крыльца и спряталась за сугробом. Бросив последний взгляд на Мартина, она начала ползти по снегу к коровнику. Тильде приходилось все время моргать, стряхивая снежные хлопья: она боялась вовремя не заметить преступников.

За большим сугробом в двух метрах от коровника она увидела вмятину в снегу в форме человеческого тела. «Отсюда он стрелял», — подумала Тильда. Приглядевшись, она не нашла следов крови. Значит, преступник цел и прячется в коровнике.

Безжизненное тело Мартина встало у нее перед глазами. Открытая дверь коровника зияла в паре метров от нее, но Тильда не решалась войти.

Ей было страшно. Чуть правее виднелся другой вход — узкая дверь, окрашенная в черный цвет. Тильда медленно поползла к ней, чувствуя, как снег падает ей за шиворот и тает, стекая по шее на грудь.

Достигнув цели, Тильда взялась за ручку и потянула на себя. Полностью открыть дверь ей помешал сугроб. Тильда заглянула внутрь. Было так темно, что хоть глаза выколи. Электричество еще не включили. Подняв пистолет, она вошла внутрь.

Вжавшись в стену, Тильда прислушалась. Боль снова вернулась и обожгла переносицу. Тильда не знала, видно ее в темноте или нет.

Здесь шторм был не так слышен, как снаружи, — но весь дом словно ходил ходуном от сильного ветра. Толстые бревна поскрипывали вокруг нее. Через минуту Тильда начала двигаться, стараясь бесшумно ступать по полу. Перед ней возникла черная тень; Тильда уже готова была разрядить в нее пистолет, но в этот момент ботинок ее уперся в огромную шину. Над шиной Тильда разглядела капот с надписью «МакКормик».

Она наткнулась на старый трактор — ржавый монстр на колесах, простоявший здесь, должно быть, ни одно десятилетие. Обойдя его, Тильда увидела старые банки с краской и гору досок на полу. Наверно, здесь у них склад, подумала она, пытаясь припомнить, с какой стороны вошла в сарай.

Внезапно до нее донесся шум из другого конца сарая. Тильда резко обернулась, но никого не увидела. Хенрик сказал, что преступников двое, но у Тильды было ощущение, что их намного больше. Очень неприятное ощущение. Молодой женщине казалось, что сотни теней таятся в темноте и следят за каждым ее движением. Глаза уже привыкли к темноте, и она могла видеть противоположную стену.

Внезапно слева от нее что-то звякнуло. Еще через секунду в сарае стало светлее, и в стене рядом с собой Тильда увидела дверь в коровник. Это из-за нее проникал дрожащий желтый свет. Ощувив запах дыма, Тильда догадалась, что это за свет. Она бросилась к двери и заглянула в соседнюю комнату.

Огонь пылал у подножия крутой лестницы, ведущей на сеновал. В воздухе пахло керосином. Кто-то собрал в кучу посреди сарая старое сено и разбил об пол бутылку с керосином. Огонь набирал силу, и языки огня уже начали лизать ступеньки лестницы.

По другую сторону костра стоял крупный мужчина одних с Хенриком лет. В руках у него была черная шапка. Тильду он не заметил. Он стоял, неподвижно глядя на огонь; лицо его ничего не выражало. Рядом с ним лежала на полу картина в раме, но ружья нигде не было видно.

Тильда огляделась по сторонам. Убедившись, что никто за ней не

следит, она сделала вдох и шагнула через порог, поднимая пистолет.

— Полиция! — крикнула она. — Не двигайся!

Мужчина посмотрел на нее с удивлением.

— Ляг на пол! — приказала Тильда. Пришедший в замешательство мужчина не двигался.

— Брат ищет выход, — пробормотал он.

Тильда продолжала движение. Она была в двух шагах от преступника. Он шагнул в сторону выхода, и Тильда прицелилась, крикнув:

— На пол!

Если он не послушается, что она будет делать? Стрелять? Тильда сама не знала, но продолжала целиться мужчине в голову.

— Ложусь, — кивнул тот и опустился на живот.

— Руки за спину!

Склонившись над мужчиной, Тильда отцепила от пояса наручники, одной рукой быстро соединила его запястья и защелкнула металлическими браслетами.

Теперь преступника можно было обыскать. В кармане у него были только нож и таблетки, много таблеток.

— Как тебя зовут? — спросила Тильда. Он помедлил немного и ответил:

— Фредди.

— Как твое настоящее имя?

— Свен, — неохотно сказал мужчина, но его ответ вызывал сомнение.

— Ладно, Свен, лежи и не двигайся!

Поднявшись на ноги, Тильда увидела, что огонь уже охватил почти всю лестницу, ведущую на сеновал.

Она огляделась. Под рукой не было ни огнетушителя, ни воды. Сняв с себя куртку, Тильда начала сбивать пламя, но безуспешно. Огонь словно стремился вверх навстречу шторму. Может, ей удастся сбросить лестницу на каменный пол? Тильда схватилась за лестницу и в это мгновение краем глаза уловила какое-то движение. Она резко обернулась. К ней приближался высокий мужчина в джинсах и свитере. Остановившись, он посмотрел на огонь, потом перевел взгляд на Фредди и затем на Тильду.

Она не сразу узнала Йоакима Вестина.

— Не могу потушить! — крикнула Тильда. — Я пыталась.

Йоаким кивнул. Он был совершенно спокоен, словно угроза пожара его нисколько не пугала.

— Снег, — сказал он. — Надо принести снег.

«Но откуда он появился?» — подумала Тильда.

Хозяин Олуддена был бледен, но совершенно спокоен. Непохоже было, что присутствие незваных гостей его хоть сколько-нибудь удивило. И даже вид огня его не взволновал.

— Я принесу, — прибавил Йоаким и направился к двери.

— Справитесь без меня? — спросила Тильда.

Он кивнул, не останавливаясь.

Тильда отошла от лестницы.

— Лежи здесь, — сказала молодая женщина Фредди. — Мне нужно найти твоего брата.

Тем не менее она задержалась на пороге, ожидая возвращения Йоакима. Через минуту он вернулся с полной снега лопатой.

Йоаким и Тильда кивнули друг другу, и Тильда вернулась в помещение, где находился трактор. За спиной она услышала шипение и треск, когда Йоаким накрыл пламя снегом.

Тильда подняла перед собой пистолет. В помещении было темно, но она чувствовала какое-то движение впереди, хоть и не могла ничего увидеть. Она шла вдоль северной стены; в стене были проделаны небольшие окошки, но их снаружи засыпало снегом. Внезапно перед Тильдой возникла дверь, и, войдя в нее, молодая женщина оказалась в другом помещении, еще большем и еще более холодном, чем те, где она уже побывала. Тильда замерла. Она остро ощущала чье-то присутствие. Прислушавшись, молодая женщина сделала шаг вперед. В ту же секунду раздался выстрел.

Тильда пригнулась, еще не понимая, попала в нее пуля или нет. В ушах у нее звенело. Она закашлялась. В помещении стало тихо. Отважившись наконец поднять глаза, Тильда увидела в пяти метрах от нее еще одну закрытую дверь. Эта дверь вела на улицу, но сейчас путь преграждал мужчина. Брат Фредди, Томми. Это мог быть только он. Мужчина сдвинул черную шапку на лоб, открыв бледное лицо, которое отдаленно походило на лицо Фредди.

В левой руке у преступника было охотничье ружье.

Тильда подняла пистолет и прицелилась.

— Опустит ружье! — громко сказала она.

Но Томми просто стоял в дверях, как будто спал. Правая рука его лежала на ручке двери, взгляд был опущен в пол, словно Томми собирался выйти, но что-то его остановило. И он был бледен. Бледен как привидение.

— Томми? — позвала Тильда.

Мужчина ничего не отвечал.

Наркотический психоз? Превозмогая страх, Тильда пошла навстречу убийце Мартина. Протянув руку, она осторожно отобрала у него ружье. Поставила на предохранитель и опустила ружье на пол рядом с собой.

— Томми? — сказала она после этого. — Ты можешь двигаться?

Стоило ей коснуться руки преступника, как тот пробудился к жизни. Он резко отшатнулся, ударив спиной дверь; та открылась, и Томми, потеряв равновесие, рухнул в сугроб. Мужчина тут же поднялся на ноги и побежал прочь. Тильда бросилась за ним. В десяти метрах впереди виднелись деревья.

— Томми! — крикнула она. — Стой!

Ее крик унес ветер, а мужчина продолжал бежать. Он стремительно пробирался через сугробы к лесу. Крикнув что-то через плечо, Томми скрылся среди деревьев.

Тильда сделала предупредительный выстрел в воздух и упала на колени. Сжимая пистолет дрожащими руками, она прицелилась.

Она знала, что нужно целиться в ноги, но не могла заставить себя стрелять в человека.

Томми бежал между невысокими деревьями. Снежный покров в лесу был тоньше, и мужчина постепенно ускорял шаг; через пять секунд он превратился в серую тень и исчез из виду.

Черт!

Тильда стояла, вглядываясь в темноту, но ничего не могла различить. Ветер продолжал бушевать на побережье, пальцы Тильды снова утратили чувствительность. Почувствовав это, молодая женщина повернулась к ветру спиной и вернулась в сарай. Подобрал охотничье ружье, она снова вышла на улицу. Ей не хотелось по пути к Йоакиму встретиться еще с кем-нибудь в темноте сарая. От холода и шока Тильда едва передвигала ноги, но продолжала идти.

С помощью снега Йоакиму удалось справиться с пламенем. Когда Йоаким затушил последний язычок огня, он увидел, что вся лестница обуглилась, а помещение заволокло едким серым дымом.

Откашлявшись, Йоаким опустился на корточки рядом с лестницей, по-прежнему сжимая в руках лопату для уборки снега.

Голова его словно опустела. У него не было сил думать, откуда взялись все эти незваные гости или о том, что случилось в потайной комнате. Герлоф Давидсон был прав: не стоило призывать призраков. Йоаким не помнил ничего из того, что случилось с ним вечером. Действительно ли там наверху он видел Катрин? И она в самом деле призналась, что убила его сестру?

Нет, Катрин этого не говорила.

Он взглянул на мужчину на полу. Йоаким понятия не имел, кто это и почему мужчина в наручниках, — но если это полицейские его сковали, значит, на то была причина.

Йоакиму показалось, что он снова слышит выстрелы на улице. Он напряг слух, но ничего больше не услышал. Тогда он обратился к мужчине на полу:

— Это ты развел огонь?

Через пару секунд он услышал ответ:

— Простите.

Йоаким со вздохом проговорил:

— Придется построить новую лестницу на сеновал...

Поднявшись, он внезапно вспомнил, что Ливия и Габриэль одни в доме.

Как он мог оставить детей одних?

Сбоку послышался звук открывающейся двери, и, повернув голову, Йоаким увидел Тильду Давидсон, всю в снегу. В одной руке у нее был пистолет, в другой — охотничье ружье. Тяжело дыша, молодая женщина грузно вошла внутрь и рухнула на пол.

— Он сбежал, — выдохнула она.

Фредди приподнял голову.

— Скрылся в лесу, — прибавила Тильда, принимая сидячее положение. — Но, по крайней мере, у него больше нет оружия.

— Я должен пойти к детям, — сказал Йоаким. — Вы в порядке?

Тильда кивнула, но осталась сидеть, уронив голову на грудь.

— Там кое-кто есть... двое мужчин, — прошептала она.

— Раненые?

— Один ранен, другой убит...

Йоаким больше не задавал вопросов. Когда он последний раз взглянул на молодую женщину, та уже достала мобильный и набирала номер. Выйдя наружу, Йоаким пошел к дому. Хутор уже не казался ему таким большим, как прежде. Казалось, под ударами ветра постройки съжились и столпились, как стая испуганных собак. Ветер сорвал с крыши часть черепицы, разбросав ее по двору.

Поднявшись на крыльцо, Йоаким открыл дверь. На полу в прихожей лежал мужчина. Мертвый? Нет, он просто спал. Стекла дрожали от порывов ветра, рамы тряслись, но не сдавались.

Йоаким зашел в дом и замер.

В коридоре раздавались какие-то звуки.

Хриплое дыхание.

Там была Этель.

Он чувствовал, что она стоит перед дверью в детскую. «Она пришла за своей дочерью», — догадался Йоаким. Этель пришла, чтобы забрать Ливию с собой. Йоаким не в силах был пошевелиться. Наконец он крепко зажмурился и открыл дверь.

Верь мне, мысленно произнес он, и вошел внутрь. В коридоре было пусто.

Тильда не помнила, как ей помогли подняться на веранду. По-прежнему было жутко холодно, но ветер начинал понемногу стихать. Это Йоаким Вестин расчистил от снега дорожку к дому и помог ей выбраться из коровника.

— Вы вызвали помощь? — спросил Йоаким.

Она кивнула:

— Они приедут, как только смогут, но не знают когда.

Они прошли мимо сугроба, из которого торчал край кожаной куртки.

— Кто это? — указав на него, сказал Йоаким.

— Его звали Мартин Альквист, — ответила Тильда и зажмурилась. Ее ждет много вопросов о том, что случилось этой ночью. Что пошло не так? Правильно ли она поступила, и можно ли было поступить иначе? И большинство из этих вопросов она задаст себе сама. Но сейчас у нее просто не было сил.

В доме было тихо.

Йоаким провел ее в большую комнату с печкой в углу, где на полу ее уже ждал застеленный матрас. В комнате было тепло, и Тильда с радостью опустилась на матрас. Нос ужасно болел, и дышать можно было только через рот, но Тильда так устала, что мгновенно погрузилась в сон. Время от времени она просыпалась от боли и страха, и ей казалось, что она снова в темном сарае, где к ней тянутся бледные руки с острыми когтями; потом Тильда снова погружалась в забытие, лишь отдаленно напомиравшее нормальный сон. Когда же она сможет расслабиться?.. На рассвете кто-то склонился над ней, и молодая женщина вздрогнула.

— Тильда? — услышала она голос Вестина.

Он медленно и четко, словно объясняя ребенку, прибавил:

— Ваши коллеги звонили, Тильда... Они скоро будут.

— Хорошо, — гнусаво произнесла она из-за распухшего носа. Потом зажмурилась и спросила: — А Хенрик? Хенрик Янсон. Он был на веранде. Как он?

— Нормально. Я его перевязал.

— А Томми? Он здесь?

— Нет, полиция собирается его искать.

Тильда кивнула и снова отключилась.

Через некоторое время ее разбудил шум мотора и голоса, но молодая

женщина все равно не понимала, где находится. Снова раздался голос Йоакима:

— Машины не могут проехать, Тильда, они одолжили у военных транспортер.

Скоро комната заполнилась людьми, Тильду довольно грубо подняли с матраса и куда-то понесли. Она снова оказалась на холоде, но ветра больше не было, и по бокам от дорожки возвышались белые сугробы.

«Рождество», — подумала Тильда.

Дверь хлопнула. Потом другая. Молодую женщину положили на носилки в фургоне и оставили в покое.

Она огляделась и увидела рядом с собой на полу неподвижное тело в пластиковом мешке. Кто-то рядом закашлялся. Подняв голову, Тильда увидела на соседних носилках человека, укрытого серым покрывалом. Он шевелился. Мужчина лежал, отвернувшись лицом к стене, но она узнала одежду.

— Хенрик, — позвала Тильда.

Никакого ответа.

— Хенрик! — крикнула Тильда, и крик болью отозвался в ребрах.

— Что? — Мужчина нехотя повернул голову.

Наконец она рассмотрела его. Столяра и грабителя Хенрика Янсона. Он выглядел как обычный двадцатипятилетний парень. Только лицо у него было блее мела. Тильда набрала в грудь воздуха и выговорила:

— Хенрик, ты сломал мне нос своим чертовым топором!

Он молчал.

Тильда спросила:

— Что ты еще натворил?

Грабитель по-прежнему молчал.

— Здесь был смертельный случай осенью, — после паузы сказала Тильда. — Женщина утонула.

Хенрик зашевелился.

— Люди слышали шум моторной лодки у хутора, — продолжала Тильда. — Это твоих рук дело?

Хенрик открыл глаза.

— Это была не моя лодка, — ответил он.

— Не твоя? — переспросила Тильда. — Тогда чья же?

— Чужая лодка. Я ее видел.

— Вот как...

— Я все видел... В тот день, когда она умерла...

— Катрин Вестин, — вставила Тильда.

— ...К ней приехали, — продолжал Хенрик. — На большой белой лодке, похожей на яхту.

— Ты ее раньше видел?

— Нет, она была больше, чем у меня: скорее яхта, чем лодка. Она причалила к дамбе, на которой кто-то стоял. Я думаю, это была Катрин.

— И?..

Тильда вдруг поняла, что больше не в силах произнести не слова.

— Я все видел, — повторил Хенрик.

Их глаза встретились.

— Поговорим потом, — сказала Тильда. — У нас будет много времени. Тебя ждет немало допросов.

Хенрик вздохнул. В фургоне снова воцарилась тишина. Тильде хотелось закрыть глаза и все забыть, особенно то, что случилось с Мартином.

— Ты что-нибудь слышала на хуторе ночью? — вдруг спросил Хенрик.

— Ты о чем?

Хлопнула дверца, раздался шум мотора, и машина начала движение.

— Стук? — прибавил Хенрик.

Тильда не поняла, что он имеет в виду, и ответила:

— Нет, я ничего не слышала.

— Я тоже, — сказал Хенрик. — Никакого стука. Я думал, это все лампа или планшетка. Но теперь все тихо...

Тильде показалось, что, несмотря на ранение и предстоящий арест, в его голосе прозвучало облегчение...

Наступило рождественское утро, но электричество так и не включили. Сугробы доставали до самых окон. Ночью на военном транспортере приезжали полицейские с собакой. Они обыскали все постройки на хуторе, но так и не нашли убийцу. Около трех часов полицейские уехали, увозя с собой Тильду и других, и только после этого Йоаким наконец лег спать и проспал несколько часов подряд.

Впервые в течение нескольких недель он спал спокойно и проснулся только в восемь утра. В доме было темно и тихо, но он зажег керосиновую лампу, а еще через час над морем поднялось солнце.

Еще через час в окна начал проникать свет: это солнце встало над морем, — однако, чтобы его увидеть, Йоакиму пришлось подняться на второй этаж и открыть окно.

Все побережье превратилось в бескрайнюю снежную пустыню с белыми дюнами, сверкающими на солнце и резко контрастирующими с глубокой синевой неба. Красные стены строений казались почти черными на фоне ослепительно-белого снега.

Арктическая тишина царила на хуторе. Даже ветра не было. Впервые за все время, что он был на острове, Йоаким наблюдал полное отсутствие ветра.

Шторм прошел, но оставил о себе на память метровую стену из снега и льда вдоль берега моря.

Йоаким проверил, на месте ли маяки. Он читал, что старые маяки часто падают во время штормов, — но башни, как и раньше, возвышались среди ледяных глыб.

Затопив печи, Йоаким разбудил детей.

— С Рождеством! — сказал он.

Дети уснули прямо в одежде на кровати Габриэля. Там он и нашел их вчера вечером, когда вернулся в дом. Тогда он не стал их будить, только накрыл покрывалом.

Йоаким ждал вопросов о том, что случилось ночью на хуторе, о выстрелах и чужих дядях, но Ливия только потянулась.

— Вы хорошо спали?

Девочка кивнула и сказала:

— Мама была здесь.

— Что?

— Она приходила, когда тебя не было.

Йоаким перевел взгляд с дочери на сына. Габриэль кивнул, словно подтверждая слова сестры.

Ливия, не лги, хотел сказать Йоаким, мама не могла быть здесь, но вместо этого он спросил:

— И что мама сказала?

— Сказала, что ты скоро придешь, — ответила Ливия. — Но ты не пришел.

Йоаким присел на край кровати.

— Теперь я здесь, — успокоил он детей. — Я больше никуда не уйду.

Йоаким разбудил Фредди, тихого молчаливого парня; ему не хватило места в транспортере, поэтому его оставили спать, приковав наручниками к батарее.

— Твоего брата так и не нашли, — сообщил Йоаким.

Фредди лишь устало кивнул.

— Что вы здесь искали?

— Все, что попадется. Дорогие картины...

— Картины Торун Рамбе? — с удивлением произнес Йоаким. — У нас здесь только одна. Так вы картины искали в коровнике?

— В доме была только одна, больше мы не нашли. И тогда мы пошли и подожгли коровник.

— Зачем? — спокойно спросил Йоаким.

— Не знаю.

— Но ты не собираешься больше делать глупости?

— Нет.

Йоаким, которому Тильда доверила ключ от наручников, решил проявить великодушие в рождественский день и освободил Фредди от наручников.

В одиннадцать снова зажегся свет, и грабитель устроился перед телевизором смотреть праздничную программу. Позднее Фредди должна была забрать полиция. С грустным видом он смотрел мультфильмы про Деда Мороза, танцы вокруг елки, кулинарные шоу и репортажи с заснеженных площадей.

Ливия и Габриэль присели рядом, но никто из них не произнес ни слова. Несмотря на молчание, атмосфера была расслабленная.

Сам Йоаким остался в кухне с тетрадкой, найденной в часовне рядом с курткой Этель. Целый час он читал рассказанные Мирьей Рамбе трагические истории, связанные с Олудденом, включая ее собственную.

В конце тетради было несколько чистых листов, а за ними шли еще несколько, исписанных другим почерком, непохожим на почерк Мирьи.

Приглядевшись, Йоаким узнал почерк жены. Она писала неряшливо, словно впопыхах, но слова можно было разобрать. Йоаким прочитал то, что написала Катрин, несколько раз подряд, пытаясь понять смысл.

В двенадцать Йоаким приготовил всем праздничную кашу. Телефон уже работал, и сразу после ланча раздался первый звонок. Это был Герлоф Давидсон.

— Теперь вы знаете, что такое настоящий шторм, — сказал старик.

— Да, теперь знаем, — согласился Йоаким, вспоминая прошедшую ночь.

— Я чувствовал, что он приближается, — продолжал Герлоф. — Но не думал, что это случится именно вчера. Как хутор?

— В порядке. Только черепицу потрепало.

— А дороги?

— Занесло снегом.

— Раньше после такого шторма могло пройти несколько недель, прежде чем по ним можно было проехать, — но теперь, конечно, все расчистят быстрее.

— Мы подождем, — сказал Йоаким. — Я последовал вашему совету и закупил консервов.

— Хорошо. Вы там один с детьми дома?

— Нет, у нас тут незванный гость. Вообще-то, гостей было много, но остался только один. Тяжелое выдалось Рождество.

— Я знаю. Тильда позвонила утром из больницы. Она преследовала грабителей, забравшихся к вам в дом.

— Да, им нужны были картины Торун Рамбе. Воры почему-то решили, что их здесь много.

— Вот как?

— Но у нас только одна. Остальные уничтожены, но не Торун и не Мирьей. Один рыбак выбросил их в море.

— Когда это было?

— Зимой тысяча девятьсот шестьдесят второго года.

— Шестьдесят второго, — задумчиво повторил Герлоф. И сказал после паузы: — В ту зиму мой брат Рагнар замерз во время шторма.

— Рагнар Давидсон? Он был вашим братом?

— Старшим.

— Он не замерз. Я думаю, его отравили, — сказал Йоаким и рассказал то, что прочитал в тетрадке Мирьи Рамбе об ее последней ночи на хуторе.

— Видимо, это был метиловый спирт, — сказал Герлоф, дослушав рассказ Йоакима. — На вкус как обычный спирт, но от него можно умереть.

— Мирья сказала, что Рагнар это заслужил.

— Но он действительно уничтожил картины? — спросил Герлоф. — Я в этом сомневаюсь. Мой брат никогда ничего не выбрасывал. Он был страшный жмот.

Йоаким молчал. Он думал.

— Еще кое-что, пока я не забыл, — прибавил Герлоф. — Я тут кое-что для тебя записал.

— Записал?

— Я много думал и записал свои мысли на пленку. Ты получишь кассету по почте, когда дороги расчистят. Это касается того, что случилось на хуторе.

Еще получасом позже после того, как он закончил разговор с Герлофом, раздался новый звонок. Звонили из полицейского участка Кальмара, чтобы сообщить, что они готовы забрать преступника, если Йоакиму удастся найти и расчистить от снега подходящее место для посадки вертолета.

— Таких мест тут достаточно, — ответил Йоаким.

Положив трубку, он вооружился лопатой и расчистил за домом площадку для вертолета, на которой лопатой изобразил в снегу крест, чтобы его видно было с высоты. Когда в небе над хутором раздался шум вертолета, Йоаким пошел за Фредди.

— Это ваши машины? — спросил Йоаким, выходя с грабителем на крыльцо.

Он показал пальцем на два больших сугроба в отдалении, по форме напоминавшие машины.

Фредди кивнул, сказав:

— И лодка наша.

— Ворованная?

— Ну да.

Дальнейшему разговору помешал шум винтов. Вертолет опустился на середину креста, подняв клубы белого снега. Из вертолета вышли двое полицейских в шлемах и подошли к крыльцу. Фредди не сопротивлялся.

— Вы справитесь? — спросил один из полицейских у Йоакима.

Тот кивнул. Фредди помахал ему на прощание, и Йоаким помахал в ответ. Когда вертолет исчез на горизонте, Йоаким пошел по сугробам в сторону засыпанных снегом машин. Он очистил одну из них от снега — это

оказался черный фургон — и заглянул в кабину. Внутри кто-то сидел. Неподвижно. Йоаким взялся за ручку и открыл дверцу.

Это был мужчина. Он сидел, сжавшись на сиденье, словно в отчаянной попытке сохранить тепло. Проверять пульс не было смысла. И так было видно, что мужчина мертв.

В замке зажигания торчал ключ. Видимо, двигатель работал на холостом ходу всю ночь, пока не заглох и холод не проник в кабину. Йоаким поспешил захлопнуть дверцу и вернулся домой, чтобы позвонить в полицию и сообщить, что пропавший грабитель найден.

Солнце продолжало ярко светить и в последующие дни. Ветра не было. Снега тоже. Только иногда от снежных шапок, покрывавших крыши, отделялись ломти и мягко падали на землю. Птицы вернулись к своим кормушкам. На третий день вынужденной изоляции пришел конец: на хуторе показался снегоочиститель из Марнэса. Он был похож на ледокол, рассекающий бескрайнее снежное море.

Проселочная дорога теперь была свободна, и Йоаким принялся за расчистку подъезда к хутору. Два часа работы — и по ней можно было проехать. Вернувшись домой, Йоаким вставил в фонарик новую батарейку и пошел к коровнику.

Посреди коровника стояла обугленная лестница. Но Йоакима она не интересовала. Помедлив на пороге, он все же пошел к дальней стене и, опустившись на колени, заполз в отверстие в стене.

Внутри потайной комнаты Йоаким зажег фонарь и прислушался. Там было тихо. Тогда он поднялся по лестнице наверх в часовню.

Тонкие лучи солнца проникали внутрь сквозь щели в стене, освещая часовню изнутри. Там было тихо. Письма и подарки по-прежнему лежали на скамьях. Йоаким медленно пошел по проходу. Дойдя до первой скамьи в ряду, он увидел, что куртка Этель и подарок для Катрин тоже лежат там, где он их оставил. Но сверток был вскрыт. Кто-то оторвал скотч и развернул подарочную бумагу.

Йоаким не стал проверять, на месте ли зеленая туника. Он оставил сверток лежать на скамье, а сам поднял со скамьи куртку Этель. Внезапно его пальцы нащупали под тканью какой-то плоский предмет...

Куртку Йоаким положил в пластиковый пакет перед визитом комиссара Хольмблада, прибывшего на хутор на собственной машине, когда дороги расчистили.

К тому времени «скорая помощь» уже увезла тело последнего грабителя. Полиция тоже приезжала — искать в снегу пули. Местное радио, не называя имен, сообщило, что на хуторе во время шторма погибли два человека. Диктор назвал шторм самым сильным проявлением стихии со времен Второй мировой войны. Хольмблад вышел из машины и поздравил Йоакима с праздниками.

— Спасибо, — сказал Йоаким. — Хорошо, что вы заехали.

— Вообще-то я в отпуске, — заметил комиссар, — но хотел проверить,

как вы держитесь после всего, что случилось.

— У нас все в порядке.

— Да, к счастью, шторм закончился.

Йоаким кивнул и спросил:

— А как себя чувствует Тильда?

— Относительно хорошо, — ответил Хольмблад. — Я говорил с ней утром. Ее выписали, и она сейчас дома у матери.

— А тот второй полицейский?

— Это был ее преподаватель из полицейской школы. Отец двоих детей. Такая трагедия. Он не должен был быть здесь...

Помолчав, комиссар прибавил:

— Слава богу, Тильда жива. И справилась с заданием.

— Да, она молодец, — сказал Йоаким, открывая входную дверь. — У меня есть кое-что, что я хотел бы вам показать. Посмотрите?

— Конечно, — кивнул Хольмблад.

Йоаким пригласил комиссара в кухню, где быстро освободил стол.

— Вот, — сказал он, кладя на стол пакет с курткой Этель и предмет, найденный за подкладкой. Это была позолоченная визитница. В пакете также лежала записка с угрозой.

— Что это? — спросил Хольмблад.

— Я не уверен, но мне кажется, что это улики.

После отъезда Хольмблада Йоаким взял рюкзак и пошел по снегу к северному маяку. По дороге он бросил взгляд в сторону леса. Большинство деревьев выдержали шторм, за исключением пары старых сосен, поваленных ветром.

Белые башни возвышались на фоне синего неба. Еще не добравшись до дамбы, Йоаким понял, что попасть внутрь будет трудно. Волны заливали подножия башен во время шторма, и теперь они были покрыты толстой коркой белого льда. Она как гипс охватывала башни плотным кольцом.

Опустив рюкзак на снег, Йоаким расстегнул молнию и достал из внутреннего кармана ключи от маяка, большой молоток, монтировку, масляный спрей и три термоса с горячей водой.

Полчаса ушло у Йоакима на то, чтобы очистить лед с двери и отпереть замок. И на этот раз ему не удалось полностью открыть дверь, поэтому пришлось пролезать в узкую щель. Протиснувшись внутрь, Йоаким включил принесенный с собой карманный фонарик.

Эхо его шагов уносилось далеко вверх по винтовой лестнице, но других шагов слышно не было. Чтобы не потревожить души прежних

смотрителей маяка, Йоаким не стал подниматься вверх по лестнице.

В ушах у него звучали слова Герлофа Давидсона: «Я в этом сомневаюсь. Мой брат никогда ничего не выбрасывал... У него были ключи от маяка, наверняка картины все еще лежат там».

Под лестницей Йоаким увидел деревянную дверь, которую заметил еще в прошлый раз, когда был здесь. Он без колебаний открыл ее и, пригнувшись, вошел внутрь.

На стене висел календарь на 1961 год. На полу Йоаким увидел канистры для бензина, пустые бутылки и старые фонари. Все это напоминало мусор, скопившийся на сеновале над коровником, — но все же здесь было чище. Вдоль стены стояли несколько ящиков. Приподняв крышку самого ближнего ящика, Йоаким осветил внутрь фонариком. Внутри лежали медные трубы около полуметра длиной. Их должны были использовать на Олуддене полвека назад, но Рагнар Давидсон украл трубы и спрятал здесь. Йоаким сунул руку в ящик и приподнял одну из труб.

Куда мы едем? — спросила Ливия, когда они за день до Нового года выехали с хутора на проселочную дорогу.

Девочка была в плохом настроении.

— Мы заедем к Мирье в Кальмар, а потом поедem в Стокгольм к бабушке, но сначала навестим маму.

Ливия, ничего на это не сказав, положила руку на клетку Распутина и устремила взор в окно.

Через пятнадцать минут Йоаким припарковал машину у церкви в Марнэсе. Выключив мотор, он взял пакет из бардачка, вышел из машины и направился к калитке.

— Вы идете? — спросил он через плечо.

Раньше он не мог заставить себя прийти сюда, но решил, что теперь пора. Кладбище было укрыто снегом, но дорожки вдоль могил недавно расчистили.

— Далеко идти? — поинтересовалась Ливия, когда они огибали церковь.

— Нет, мы уже почти пришли, — ответил Йоаким.

Еще через минуту они стояли перед могилой Катрин, засыпанной снегом. Из-под сугроба виднелся только краешек памятника, и Йоаким нагнулся, чтобы стряхнуть снег.

«Катрин Лунный свет Вестин» и даты рождения и смерти.

Сделав шаг назад, Йоаким встал между Ливией и Габриэлем.

— Здесь покоится мама, — тихо произнес он.

Дети стояли словно оцепенев. Никто не произнес ни слова.

— Здесь красиво, да? — нарушив тишину, сказал Йоаким.

Ливия молчала. Габриэль отреагировал первым.

— Мне кажется, маме холодно, — проговорил он.

И, подойдя к могиле, начал молча расчищать снег.

Сначала с памятника, а потом и с земли перед ним. Показались засохшие розы. Это Йоаким положил их на могилу осенью.

Довольный своей работой, Габриэль вытер нос варежкой и посмотрел на Йоакима.

— Молодец, — сказал тот сыну.

Затем достал из пакета фонарь со свечой внутри, который с трудом вдавил в промерзшую землю. Свечи должно было хватить на пять дней.

Значит, на Новый год у Катрин будет свет.

— Вернемся в машину? — предложил детям Йоаким.

Габриэль кивнул, но затем нагнулся и потянул кусок ткани, торчавший из-под снега на могиле Катрин.

Это была застывшая на морозе светло-зеленая ткань, по виду напоминавшая рукав от кофты. Йоаким похолодел.

— Оставь, Габриэль! — сказал он резко.

Напуганный сын выпустил ткань. Нагнувшись, Йоаким быстро закидал ее снегом. Затем спросил:

— Идем?

— Я хочу еще побыть здесь, — ответила Ливия, не отводя глаз от памятника.

Взяв Габриэля за руку, Йоаким повел его к выходу. Там они остались ждать Ливию. Через пару минут она их догнала, и вся семья вернулась в машину.

По дороге в Кальмар Габриэль заснул. Когда они выехали на шоссе, Ливия заговорила. Но она по-прежнему не спрашивала о Катрин. Вместо этого девочка поинтересовалась, сколько дней осталось до окончания каникул, и рассказала, чем она займется в «нулевке». Ничего важного дочь не сообщила, но Йоаким с удовольствием слушал ее болтовню.

В полдень они были Кальмаре. Дома у Мирьи Рамбе царил беспорядок. Паркетный пол покрывал толстый слой пыли, и хотя в углу гостиной стояла елка, она была без игрушек, и с нее уже начала опадать хвоя.

— Я хотела навестить вас на Рождество, — сказала Мирья Рамбе, встречая их в прихожей, — но у меня, к сожалению, нет вертолета.

Дома был ее бойфренд Ульф, который очень обрадовался приходу детей. Он повел их в кухню показывать торт, который сам готовил.

Йоаким достал из сумки тетрадку и протянул Мирье.

— Спасибо, — сказал он.

— Пригодилась?

— Конечно. Я многое понял.

Мирья Рамбе пролистала тетрадку и сказала:

— Я начала писать ее, когда Катрин сообщила мне, что вы собираетесь купить Олудден.

— Катрин написала в конце пару страниц.

— О чем?

— Мне кажется, она хотела все объяснить.

— Я почитаю, когда вы уедете.

— Я хотел спросить кое-что... Откуда ты столько знаешь о людях, живших на хуторе?

Мирья обратила на Йоакима взгляд, полный грусти.

— Они мне рассказали, — ответила она. — Ты никогда не говорил с покойниками?

Йоаким не знал, что ответить.

— Так все это правда? — проговорил он.

— Кто знает. У призраков своя правда.

— Но то, что ты рассказала о себе, — это правда?

Мирья опустила глаза.

— Более или менее, — ответила она. — В последний раз я виделась с Маркусом в кондитерской в Боргхольме. Потом мы пошли к нему домой. Родители были в отъезде. Оказавшись внутри, он толкнул меня на пол. В том, что случилось, не было никакой романтики, но я не сопротивлялась. Я думала, что так делают все пары. Но когда Маркус поднялся с пола, он боялся встретиться со мной взглядом. Пока я поправляла юбку, он рассказал, что встретил на материке девушку. Они собирались обручиться. *Наше прощание* — так он назвал то, что случилось.

В комнате воцарилась тишина.

— Так это он был отцом Катрин? — произнес Йоаким после паузы.

Мирья кивнула:

— Он был молод. Развлекся со мной и двинулся дальше.

— Но он не утонул тогда в шторм или...

— Нет, — ответила Мирья. — Но лучше бы он утонул.

Йоаким молчал. Из кухни доносился смех Ливии. Он звучал почти как смех ее мамы в детстве.

— Тебе следовало рассказать Катрин, кто был ее отец, — сказал он наконец. — Она имела право знать.

Мирья фыркнула.

— Мы прекрасно обошлись без него. Я тоже не знала, кто мой отец.

Йоаким сдался.

— У нас для тебя подарки, — сказал он, поднимаясь. — Поможешь их принести из машины?

— Попроси Ульфа, — ответила Мирья. И тут же переспросила: — Подарки для меня?

Бросив взгляд на ее ателье, увешанное солнечными летними пейзажами, Йоаким произнес:

— Именно для тебя.

Пятью часами позже он с детьми уже был в Стокгольме. В отличие от

квартиры Мирьи Рамбе, дома у Ингрид, матери Йоакима, было чисто и аккуратно. В городе оказалось почти так же холодно, как и на острове, но ветра почти не ощущалось. Йоаким от этого уже отвык.

— Я получил работу, — сообщил он за ужином.

— На Эланде? — спросила Ингрид.

Он кивнул:

— Мне позвонили вчера. Предложили заменить учителя труда. На первое время подойдет, а дальше посмотрим. По выходным мне еще нужно отремонтировать дом и пристройки, чтобы там можно было жить.

— Будешь сдавать дачникам?

— Может быть. Олуддену нужны человеческие голоса.

После ужина пришло время раздачи подарков. Йоаким протянул Ингрид увесистый продолговатый пакет.

— С Рождеством, мама, — сказал Йоаким. — Мать Катрин сказала, что тебе это пригодится.

Открыв пакет, Ингрид округлила глаза. В руках у нее была одна из труб, спрятанных Рагнарсом Давидсоном в маяке.

— Загляни внутрь, — намекнул Йоаким.

Ингрид так и сделала, а потом просунула внутрь трубы пальцы и вытянула свернутый холст. Осторожно развернув его, она увидела зимний пейзаж, написанный маслом.

— Что это? — сказала она с удивлением.

— Это остров в шторм. Картина Торун Рамбе, — пояснил Йоаким.

— Но почему ты отдал ее мне?

— Картин много, почти полсотни. Один рыбак украл их и спрятал в маяке на Олуддене. Они пролежали там тридцать лет.

Ингрид молча разглядывала картину.

— Сколько она может стоить? — спросила она наконец.

— Это не имеет никакого значения.

Вечером Ливия и Габриэль пошли с бабушкой прогуляться, а Йоаким поднялся на второй этаж и подошел к закрытой двери в комнату, которая когда-то была сначала комнатой Этель, а потом и его собственной.

Половины мебели не было, плакаты со стен Ингрид сняла, но в комнате оставались кровать и прикроватный столик, на котором стоял магнитофон. Черный пластмассовый корпус треснул, после того как на одной из вечеринок магнитофон уронили на пол, — но он все еще работал. Йоаким вставил в приемник кассету, присланную парой дней раньше по почте. Отправителем значился Герлоф Давидсон.

Присев на старую кровать, Йоаким нажал клавишу воспроизведения и приготовился слушать рассказ Герлофа.

В три часа пополудни Йоаким вошел в метро.

Он направлялся в Бромму — поздравить сестру с Новым годом. И поговорить с ее убийцей.

На выходе из метро он остановился у киоска и купил букет роз. Потом пошел по дороге, ведущей мимо вилл к морю. «Здесь все как раньше», — подумал Йоаким. Солнце садилось, окрашивая дома в оранжевый цвет. Вскоре он оказался на улице, где прежде жил с Катрин. Йоаким подошел к калитке и посмотрел на свой бывший дом. Тот выглядел нежилым, но в окнах горел свет — наверное, чтобы отпугивать воров.

Йоаким опустил букет рядом с забором, выпрямился и несколько секунд думал об Этель и Катрин. Затем он повернулся к дому напротив. Во всех комнатах горел свет. Это была вилла Хесслинов — самая красивая в квартале.

Йоаким вспомнил, что по телефону Микаэль Хесслин сказал, что он и Лиза останутся дома на Новый год. Йоаким прошел через калитку и позвонил в дверь. Открыла Лиза Хесслин. Узнав Йоакима, она радостно сказала:

— Входи, Йоаким! С Новым годом!

— Спасибо, и вас тоже.

— Хочешь кофе? Или бокал шампанского? — предложила Лиза, помогая Йоакиму раздеться.

— Спасибо, не надо. Микаэль дома?

— Нет... Он поехал с мальчиками на заправку, чтобы купить еще петард. — Лиза улыбнулась. — У нас уже закончились. Но они скоро вернутся. Так что подожди немного.

— Спасибо.

Йоаким прошел в гостиную, из которой открывался вид на залив, и сел на диван.

— Можешь прочитать одну вещь? — обратился он к Лизе.

— Какую?

— Эту записку.

Йоаким сунул руку в карман, вынул сложенную копию записки, которую нашел в куртке Этель, и протянул Лизе.

Она развернула листок и стала читать:

— «Пусть эта обдолбанная сука...»

Лиза замолчала.

— Читай дальше! — требовательным тоном произнес Йоаким. — Это ты написала ее и дала Катрин?

Она покачала головой.

— Тогда Микаэль...

— Я тебе не верю.

Лиза вернула ему записку. Взяв ее, Йоаким поднялся.

— Я могу включить магнитофон? — спросил он, подходя к музыкальному центру в углу и доставая из кармана кассету.

— Хочешь послушать музыку? — с иронией спросила Лиза.

— Нет, — ответил он, вставляя кассету в приемник, — кое-что другое.

Нажав клавишу воспроизведения, он вернулся и сел на диван напротив Лизы. В комнате раздался хрипловатый голос Герлофа Давидсона:

— «Итак, приступим... Я одолжил диктофон у Тильды, и вроде бы мне удалось его включить. Я много думал о смерти твоей жены, Йоаким. Если ты не хочешь об этом вспоминать, выключи магнитофон немедленно... но, как я уже сказал, я много думал...»

Лиза вопросительно взглянула на Йоакима, но в эту секунду Герлоф продолжил:

— «Я думаю, что Катрин убили. Убийца не оставил после себя следов на пляже, потому что его на пляже не было. Он приплыл на лодке. Я не могу назвать тебе имя убийцы, но я думаю, что это крепкий мужчина средних лет. У него есть дом на юге Готланда, где он держит лодку. Лодка должна быть довольно быстроходная, чтобы на ней можно было быстро доплыть до Эланда, но легкая, чтобы можно было причалить к Олуддену, где глубина у дамбы не больше двух метров. У него...»

— Кто это говорит? — спросила Лиза.

— Слушай! — отрезал Йоаким.

— «Но откуда убийца знал, что Катрин будет одна дома в тот день? Я думаю, что она и убийца были знакомы. Услышав шум мотора, Катрин вышла из дома. Убийца ждал ее на носу лодки с орудием убийства в руках, когда твоя жена вышла на дамбу. Но Катрин ничего не заподозрила, потому что убийца держал в руках обычный багор...»

Герлоф закашлялся и продолжил:

— «Орудием убийства был деревянный багор. Старомодный, тяжелый, с железным крюком на конце. Я видел, как таким багром дерутся моряки. Им легко зацепить одежду противника и столкнуть в воду. Чтобы утопить человека, достаточно просто удерживать его некоторое время под водой. Это орудие убийства не оставляет ни отпечатков пальцев, ни каких-либо

других следов. Остаются только рваные дыры на одежде. Я нашел такие на одежде твоей жены...»

Герлоф замолчал. Потом добавил:

— «Так, мне кажется, это и произошло, Йоаким. Я знаю, что это не умерит твою боль... Но даст ответ на твои вопросы. Если хочешь, заезжай выпить кофе. А теперь я выключаю диктофон».

Голос оборвался, и теперь из динамиков доносилось только тихое шипение.

Йоаким встал и вынул кассету из приемника, сказав:

— Вот и все.

— Кто это был, чей голос на кассете? — снова спросила Лиза.

— Друг, — ответил Йоаким, пряча кассету в карман. — Ты его не знаешь... Так это правда? — прибавил он.

Лиза открыла рот, но не смогла подобрать слов.

— Нет, — сказала она после паузы. — Ты ведь в это не веришь?

— Микаэль был на Готланде в день смерти Катрин?

— Откуда мне знать? Это было осенью... Я не помню, когда именно.

— Когда он туда ездил? Он же должен был поехать, чтобы убрать лодку на зиму. Разве нет?

Лиза не отвечала.

— Я был в тот день в Стокгольме и звонил вам в дверь. Никого не было дома.

Лиза по-прежнему молчала.

— У него есть ежедневник? Мы можем проверить?

Она повернулась к нему спиной со словами:

— С меня достаточно, Йоаким. Мне нужно готовить еду.

Затем подошла к входной двери и распахнула ее. Йоаким поднялся. Не дойдя до порога, он остановился перед фотографией на стене: Микаэль Хесслин за штурвалом своей белой яхты. Он улыбался в камеру. Багра нигде не было видно.

— Красивая яхта, — заметил Йоаким.

Когда он вышел, Лиза заперла за ним дверь.

Йоаким вздохнул и направился к калитке; в этот момент из-за поворота показалась машина. Это был Микаэль. Он заглушил двигатель и вышел из машины. В руках у него были пакеты с петардами. Двое мальчиков, тоже с пакетами в руках, выпрыгнули из машины и побежали к дому.

— Йоаким, ты вернулся? — сказал, заметив его, Микаэль. — С Новым годом!

Он протянул руку, но Йоаким ее не пожал. Он спросил:

— Что тебе приснилось в ту ночь на Олуддене, Микаэль? Ты проснулся от страха, потому что увидел привидение, да?

— О чем ты?

— Ты убил мою жену, — произнес Йоаким.

Микаэль продолжал улыбаться, словно до него не дошел смысл сказанного.

— А в прошлом году ты заманил Этель к морю, — продолжил Йоаким. — Ты дал ей дозу героина и столкнул в ледяную воду.

Микаэль перестал улыбаться и опустил руку.

— Она портила вам картину счастливой жизни. Наркоманы вам в этом районе не нужны. А как насчет убийц?

Микаэль покачал головой, глядя на Йоакима, как на умалишенного:

— Ты хочешь обвинить меня в убийстве?

— Да, — ответил Йоаким.

Микаэль посмотрел в сторону дома и снова улыбнулся.

— Попробуй! — заявил он.

И пошел мимо Йоакима к двери.

— Есть улики, — заметил Йоаким.

Микаэль продолжал идти к вилле.

— Твои визитки. Где ты их держишь?

Микаэль остановился, но не обернулся. Йоаким подошел ближе и, повысив голос, сказал:

— Наркоманы всегда воруют — ты не знал? Они всегда берут то, что плохо лежит. И пока ты вел мою сестру к воде, Этель воспользовалась случаем и стащила у тебя одну ценную вещь из кармана.

Йоаким достал полароидный снимок предмета в пластиковом пакете. Это была позолоченная визитница с выгравированной на ней надписью «Хесслин. Финансовые консультации».

— В куртке у Этель была твоя визитница. Этель подумала, что она золотая.

Микаэль молчал. Он только бросил взгляд через плечо на фото и снова продолжил путь.

— Я отдал все полиции, — сказал Йоаким. — Они с тобой скоро свяжутся.

Он поймал себя на том, что стоит на улице и кричит, как когда-то Этель, но это его не волновало.

Йоаким стоял, пока Микаэль не вошел внутрь, поспешно заперев за собой дверь. Спешка его и выдала. Йоаким знал, что ждет Микаэля. Жизнь в постоянном страхе, что к дому подъедет машина, двое полицейских

позвонят в дверь и спросят, где он был в тот осенний день. Соседи, проживавшие в вилле ниже по улице, с любопытством начали выглядывать в окна, проверяя, что происходит.

— С Новым годом, Микаэль! — крикнул Йоаким в закрытую дверь.

Он был один на улице. Выдохнув, он развернулся и пошел к метро, но потом решил в последний раз посмотреть на Яблочную виллу. Букет роз опрокинул ветер, и Йоаким снова приставил его к забору. Йоаким думал о сестре. «Я должен был сделать для нее больше» — так он сказал тогда Герлофу.

Вздохнув, Йоаким посмотрел на дом.

— Ты идешь? — спросил он.

Подождав пару секунд, он пошел обратно — к своей семье, чтобы отпраздновать с ней Новый год. Стокгольмцы уже начали запускать ракеты. Прорезывая темное небо белыми стрелками, они взрывались в воздухе тысячами цветных искр, чтобы через пару секунд превратиться в призрачный свет погасших маяков.

Комментарий к «Книге штормов», сделанный Катрин Вестин

Я прочитала твою книгу, мама.

И, обнаружив в конце пустые страницы, решила ответить на твой вопрос, прежде чем вернуть ее тебе.

Ты столько всего написала в этой книге. Ты утверждаешь, что моим отцом был солдат Маркус Ландквист, утонувший во время крушения парома зимой 1962 года. Но такой катастрофы здесь не было, я это проверила, или о ней никому не известно.

Я не удивлена. Ты и раньше много врала мне об отце. То он был твоим одноклассником, то сыном американского дипломата, то норвежским искателем приключений, попавшим в тюрьму еще до моего рождения. Тебе нравилось выдумывать небылицы.

Неужели ты действительно отравила старого рыбака, когда вы жили на хуторе? И бросила свою ослепшую мать Торун на произвол судьбы?

Это не удивило бы меня. Но, как я уже сказала, тебе всегда нравилось выдумывать. Ты ненавидела реальность, ненавидела такие понятия, как «долг» и «ответственность». Тяжело расти с такой матерью. Мне все время приходилось клещами вытягивать из тебя правду.

Поэтому себе я обещала, что у моих детей будет совсем другая жизнь, спокойная и надежная.

Сестра Йоакима ненавидела меня за то, что я взяла на себя заботу об ее дочери. Но Этель сама не была на это способна. Ты всегда так идеализировала наркотики, мама. Тебе стоило бы на нее посмотреть.

Ее ненависть росла с каждым днем. Но сколько бы она ни стояла у нас под домом и ни кричала, я все равно не вернула бы ей Ливию. Все соседи устали от криков Этель.

Я чувствовала: что-то случится. Чувствовала сердцем. Но я ничего не сделала в тот вечер, когда сосед подошел к Этель у калитки. И я не горевала, когда ее нашли мертвой. Но я знаю, что Йоаким переживал. Он скучает по сестре. И он хочет знать, кто причинил ему такую боль.

Мне не известно точно, что произошло, но мужчина, которого я видела с Этель, обещал приплыть сегодня на остров, чтобы, все объяснить. Скоро я пойду его встречать.

Твою книгу я пока оставляю на скамье вместе с курткой Этель. Как и

тебе, мне нравится сидеть здесь в полумраке, мама. Здесь так спокойно.

Пока я хранила эту комнату в секрете от Йоакима, но скоро я ему ее покажу. Здесь для всех хватит места.

Это необычная комната, полная воспоминаний о тех, кто когда-то жил на хуторе и кого больше нет в живых. Они передали нам по наследству эту землю и исчезли. От них остались только имена, даты и короткие стихотворения.

То же самое останется и от нас.

Воспоминания и призраки.

Выражение признательности

На Эланде много красивых маяков, есть тут и места, где в древности приносили в жертву людей и животных. Но Олудден и его обитатели — плод фантазии автора.

Книга, которая вдохновила меня на создание романа об Эланде, называется «Шторма на Эланде». Написал ее Курт Лундгрэн.

Я хочу поблагодарить Аниту Тингскулл, которая показала мне свой красивый дом в Перснэсе, и Хокана Андерсона — за экскурсию по особняку в Боргхольме. Спасибо Чештин Юлин и дочери смотрителя маяка Кристине Эстерберг, а также трем стокгольмцам — Марку Эрси, Аннет Андерсон и Андерсу Веннерстену.

Спасибо моим эландским родственникам, прежде всего маме Марго и ее двоюродным братьям и сестрам — Гунилле, Хансу, Улле, Бертилю, Лассе и их семьям.

Хочу также поблагодарить тех, кто занимался изданием этой книги, — Лотте Акилониус, Сюзанну Виден, Дженни Тор и Кристиана Манфреда.

Спасибо Хелене и Кларе, моему отцу Моргану, сестре Элизабет и ее семье.

Юхан Теорин

notes

Примечания

1

По-шведски *al* — угорь. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Солдат удачи навсегда (*англ.*).

З

Сила (*англ.*).

4

Побеждает сильнейший (*англ.*).

5

Заткнись! *(англ.)*.

6

Не двигайся! *(англ.)*.

7

Глëгг — шведский рождественский напиток, напоминающий глинтвейн.

Содержание

[Юхан Теорин Ночной шторм](#)

[Зима 1846 года](#)

[Начни новую жизнь в деревне!](#)

[Октябрь](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[Зима 1868 года](#)

[4](#)

[5](#)

[Ноябрь](#)

[6](#)

[Зима 1884 года](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[Зима 1900 года](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[Зима 1916 года](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[Зима 1943 года](#)

[Декабрь](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[Зима 1959 года](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[Зима 1960 года](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[Зима 1961 года](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[Зима 1962 года](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[Зима 1962 года](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[Зима 1962 года](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[45](#)

[Комментарий к «Книге штормов», сделанный Катрин Вестин](#)

[Выражение признательности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)